

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 2 · 2012

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

2-2012

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке.
Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 29.06.2012

Уч.-изд. л. ??? Усл. печ. л. ???

Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е.В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У)); **Арутюнян Л.А.**, д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); **Бабешко В.А.**, д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); **Бодалев А.А.**, д-р психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З.А.**, д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); **Знаков В.В.**, д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); **Иванов А.Г.**, д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. н., проф. (РАО); **Латфуллин Г.Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); **Марьин М.И.**, д-р психол. н., проф. (МВД РФ); **Никовская Л.И.**, д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); **Романова А.П.**, д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); **Рябикина З.И.**, д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. н., проф. (СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист.н., проф. (Пермский ГУ); **Шабров О.Ф.**, д-р полит.н., проф. (РАГС); **Шпак В.Ю.**, д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам гл. редактора); **Белоконь Т.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. н., проф. (зам гл. редактора); **Ермоленко В.В.**, канд. тех. н., доц.; **Ждановский А.М.**, канд. ист.н., проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. н., доц.; **Кольба А.И.**, канд. полит.н., доц. (зам гл. редактора); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лаврова Т.Г.**, канд. эконом. н., доц.; **Лузаков А.А.**, д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Мясникова Т.А.**, канд. эконом. н., доц.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. н., проф.; **Остапенко А.Н.**, д-р пед. н., проф.; **Савва Е.В.**, канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю.В.**, канд. эконом. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. н., проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. н., проф. (зам гл. редактора)

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Рябикина З.И., Танасов Г.Г. Методологическое единство принципов личности и общения в исследованиях человека. 4

ПСИХОЛОГИЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Курфтяк Е.В. Семейное совладание: концептуальные положения и исследование. 16
Филипиди Т.И., Флоровский С.Ю. Преодоление трудных ситуаций подростками с компенсированной затруднённой психического развития 31

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Аллахвердова О.В. Медиация как способ анализа субъектно-бытийного поля конфликта 47

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Седых А.Б. Карьерная мобильность личности в контексте современных воззрений на карьеру. 54
Сомова Е.А. Диагностика особенностей планирования профессионального будущего 67
Васюра С.А. Коммуникативная активность представителей командных и индивидуальных видов спорта 72

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения 82
Соколов А. В., Вережкин А. И. Российские выборы и потенциал протестной активности в регионах (на примере протестной кампании против итогов выборов мэра г. Астрахани 11 октября 2009 г.) 97

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Ермоленко В.В., Попова Е.Д. Интеллектуальный капитал корпорации: сущность, структура, стратегии развития и модель управления 110

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Крайнова К. А. К вопросу о понимании GR-коммуникаций в системе управления политико-коммуникативными процессами. 123
Мурзаева Е. С. Государственная политика в области обеспечения занятости молодёжи: институциональный аспект 130

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Шебанова М. А. Понятие «мировая политика» в соотношении со смежными категориями» 140

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 151

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 152

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ПРИНЦИПОВ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧЕЛОВЕКА

.....

З. И. Рябикина, Г. Г. Танасов¹

В статье прослеживается и обосновывается роль и значение методологических принципов личности и общения в психологических исследованиях человека, доказывается их взаимосвязь. Дуальность методологических принципов личности и общения отражает системность методологического поля современной науки. Их взаимообусловленность задает направление в формировании исследовательских задач и в интерпретации исследуемых феноменов.

Ключевые слова: методологический принцип, личность, со-бытийность, общение, диалог.

In the article the role and value of methodological principles of the personality and communication is traced and locates in psychological researches of the person. Their interrelation is proved. Duality of methodological principles of the personality and communication reflects a systematic of a methodological field of a modern science. Their interconditionality sets the direction in formation of research tasks and in interpretation of studied phenomena.

Key words: methodological principle, personality, co-beingness, communication, dialogue.

Методологический принцип личности в исследованиях общения

Принцип личности в исследованиях психологической феноменологии сформулирован в теоретико-методологических обобщениях отечественных психологов и служит существенным основанием в планировании исследований, а также в осмыслении и интерпретации их результатов. В соответствии

¹ Рябикина Зинаида Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. адрес: z.ryabikina@yandex.ru

Танасов Георгий Георгиевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, докторант. Эл. адрес: Lyoha@econ.kubsu.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук (МК-1380.2011.6).

с личностным принципом психические процессы, состояния и прочие психологические и психологически обусловленные феномены исследуются как порожденные, принадлежащие личности и обусловленные этой принадлежностью [2; 22 и др.].

В своем обобщающем теоретико-методологическом труде Б. Ф. Ломов писал следующее: «...психические явления формируются, развиваются и проявляются в процессах деятельности и общения. Но принадлежат они не деятельности или общению, а их субъекту — общественному индивиду — личности. <...> Таким образом, и проблема деятельности, и проблема общения «замыкаются» на проблему личности» [16, с. 289].

Следовательно, феноменология и закономерности общения, его психологическая составляющая и находящиеся с ней в связи его (общения) иные аспекты необходимо изучать с позиции личностной обусловленности, с позиции рассмотрения личности как субъекта общения, реализующего в этом специфическом виде активности значимые для личности функции и ориентированного на достижение значимых для личности целей.

При этом нужно учитывать, что глубинная мотивация или очень обобщенные побудительные причины могут не рефлексироваться личностью. Будучи не явными, эти побудительные причины могут не рефлексироваться и в научных исследованиях, не ориентированных специально на их выявление. Общение как специфический вид активности личности направляем, с одной стороны, *задачами, обусловленными внешней ситуацией* и более общими целями, реализуемыми субъектом трудовой и иной деятельности. С другой стороны, общение как вид активности личности направляется и регламентируется *личностной процессуальностью, ее непрекращающейся бытийностью со своими внутренними задачами*. То есть зачастую человек вступает в общение, чтобы получить поддержку, объективировав в отношениях с Другим свои субъективные представления, или, напротив, избегает отношений, если чувствует их возможную разрушительность для своего субъективного мира.

Характер отношений между внутренним и внешним и соответственно вопрос о детерминации активности личности внешними и внутренними причинами сложен и не имеет однозначного ответа. С. А. Рубинштейн писал, что с появлением человека возникает особая, взаимная имплицитность бытия и человека. Осмысление соотношения личности и бытия для него было связано с рассуждением о взаимопереходах, о сложной диалектике внутреннего и внешнего [22]. Та же сложная диалектика очевидна при попытке анализа и выделения причин активности личности. С одной стороны, намерение их дифференцировать всегда затруднено тем, что, решая *задачи, обусловленные внешними обстоятельствами*, личность преломляет их через систему своих ценностных воззрений и, поэтому, всегда видит эту задачу «в своем свете» и решает ее в соответствии со своими сложившимися моделями по-

ведения. С другой стороны, решая свои внутренние задачи, направляемые и регламентируемые *личностной процессуальностью, непрекращающейся бытийностью личности*, человек «вписывает» решение в свою повседневность с ее внешними обязательствами (в частности, обязательство исполнять роли и соответствовать функциям профессионала в определенном виде трудовой занятости).

Вопрос о смещениях в пространстве субъективных отношений, о неявных причинах активности личности (к явным причинам можно отнести те, которые фиксируются сторонним наблюдателем) иллюстрирует значимость личностного фактора, скрытых механизмов функционирования личности, проявляющихся в объективном пространстве ее бытия и, в частности, активности, ориентированной на отношения с другими людьми. Такие проявления в общении взрослого человека, иногда создающие затруднения в отношениях с другим человеком и зачастую воспринимаемые сторонним наблюдателем как необъяснимые, лишённые логики, прослеживаются:

а) в *инерционных механизмах*, свидетельствующих о нежелании личности изменяться, о сопротивлении изменениям, которые внешнему наблюдателю могут представляться конструктивными, так как соответствуют внешне понятным задачам адаптации, приспособления, «пристройки» к партнеру по общению [28 и др.];

б) в *защитных механизмах*, препятствующих проявлению в общении тех сторон личности, которые осознаются ею как неприемлемые, вызывающие у нее конфликтные переживания [21 и др.];

в) в *поддерживающих (направленных на подтверждение личности) механизмах*, которые могут создавать впечатление неэффективности поведения, впечатление потери соответствия между поведением и характеристиками актуальной ситуации общения (их функция, направленная на *подтверждение личностной идентичности* в общении, может не осознаваться самим субъектом) [11 и др.].

Методологический принцип личности может трактоваться по-разному и обретать конкретное наполнение в зависимости от той конкретной теоретико-методологической интерпретации личности (психологической школы), в рамках которой проводится исследование.

Неоднозначность взглядов на личность связана со сложной историей их становления. Эта история в психологической науке довольно продолжительна и характеризуется большим разнообразием. Тем не менее есть основания говорить о наиболее общих по характеру идеях, отражающих современные представления о личности. Историческая динамика взглядов на личность, ее содержание, структуру, механизмы формирования и функционирования привела к более ясному пониманию того, что личность следует рассматривать

не как изолированного индивида, но как субъекта жизненного мира (*субъекта бытия*) в его естественных жизненных связях (Ф. Е. Василюк), в нерасторжимом взаимодействии с миром (Д. А. Леонтьев), как *активного субъекта — автора своей жизни* (А. Г. Асмолов), которая складывается из многих бытийных пространств личности, являющихся ее продолжением, *вследствие реализуемой личностью субъектной активности* (З. И. Рябикина).

Один из сложившихся в отечественной психологии мощных современных теоретических трендов — субъектный подход к рассмотрению психологических феноменов и к личности как интегратору этой феноменологии [2; 22; 4; 6; 12; 21; 24 и др.]. Основные идеи, раскрывающие суть категории «субъект», очерчивающие содержание субъектного подхода в психологии, не могут не влиять на интерпретацию личности, а также тех феноменов и процессов, которые традиционно включаются исследователями в поле личностной проблематики [25].

Утверждая важность и определенный приоритет в системе научных понятий категории «субъект», А. В. Брушлинский прежде всего стремился утвердить во взглядах на человека изначально, природно присущую ему (человеку) интенцию направленности на преобразовательную активность, на изменение, подчинение среды обитания его (человека) запросам. В этой связи само становление личности есть следствие субъектной позиции, которую занимает человек по отношению к миру и к самому себе. Сохранность личности, процессуальность ее бытийности, сопровождаемая чувством личностной идентичности, требуют постоянной субъектной активности. Категория «субъект» акцентирует внимание на *качестве* активности человека. Ее привлечение в научный анализ призвано подчеркнуть в человеке действенность, активность, направленную на преобразование бытия в соответствии с внутренним содержанием личности, т. е. определение внешнего через внутреннее [22], изменение внешнего для поддержки внутреннего. Определенным образом ориентированная и реализуемая активность субъекта позволяет личности сохраняться, развиваться, поддерживать чувство личностной идентичности. Общение — один из видов субъектной активности, одно из пространств личностной бытийности, и в научном анализе общения принцип личности, реализуемый в контексте субъектного, субъектно-бытийного подходов к личности, служит эвристичным теоретико-методологическим основанием как в планировании исследований, определении его задач, так и в осмыслении и интерпретации результатов.

Методологический принцип общения в интерпретации личности

В психологии к числу ключевых относится проблема общения. Сущностный статус этого феномена в бытии человека предопределяет неистощимый интерес к познанию его закономерностей и феноменов.

В психологии личности общение традиционно рассматривается как область активности, в которой проявляется личностное своеобразие. Но оно может быть

рассмотрено и в качестве фактора, детерминирующего становление личности. Во втором случае личность предстает как следствие структуры и характера поддерживаемых ею отношений со значимыми Другими. В контексте проблем личности возможен и еще один ракурс. «Общение может быть рассмотрено как *область самоактуализации личности*, одно из пространств бытийности, которое она (личность) стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений. Аутентичное бытие в этом случае предполагает актуализацию в ситуациях общения сущностных сил личности, инициацию таких поведенческих моделей, способов действия, которые содержательно связаны с ядерными, глубинными образованиями личности» [23, с. 70].

Очевидна значимость проблемы общения, тем не менее в истории психологических исследований внимание к различным аспектам этой проблемы подвержено флюктуациям, которые не всегда поддаются объяснению. Как отмечал Б. Ф. Ломов, проблема общения привлекала внимание отечественных психологов в 1920–1930-е гг., и после довольно продолжительного спада интересов новый подъем был им зафиксирован в 1980-е гг. В своей книге «Методологические и теоретические проблемы психологии», изданной в 1984 г., он писал: «Сейчас эта проблема (проблема общения. — З. Р., Г. Т.) превращается в некоторый *«логический центр»* общей системы психологической проблематики (выделено нами. — З. Р., Г. Т.)» [16, с. 243].

Признание *фундаментальной значимости феноменологии общения не только в философии и психологии, но и во всей системе гуманитарного знания* получило еще более мощный импульс для своего развития с началом разработки основ общей социально-психологической теории в монографических исследованиях Б. Д. Парыгина и британского философа, профессора Оксфордского университета Горация Рома Харе [20]. «Основной тенденцией последнего десятилетия исследований общения, — пишет Б. Д. Парыгин, — является постепенное и все большее смещение внимания российских ученых к осознанию общей значимости этого феномена в человеческой жизнедеятельности» [20, с. 80].

В отечественной психологии рассмотрение личности и трактовка ее формирования, изменения, роста связываются с разными факторами. В одних случаях рассмотрение личности связывается с превращениями деятельности [14; 22], в других — в центре внимания оказываются психологические отношения личности [18]. Интериндивидуальная структура личности рассматривается авторами как обусловленная ее интериндивидуальной структурой отношений с другими людьми [2]. Среди авторов, исследовавших личность в процессе общения, К. А. Абульханова-Славская [1], М. И. Бобнева [4] и др. Отмечая важность и перспективность этого направления в исследованиях личности, Б. Ф. Ломов сетовал: «К сожалению, как это ни кажется странным, проблема (а точнее, область проблем), которую можно было бы определить как *«общение*

и личность», разработана в психологии явно недостаточно. Между тем понять процесс формирования и развития личности и выявить его закономерности без анализа тех реальных связей, которые раскрываются в ее общении с другими людьми, невозможно» [16, с. 312]. Еще ранее это умозаключение было сформулировано и подтверждено теоретическими рассуждениями и анализом эмпирического материала в работах Л. С. Выготского [8].

Особенности социального бытия индивида, его образ жизни включают его в круг отношений с другими людьми и превалирующие или предпочитаемые способы общения. Все это оказывает влияние на развитие личности, содействуя развитию или ограничивая его возможности. На ранних этапах онтогенеза человек определяется как личность вследствие тех отношений с другими людьми, в которые его включают старшие. На этом этапе жизнедеятельности можно говорить о том, что личность — результат или следствие этих отношений. По мере взросления и закрепления, стабилизации личностных черт человек все в большей мере проявляет *субъектность*, формируя свой круг общения и поддерживая отношения с теми людьми, которые в большей степени соответствуют его представлениям о должном круге отношений. Вступая в отношения с другими людьми, личность в своей *субъектной активности* стремится согласовать смыслы, достичь понимания, занять желаемую ролевую позицию в ролевой комбинации с партнером по общению, прийти к определенному со-переживанию, вызвать сочувствие и прочие эффекты, которые позволяют ей чувствовать аутентичность своего бытия в со-бытии с другим человеком.

Отмечая в качестве особенности неклассической науки (общенаучный тренд, рефлексией которого заняты исследователи, стремящиеся понять изменения общего характера, свойственные современной науке) «галилеевский способ мышления», Д. А. Леонтьев пишет о неклассическом прорыве в психологии, связанном с утверждением о том, что *свойства не принадлежат природе самого объекта и обнаруживаются только при его взаимодействии с другими объектами* [15]. Это же относится к психологическим свойствам человека. Они проявляются (появляются, становятся, определяются, актуализируются и т. д.) в отношениях с другим человеком, с другими людьми. В. Н. Мясищев в своей теории показал, что личность — это человек в отношении.

Фундаментальную роль, значимость Другого для становления личности (ее проявления) подчеркивал М. К. Мамардашвили. В отношениях с Другим М. К. Мамардашвили видел предпосылки способа бытия человека в мире. Находясь в «онтологическом лоно», человек никогда не оказывается наедине ни с миром, ни с самим собой [17].

Также неотделимо содержание и структурная организация личности от процессов ее отношений с другими людьми в западных персонологических концепциях (З. Фрейд, Э. Берн, интеракционные концепции личности — С. Салливан и др.).

Обусловленность развития личности процессуальными и содержательными характеристиками общения, в которое вступает личность, теми ролями, которые личность принимает на себя, опираясь в исполнении роли на определенные личностные свойства, тем самым закрепляя их в себе, не исчерпывается рассмотрением этапов онтогенеза до ее зрелости (или онтогенетической зрелости). И в дальнейшем, в зависимости от того, с кем происходит общение, в какой роли предстает личность в этом общении, на какие свои ресурсы и личностные качества опирается, актуализируя их в отношении с другим человеком, личность продолжает изменяться. То, через какие значимые отношения и ситуации общения проходит человек, какую субъектную активность при этом реализует, в чей адрес эта активность направлена (в отношении к кому личность себя проявляет в своей активности), каким личностным смыслом наделена активность, и есть «путь личности», ее становление и самоопределение, то, что философски иногда называют «дорога человека к себе».

Диалогическая ориентация — методологическое основание современного знания о личности

Рассмотрение личности как обусловленной общением, функционирующей в общении, изменяющейся в отношениях с другими людьми, как формирующей и проживающей свое бытие в общении, т.е. акцент на роли общения в становлении личности и конституировании ею ее бытия, наиболее ярко заявляет себя в диалогической ориентации научной мысли. В качестве существенного методологического критерия в рассмотрении, критическом сопоставлении и оценке теорий личности выступает дихотомия «монологизм — диалогизм» (А. Г. Асмолов и др.). В первом случае речь идет о методологическом изоляционизме, антропоцентризме (учение о монадах Г. Лейбница, философская антропология, позитивизм). Во втором случае личность рассматривается как *обретающая свою сущность в пространстве коммуникаций* (антропология Л. Фейербаха, экзистенциализм М. Бубера, структуралистская концепция личности Ж. Лакана, диалогическая методология гуманитарного познания М. М. Бахтина).

С середины XX в. *идея диалога* вошла в проблемное поле философского и социокультурного мышления и неуклонно расширяет сферу своего влияния [27]. Она преломилась в теме отношения человека с Другим, в проблеме коммуникативного действия, рассматриваемой и развиваемой в трудах Ю. Хабермаса, автора теории коммуникативного действия [26]. Почему эти проблемы вышли на передний план философских дискуссий, потеснив классический вопрос о субъекте и объекте? Ю. Хабермас пишет о несостоятельности модернистской универсализации разума, о необходимости вовлечения (включения) Другого, что происходит на основании стратегии баланса, искусстве компромисса и поиска договоренностей.

Таким образом, современное понимание сущности человека, его отношений с миром и другим человеком, в которые он вступает, связано с *идеологией диалогизма* [5; 19]. Рассмотрение структуралистами сознания личности как структурно-упорядоченной инстанции сегодня замещается его пониманием как разомкнутого. В постструктуралистском дискурсе превалирует представление о личности как противоречивой, подвижной, способной к изменению и радикальному обновлению своей сущности (М. Фуко, Ж. Делёз).

Определение смысла человеческого существования видится в необходимости обретения им *идентичности*. Но это возможно только посредством установления сходства и различия между собой и окружающим (природным и социальным) миром. Поэтому идет *непрекращающийся поиск самого себя в контактах с Иным*, т. е. в диалоге. При этом интересубъективность личности истолковывается как бисубъектность (субъект-субъектность) сферы «между моим сознанием и дискурсом Другого». Таким образом, происходит сдвиг внимания исследователей с интенциональных актов к коммуникативным [19].

Постклассическая философия, снимая противоречие между бытием-для-себя (предполагающим, что Другой является не более чем вещью) и бытием-для-других (когда Другой вторгается в сферу собственного опыта личности, отчуждая ее от собственной самости), пытается разрешить проблему в синтезе своего бытия и бытия Другого, в теме *со-бытийности*. Понятие интересубъективного опыта (как поля взаимно (со) отнесенности субъектов) и родственное ему понятие жизненного мира (как мира субъективно-(со)относимого) вводятся в научный обиход и активно используются Э. Гуссерлем на закате его философского творчества [10].

Кроме опыта непосредственной близости в общении, предполагающем живое со-участие, со-бытие, Я встречает Другого опосредованно, находя в культуре «следы» (Ж. Деррида) человеческой деятельности. Любой культурный объект в интересубъективном измерении мира не только находится во владении личности, которая воспринимает (переживает) его как присвоенный, соотносенный с собой, но и воспринимается как используемый другими субъектами, их «след», последствие их активно-конституирующей интенциональности, их *субъектной активности* [10; 25]. Бытие Другого со-определяет смысл мира личности, участвует в созидании ее бытия, т. е. *конституирует мир личности как со-участник*. И, что важно, личность рефлексивует то, что Другой осознает и воспринимает ее, т. е. личность сама выступает для другого человека одним из конституируемых им феноменов [10].

Человек не просто *присутствует* в мире наряду с другими его объектами, но конституирует вокруг себя мир: культурный, со-бытийный, мир со-бытийствующего с ним другого человека (М. Бахтин и Ж. Лакан, М. Турнье и Ж. Делёз). Таким образом, человек и его субъектная активность — суще-

ственные факторы, обуславливающие конституирование объективной и субъективной реальности этого другого человека и его самого как личности.

Благодаря присутствию человека мир бесконечных анонимных пространств заселяется, становится кем-то порождаемым, кому-то принадлежащим, «повселюдным» (Ж.-Л. Нанси) и в итоге превращается в обжитой, пригодный для личностного бытия. М. М. Бахтин писал: «Все, до меня касающееся, приходит в мое сознание, начиная с моего имени, из внешнего мира через уста других, с их интонацией, в их эмоционально-ценностной тональности; я осознаю себя первоначально через других... от них я получаю слова, формы, тональность для получения первоначального представления о себе самом... Как тело формируется первоначально в материнском лоне (теле), так и *сознание человека пробуждается окутанным чужим сознанием*» [3, с. 342]. Я одного человека не мыслится им самим иначе как в соотношении с Другим и в противопоставлении Другому [7]. Реальность бытия личности и ее со-бытия с Другим конституируется в диалоге [29].

Личность предстает субъектом языковой концептуализации мира. Известное «Я мыслю — значит я существую» получает свое продолжение в следующих утверждениях, согласующихся с установками герменевтической философии (от М. Бахтина и Г.-Г. Гадамера до Ф. Эбнера и К.-О. Апеля): *мыслить — значит говорить, а говорить — значит обращаться к кому-то, мыслить для Другого*, причем этот другой всегда *определенный Другой*, а не немое всеобщее. Говорить — это значит говорить *кому-нибудь* [9, с. 138–139]. При этом, как отмечает М. М. Бахтин, *в диалог может вступить только такой субъект, который является личностью и способен воспринять Другого как личность*.

Тема развития личности в общении, через общение, вследствие общения конкретизируется в высказывании Э. Левинаса: «Отношения с Другим проблематизируют меня, изымают и продолжают изымать меня из меня самого, раскрывая во мне все новые дарования» [13, с. 165]. Встретить Другого, однако, недостаточно: необходимо вступить с ним в «личностное отношение» и актуализировать в себе «личностное отношение».

Центральной идеей философии М. Бубера также являлось рассмотрение бытия человека как диалога. Вершина его наследия — книга «Я и Ты», в которой автор, рассматривая проблему человеческих отношений, утверждает, что знание человека о своем Я углубляется за счет все более проникающего вживания в мир Другого. М. Бубер считал, что *человек ничего не может сказать о себе, не соотнеся себя с другим человеком, не пребывая в деятельном отношении с Другим, в диалоге*. Таким образом, монологической традиции немецкой классической философии, в которой Другой — это объект, вещь, М. Бубер противопоставил *диалогическую модель бытия человека*.

М. М. Бахтин реализовал в своем научном творчестве методологические установки гуманитарного диалогизма, утверждая, что «предел здесь не я,

а я во взаимоотношении с другими личностями» [3, с. 391]. Диалогическое отношение «Я — Ты» несет в себе онтологическую укорененность человеческого существования. Вне диалога человек невозможен (!).

Идея диалога оказалась способной вобрать в себя безграничное экзистенциально-антропологическое содержание новой парадигмы постижения бытия как *со-бытия*.

Диалогическая ориентация в рассмотрении и интерпретации личности проявляет важность, базовый, определяющий характер общения, отношений с Другим в становлении, бытии, трансформациях личности. И это касается различных конкретных ситуаций общения, отличающихся по продолжительности, по реализуемым личностью намерениям, по соотношению статусов вступивших в отношения индивидов и пр.

Настроенность личности на диалог, ее избирательность в выборе меры открытости/закрытости обусловлены как характеристиками самой личности (известно, например, что женщины более открыты, склонны к самораскрытию, чем мужчины), так и ее отношением к конкретному другому человеку. То есть дозированность открытости (готовность вступить в *диалог*, принять и признать влияние другого человека) обусловлена тем, с кем вступает человек во взаимодействие.

Методологическое единство принципов личности и общения

В представленном тексте «личность» и «общение» характеризуются как выделенные в психологической науке две емкие категории, обозначающие сложноорганизованные феномены, рассматриваемые отдельно и во взаимосвязи. Категории «личность» и «общение» занимают в системе психологической науки, в ее понятийно-категориальном аппарате базовые позиции и не могут быть рассмотрены и поняты друг без друга, так как личность становится таковой в ситуациях общения, а общение есть одно из пространств *субъектной активности* личности. Общение и личность как феномены онтически взаимообусловлены и как базовые понятия психологической науки гносеологически взаимоопределены.

Значимость и роль категорий «личность» и «общение» в объяснении психологических аспектов жизни человека (и тех аспектов объективного бытия, которые обусловлены содержанием психологической составляющей) объясняют необходимость придания им статуса методологических принципов. Это подчеркивает их место и значимость в исследовании всей палитры феноменов, рассматриваемых и анализируемых психологической наукой. Вся психологическая феноменология рассматривается с позиции ее обусловленности тем фактом, что она порождается (продуцируется, обуславливается и пр.) личностью. В свою очередь, личность сама есть результат отношения с другими людьми (индивид становится личностью только в системе социальных отношений).

Общение — одно из пространств активности личности, в котором обнаруживается связность и повторяемость отдельных проявлений ввиду их принадлежности и порождаемости конкретным субъектом (личностью). *Методологический* принцип личности создает возможности для объяснения своеобразия, связности, повторяемости отдельных психических явлений, обнаруживаемых при рассмотрении и анализе понимания, переживаний и поведения человека как проявлений его субъектной активности в ситуациях общения. По мере формирования личности, возрастания ее возможностей как субъекта, способного к рефлексии и субъектной активности, возрастают ее возможности в селектировании своих связей с другими людьми, в выборе исполняемых личностью в этих отношениях ролей и пр. Помимо очевидных, артикулируемых задач (например, задачи договориться в результате деловых переговоров о снижении цены на поставляемый товар) в каждом акте общения актуализируются личностные процессы (например, «сохранение лица» или поддержка *личностной идентичности*, ее укрепление, преобразование и пр.), подчиняющие ход, сценарий, процедурные и иные моменты отношения с другими людьми по не всегда ясно осознаваемым, зачастую неявным причинам. Субъектная активность личности (то, как она понимает, переживает и ведет себя) в общении связана со становлением и поддержкой личностной идентичности.

Методологический принцип общения создает возможности для объяснения содержания, особенностей личности, делает понятными превращения, личностный рост, стагнацию, кризисы и прочие феномы, возникающие вследствие места, которое занимает личность в системе отношений с другими людьми, и характера ее взаимоотношений со значимыми Другими.

Категориальная дуальность методологических принципов личности и общения отражает системность методологического поля современной науки и задает направление в формировании исследовательских задач, ориентированных на раскрытие и интерпретацию *дуальной обусловленности* исследуемых феноменов.

Библиографический список

1. *Абульханова-Славская К. А.* О путях построения психологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 1.
2. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
4. *Бобнева М. И.* Нормы общения и внутренний мир личности // Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981.
5. *Братченко С. Л., Леонтьев Д. А.* Диалог // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 2 (11).

6. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
7. *Вальденфельс Б.* Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив Чужого. Минск: Пропаиери, 1999.
8. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч. М.: Просвещение, 1982. Т. 2.
9. *Гадамер Г. Г.* Человек и язык // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск: «Минск», 1997.
10. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
11. *Зейгарник Б. В.* Теории личности в зарубежной психологии: учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во МГУ, 1982.
12. *Знаков В. В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2.
13. *Левинас Э.* Гуманизм другого человека // Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
14. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
15. *Леонтьев Д. А.* Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: ИП РАН, 2007.
16. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
17. *Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
18. *Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
19. *Осанов А. А.* Бытие-с-другим: интерсубъективный уровень человеческого бытия // Сущность и структура человеческого бытия. Владимир: ВГПУ, 2001.
20. *Парыгин Б. Д.* Толкование общей социально-психологической теории // Социальная психология сегодня. Наука и практика: материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУП, 2008.
21. *Петровский А. В.* Психология. М.: Академия, 2009.
22. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
23. *Рябикина З. И., Сомова Е. Г.* Личность и ее самоактуализация в общении // Мир психологии. 2001. № 3.
24. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к личности и ее со-бытию со значимыми другими // Психология субъекта и психология человеческого бытия. Краснодар: КубГУ, 2010.
25. *Рябикина З. И., Тиводар А. Р.* Фактор времени в переживании со-бытия брачными партнерами // Личность как субъект организации времени своей жизни. Краснодар: КубГУ, 2008.
26. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.
27. *Янчук В. А.* Диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1.
28. *Harlow H. F., Harlow M.* Learning to love // Amer. Sci. 1966. Vol. 55, № 3.
29. *Shotter J.* Conversational Realities: the Construction of Life through Language. London: Sage, 1993.

СЕМЕЙНОЕ СОВЛАДАНИЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ

.....

Е. В. Куфтяк¹

Обсуждаются теоретические положения концепции психологии семейного совладания. Особое внимание уделяется пониманию семейного совладания как динамического процесса. Анализируются формы и эффективность копинг-процесса. Подчеркивается значимость совладающего поведения в развитии семейной устойчивости. Представлена типология семей с учетом способности постстрессового восстановления.

Ключевые слова: совладающее поведение, жизненный цикл семьи, формы семейного совладания, эффективность деятельности, устойчивость, факторы восстановления

Discusses the theoretical conception of psychology of the family coping. Special attention is given to understanding family coping as a dynamic process. Examines the form and the effectiveness of the coping process. Stresses the importance of coping behavior in the development of family stability. Typology of families, taking into account the ability of post-stress recovery.

Key words: coping behavior, family life cycle, forms of family coping, performance efficacy, resilience, recovery factors

Способность семьи противостоять силам, нарушающим ее внутреннее равновесие, — чрезвычайно важная характеристика ее жизнедеятельности. Повседневные наблюдения показывают явную связь между уровнем сплоченности семьи, ее гибкостью, потенциальными семейными ресурсами и тем, как она преодолевает трудности и нарушения. Изучение адаптивного поведения в ситуациях угрозы для продуктивности, здоровья и благополучия человека не является новым [1; 3; 8; 16]. Понятие «совладающее поведение» (*coping*) используется для обозначения поведения личности в любых ситуациях, категоризируемых человеком как критические или же трудные.

¹ Куфтяк Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Эл. почта: kuftyak@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 11-06-00812а).

Современные тенденции развития психологии стресса и совладающего поведения ставят вопрос о смещении фокуса внимания при изучении копинг-поведения и его механизмов с индивида на группу. Теоретические и прикладные исследования зарубежных психологов свидетельствуют о том, что копинг-поведение — это не отдельное, независимое явление, а неотъемлемая часть сложного, динамического процесса личности, социального окружения и их взаимоотношений [13; 14]. В зарубежной психологии для обозначения социального контекста копинг-поведения широко используется понятие «совместный копинг» (*communal coping*). В целом проблема изучения и развития механизмов защитной активности семьей остается в семейной психологии неразработанной. К общим ограничительным моментам в ее изучении можно отнести игнорирование дифференциации копинг-поведения индивидуального и группового субъектов, а также отсутствие в теоретико-эмпирических исследованиях попыток рассмотрения природы саморегуляции семьи. В данной статье мы делаем основной акцент на теоретических положениях концепции психологии семейного совладания, которые верифицированы в эмпирических исследованиях автора [4; 5].

Семейное совладание как процесс

Исследование психологических закономерностей семейного совладания ведет нас к его пониманию как явления, которое постоянно изменяется, или процесса. Члены семьи и их отношения друг с другом, с окружающим миром постоянно изменяются, что требует их переоценки и отражается на способах совладания и их изменчивости.

В настоящее время при рассмотрении процессуального аспекта семейного совладания учитываются следующие параметры: стадии семейного совладания с учетом конкретной ситуации; фазы совладания; семейное совладание на разных этапах жизненного цикла; совладание с различными стрессорами.

В процессе семейного совладания исследователи выделяют три стадии регуляции стрессовой ситуации: ожидание (уровень антиципации), воздействие и поствоздействие. На стадии ожидания семье приходится на когнитивном уровне работать над следующими вопросами: как это можно предотвратить; что можно сделать, чтобы подготовиться к стрессу или уменьшить его действие; если этого нельзя избежать, то можно ли это выдержать? На данной стадии семья может использовать стратегии совладания, начиная с избегания и заканчивая решением проблем.

На стадии воздействия некоторые мысли и действия, присутствующие на предыдущей стадии, теряют актуальность. Для того чтобы справиться с несоответствиями между ожиданиями и действительностью, семья вынуждена находить и использовать новые стратегии совладания.

По мере продвижения семьи к стадии поствоздействия появляются новые размышления на тему: «А что теперь? Может ли и /или хочет семья вернуться к положению, существовавшему ранее?» Эти реакции в свою очередь могут привести к новому уровню ожидания.

Д. Рейсс и М. Оливьери в процессе семейного совладания выделяют три фазы, вытекающие из концептуальной модели решения проблем: определение проблемы, пробное воздействие и уверенность в принятом решении [18]. Они полагают, что именно эти три фазы выступают концептуальными пунктами исследования реакции семьи на стрессовую ситуацию. Так, в пределах каждой из этих фаз семьи используют стратегии, основанные на собственных ресурсах.

Другой точки зрения на фазы семейного совладания придерживаются Г. Маккабин и Дж. Паттерсон в предложенной ими *модели реагирования семьи на приспособление и адаптацию* [17]. Эти авторы выделяют фазы сопротивления, изменения структуры и укрепления, в процессе которых семьи применяют различные адаптивные стратегии семейного совладания. Каждая фаза описывает способность семьи совладать со стрессовым событием, влияние стрессоров на устойчивость и сопротивляемость семьи, ресурсы и способности совладания/решения проблем. Предполагается, что фазе изменения структуры предшествует фаза сопротивления. Однако семьи не обязательно напрямую двигаются от кризиса к адаптации. Семья может застрять в одной из фаз или следовать циклическим путем по мере того, как она (семья) разбирается в ситуации.

Известно, что одни стрессовые ситуации краткосрочны, другие требуют от семьи совладания в течение длительного периода времени, например, в ситуации пролонгированного характера стресса (хроническая болезнь, утрата одного из членов семьи).

Семья как «организм, развивающийся во времени» [10, с. 27], имеет свой цикл развития. Динамический аспект жизненного цикла вносит необходимость приспособления стратегий совладания к конкретным событиям и ситуациям.

В цикле исследования, посвященного интегральному изучению особенностей совладающего поведения на разных этапах жизненного цикла, нами были получены доказательства динамического порядка выбора стилей/стратегий совладания в семье. Было обнаружено, что наиболее часто в начале стрессового эпизода супругами использовался только индивидуальный копинг, за которым следовали совместные копинг-усилия партнеров, лишь после этого (уже в ситуации невозможности самостоятельно преодолеть стрессовую ситуацию) партнеры осуществляли поиск социальной поддержки. Кроме того, чем более жестким был стрессор или имел пролонгированный характер, тем больше ко-

пинговых действий было осуществлено (в указанном порядке — от индивидуальных копинг-стратегий к совместным копинговым усилиям партнеров).

Определено, что динамическое развитие семьи и копинг-стратегий связано с её развитием как целостной системы. Эмпирически доказано, что динамика совладания идёт от индивидуального совладания к совместному, и эта же динамика характерна для развития семьи как целостной системы — от простой диады, в которой существует два, пока ещё привыкающих друг к другу человека, до единого организма, включающего межпоколенные взаимодействия. Семейное совладание понимается как процесс непрерывного регулирования и поддержания баланса между внутренними и внешними требованиями. Семьи сталкиваются с новыми потребностями и возможностями, которыми нужно управлять в условиях динамики жизненного цикла.

Функции и задачи семейного совладания

Освещая концепцию семейного совладания, необходимо иметь правильное представление о целях, которым служат стратегии совладания. Попытки совладания направлены на: снижение или устранение требований и их переоценку, чтобы сделать их более выполнимыми; управление напряжением, возникающим при столкновении с запросами и требованиями; увеличение ресурсов, требуемых для регулирования требований. Г. Маккабин с коллегами выделил четыре функции совладания: 1) снижение уязвимости и чувствительности семьи в стрессовой ситуации; 2) усиление или упрочнение характеристик семейной системы; 3) снижение или устранение стрессоров их негативного воздействия; 4) смена среды посредством смены социальных условий [17].

Нами выделены и обоснованы три основные задачи семейного совладания, имеющие первостепенное значение и направленные на индивида (партнера или члена семьи), семейную подсистему и семью как целое [5; 6]. Во-первых, совладание семьи снижает стресс каждого партнера. Так, благополучие одного партнера зависит от благополучия другого. В ситуациях, когда один из супругов совладать с трудностями в одиночку не может (например, недостаточно ресурсов индивидуального копинга) или оба партнера противостоят одному стрессору, семейный копинг должен помочь обоим партнерам справиться со стрессом. Во-вторых, происходит улучшение качества взаимоотношений в подсистемах. Семейный копинг оказывает значительное влияние на взаимоотношения: он культивирует чувство «мы», «нас», т.е. атмосферу взаимного доверия, надежности, преданности и самоотдачи, и ощущение того, что взаимоотношения — источник поддержки в сложных обстоятельствах.

Формы семейного совладания

Известно, что в большинстве ситуаций человек обычно пытается использовать в первую очередь индивидуальные стили совладания с трудными си-

туациями. В случае неожиданных неприятностей либо предпринятых неудачных попыток совладания член семьи обращается к ближайшему окружению [3]. Как правило, члены семей так комментируют свое поведение: «Мне нужно было к кому-то обратиться, просто сам справиться не мог»; «Я на тот момент не могла оценить ситуацию, поэтому все рассказала мужу... вместе мы справились»; «Я не могла одна принять решение, пришлось нам (родителям) совместно разрешать проблему»; «Все рассказала маме, ведь у нее есть опыт, решила: может, хоть словом или делом поможет решить трудность». Это дает понимание того, что совладающее с трудностями поведение имеет определенный динамический порядок — от индивидуального стиля совладания к совместным копинговым усилиям партнеров (либо членов семьи), направленным на преодоление стрессовой ситуации.

В серии исследований, посвященных интегральному изучению семейного совладающего поведения в ситуации нормативного семейного кризиса (при прохождении основных этапов жизненных циклов), было установлено многообразие форм совладающего поведения в семейной системе [5]. Были выделены три формы совладающего поведения, используемые в ситуациях стресса в близких отношениях: индивидуальный копинг; диадический копинг; семейный копинг.

Индивидуальный копинг нами понимается как актуальные ответы человека на воспринимаемую угрозу. В первых попытках по устранению трудной ситуации, ее преобразованию или приспособлению к ней человек обычно использует индивидуальные стили и стратегии совладания. В случае неудачных попыток индивидуально совладать с ситуацией обращаются к диадическому и групповому копингу.

Диадический копинг рассматривается как копинговые усилия одного из партнеров, направленные на улучшение и усиление функционирования другого партнера и их взаимоотношений. По мнению Г. Боденманна, данная форма копинга выступает системным событием, основанным на учете стресс-сигналов одного партнера, восприятии этих сигналов другим партнером и его ответных реакциях в какой-либо форме диадического копинга [13]. Результаты исследования, посвященного интегральному изучению семейного совладающего поведения в ситуации нормативного и ненормативного семейного кризиса, позволили нам выделить две разновидности диадического копинга — *симметрический* и *комплементарный диадический копинг*.

Симметрическое копинг-поведение партнеров, выражается в сходной взаимосвязи использования стратегий совладания. Установлено, что симметрический характер согласованности в совладании супругов отмечен в период диадических отношений — симметричность наблюдается в выборе *позитивной стратегии* совладания, а в зрелой семье — в выборе стиля, ориентированного на *решение* проблем.

При *комплементарном поведении супружеской пары* один из партнеров находится в более *успешной/адаптивной* позиции, чем другой. При этом виде поведения один из партнеров выполняет роль защитного буфера, что включает попытки позитивного настроя партнера на преодоление трудностей, готовность взять на себя ответственность за решение проблемы.

Семейный копинг рассматривается как взаимодействие и объединение копинг-усилий членов семьи. При данной форме копинг-поведение одного партнера (супруга) не является независимым от другого, как и результат их общих усилий (или разрешение ситуации).

На основе факторной корреляционной матрицы взаимосвязей 16 показателей основного и супружеского копинга нами были выделены три стиля семейного копинга.

1. Стиль *«эмоциональная направленность супруга»* в структуре семейного совладания, включает: фокусирующиеся на эмоциональных проявлениях стратегии совладания со своими негативными переживаниями и тревожными мыслями о травмирующих событиях (уход от развивающегося конфликта); ориентацию на личные интересы и потребности; проявление настойчивости при решении проблем и погружении в эмоции.

2. Стиль *«семейная эмоциональная регуляция — проблемно-ориентированность»*, направленный на отстранение от себя и изменение трудной ситуации путем поиска средств ее преодоления, рассматривается как групповой стиль совладания семьи.

3. Стиль *«семейная эмоционально-позитивная включенность»*, проявляющийся в обращении в трудной ситуации к эмоциональной составляющей супружеских отношений путем демонстрации супругами чувств, переживаний и физической привязанности по отношению друг к другу, что отражает специфичность совладания в семье как целостной структуре, основанной на близких эмоциональных отношениях.

Результаты позволили нам установить, что стиль *«эмоционально-позитивная включенность»*, наиболее выраженный на этапе формирования семьи и семьи, имеющей ребенка-подростка, предполагает попытки преодоления негативных переживаний из-за проблемы путем обращения к эмоциональной стороне супружеских отношений. Выбор данного стиля закономерно объясняется особенностями этих этапов: этап диады — эмоциональная основа в отношениях доминирует, зрелый этап — переоценка отношений, семейной жизни и возврат к эмоциональным отношениям. На этапе детородящей семьи наибольшим весом обладает стиль *«эмоциональная направленность супруга»*: в ситуации ожидания и появления ребенка характерно осознание мужчинами своей незаменимости в решении многих вопросов. Наибольший вес стиля *«семейная эмоциональная регуляция — проблемно-ориентированность»*

установлен на этапе семьи, имеющей ребенка-дошкольника, что позволяет справиться с собственными конфликтами и изменить ситуацию путем ее разрешения. Так, выявленный вес того или иного семейного стиля совладания обусловлен задачами семейной жизни и нормативной ситуацией семейного кризиса, решая и преодолевая возникающие с этим трудности, семья развивается.

Онтогенез совладания

Известно, что развитие стилевых защитных механизмов определяют следующие факторы: динамические особенности психики; личный опыт успешности удовлетворения базисных психологических потребностей; опыт отношений в родительской семье как пример разрешения жизненных ситуаций; хроническая психотравматизация личности [9]. С учетом современных научных представлений относительно механизмов формирования детской личности становление и развитие совладающего поведения рассматривается нами в зависимости от индивидуальных и семейных факторов, детерминирующих его становление. Анализ и систематизация факторов позволяют нам представить их в единой модели формирования копинг-поведения у детей (см. рисунок).

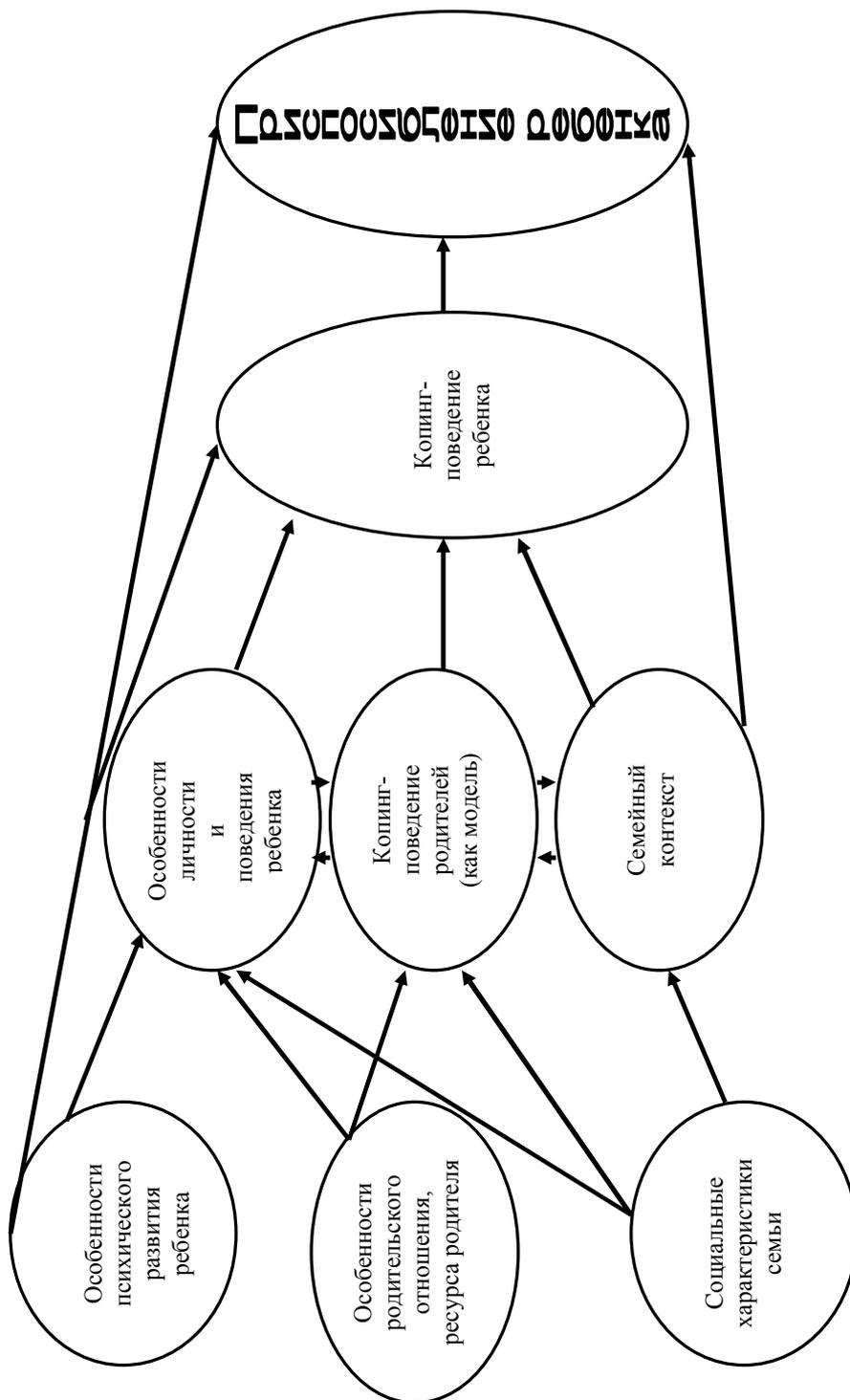
В качестве факторов, детерминирующих формирование и становление механизмов совладающего поведения, нами выделены: качество привязанности, система личностных отношений ребенка, семейный контекст, детско-родительские отношения (детский опыт отношений), модель совладающего поведения родителей [5]. Рассмотрим каждый из этих факторов подробнее.

Модель формирования механизмов совладания у детей

1. *Качество привязанности* ребенка к родителю (матери) понимается нами как стремление к близости и основа безопасности для ребенка. Привязанность формируется в ранний период жизни ребенка и подразумевает длительные отношения. Защищающая безопасная привязанность позволяет развивающемуся организму конструировать адаптивные «внутренние модели» себя и других.

По данным исследования детей с разным качеством привязанности (средний возраст — 9 лет, дети с типичным развитием и с задержкой психического развития), дети с тревожной привязанностью демонстрируют пассивный стиль копинг-поведения; дети с ЗПР используют эмоционально-поведенческие способы совладания; дети с типичным развитием прибегают к стратегиям, связанным в большей или меньшей степени с когнитивной сферой [6]. Уверенно привязанные дети выбирают активно-деятельностные копинг-стратегии, позитивные аффекты у них преобладают над негативными.

2. *Система личностных отношений* ребенка включает субъективно переживаемые связи с другими людьми (родителями, сиблингами, прародителями, друзьями, учителя) и особенности самого ребенка, проявляющиеся в от-

Модель формирования механизмов совладания у детей

ношениях (любезность, стремление к общению и доминированию, отгороженность и др.).

В ходе исследования копинг-поведения детей из семей, регулярно применяющих физические наказания, было установлено влияние личностного отношения к окружающим людям как предиктора совладания. У мальчиков значимость отношений с отцом и родительской четой способствует формированию пассивного совладания со стрессом. У девочек значимость отношений с близкими взрослыми способствует формированию стратегий, направленных на поиск социальной поддержки и деструктивной эмоциональной экспрессии.

3. *Семейный контекст* понимается нами как система условий жизнедеятельности семьи, обуславливающая влияние на функциональные, ролевые, коммуникативные и поведенческие характеристики членов семьи и семьи как целого (например, в нашем исследовании семьи с разным типом отношений).

4. *Детско-родительские отношения* оказывают влияние на психическое развитие ребенка и его социальную адаптацию, в том числе значимы для становления способности к разрешению жизненных трудностей.

Нами была установлена сопряженность детского опыта отношений с родителями, эмоциональных коммуникаций родительской семьи с выбором совладающего поведения в период взрослости. Так, высокий уровень эмоционально-коммуникативных дисфункций в прародительской семье, фиксация тревожности, неприятие и отсутствие поддержки в детстве блокируют выбор продуктивного совладания с трудностями у взрослых. Именно гармоничное взаимодействие в диаде «родитель — ребенок» (взаимное принятие, согласованность тактик родителя и ребенка, сотрудничество) выступает залогом построения у детей адаптивной функциональной модели совладания.

5. *Модель совладающего поведения родителей* — это «готовая социально-культурная обстановка», создающая для ребенка «те необходимые формы приспособления, которые давно уже были созданы у окружающих его взрослых» [2, с. 158].

Исследование проблемы формирования совладающего поведения ребенка позволило установить, что усвоение и переживание детьми внешней картины совладающего поведения родителей не приводит к непосредственному копированию особенностей совладающего поведения, а находит свое отражение в генезисе копинг-поведения другого качества, что говорит о сложном характере интериоризации детьми родительского влияния. Так, мы обнаружили, что, несмотря на неэффективность и деструктивность совладающего поведения родителей из семей, регулярно применяющих физические наказания (ими чаще выбираются конфронтативный копинг, эмоционально-пассивный стиль разрешения трудностей), дети не воспроизводят родительскую модель совла-

дания. Они ослабленно и противоречиво совладают с трудностями, предпочитая копинг-стратегии, направленные на социальные контакты с целью получения социальной поддержки и проявление эмоциональной экспрессии.

Анализ влияния особенностей родителей с учетом признака пола показал, что со стороны матери совладающее поведение ребенка более чувствительно к ее отношению (материнско-детскому отношению), а со стороны отца — к модели совладания.

Эффективность семейного совладания

Понятие «эффективность совладания» относится к довольно скрытым, не выраженным явно. Эффективность зависит от совпадения требований, предъявляемых ситуацией и семейных ресурсов, а также от семейной оценки и действий, направленных на решение проблемы.

Выбор стратегии совладания — один из факторов, влияющих на эффективность совладания. Известно, что стратегии совладания не могут быть однозначно хорошими или плохими, эффективными или неэффективными. Стратегия, успешно используемая в одной ситуации, может совершенно не работать в другой ситуации. Эффективность стратегии зависит от того, насколько она отвечает требованиям ситуации.

Установлено, что эффективность не может зависеть только от выбора стратегии. Даже если учитывать, что совладание традиционно рассматривается как набор конструктивных усилий, предпринимаемых для защиты семьи, могут возникать побочные эффекты либо затраты на совладание. Побочные эффекты совладания появляются тогда, когда совладание с трудностями осуществляется достаточно успешно, но при преодолении действия стрессора наносит вред другим сферам жизни человека. По мнению исследователей, при продолжительной попытке совладания возникает эффект накапливаемой усталости, что истощает энергию познания. А при использовании стратегий в неподходящих ситуациях возможно развитие чрезмерной генерализации стратегий совладания.

Г. Маккабин с коллегами в исследовании, посвященном видам подросткового поведения, опасным для здоровья, выявили потенциально дисфункциональную природу конструктивных и полезных для здоровья стратегий совладания [17]. Так, подростки используют стратегию *разрядки напряжения* путем дискуссий, обсуждений (выражают чувства досады и негодования, кричат, жалуются ближайшему окружению), которая является положительной в отличие от выбора *избегания* трудностей с помощью алкоголя, курения и наркотиков. Несмотря на то что для подростков выбор стратегии *разрядки напряжения* эффективен, остальные члены семьи считают его неэффективным и источником стресса для семьи как целого.

В ходе интегрального изучения семейного совладающего поведения в ситуации нормативного семейного кризиса были получены доказательства эффективности выбора эмоциональных стратегий в контексте семейных трудностей [6; 11]. Нами было установлено, что большее количество связей характеристик семейных отношений установлено с выбором супругами *позитивной* стратегии в разрешении трудностей семьей (связей с *проблемно-ориентированным копингом* не было обнаружено). Проявление мужем и женой *позитивной* стратегии с помощью привязанности друг к другу, совместного общения и поддержки повышает личностную общность супругов, взаимопонимание между ними и их сексуальную гармонию, активность в роли родителя и в ведении домашнего хозяйства, а следовательно, способствует успешному функционированию семейной структуры в целом. Выбор взрослыми членами семьи *эмоционально-ориентированного копинга* соотносится с взаимопониманием между членами семьи, активным участием в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства.

Аргументом в пользу эффективности эмоциональных стратегий служат исследования других авторов [8; 15]. Р. Лазарус в одной из последних работ пересматривает отношение к эмоционально-ориентированным стратегиям. Рассмотрение двух стратегий совладания (проблемно-фокусированного разрешения и эмоционального реагирования) как отдельных и конкурирующих он считает серьезной теоретической ошибкой. «В природе части процесса взаимодействуют как согласованный механизм, поэтому разделить и определить их как конкурентов — значит исказить фактический метод их функционирования» [15, с. 22]. Подобное заявление дает основания для пересмотра отношения к эмоционально-ориентированному копингу. Ряд других исследователей в ситуациях, связанных со сложностями межличностного взаимодействия, эффективными признают эмоционально-ориентированные стили совладания [8]. Таким образом, эмоциональное отреагирование — это та цена, которую платят супруги за активное включение в определенные сферы, отличающие семью от других групп.

Об эффективности семейного совладания можно судить по функциональному состоянию семьи и ее способности восстанавливаться после стрессового события. Показано, что в проживании и преодолении семьей кризисов и трудных жизненных ситуаций возможны следующие варианты:

- ситуация (кризис) не затронула (не пошатнула) семью, несмотря на внесение необходимых изменений, она продолжает оптимальное функционирование;
- ситуация (кризис) незначительно сказалась на семейном функционировании, семья переживает период кризиса, но после некоторого времени с изменениями преодолевает ситуацию;

— ситуация (кризис) не разрешена семьей, однако в привычных условиях для семьи действие стрессора оказывается допустимым, но при нарушении привычного функционирования внутренняя мобилизация для преодоления стресса невозможна и семья неспособна противостоять ему;

— семья продолжительное время находится в кризисном (дисфункциональном, экстремальном) состоянии, так как отрицает необходимость меняться или сопротивляется изменениям, либо испытывает перегрузку от изменений.

Исследователи предлагают подход к оценке эффективности семейного совладания, основанный на дифференциации функциональных и дисфункциональных способов совладания семьи. К параметрам дифференциации функционально-сти/дисфункциональности способов совладания относятся: способность определить источник стресса; определение ситуации как семейной проблемы, а не только проблемы одного или двух членов семьи; попытки выработать подход, ориентированный на решение проблемы; проявление терпимости к другим членам семьи; четкое выражение преданности, привязанности и любви к другим членам семьи; открытое и ясное общение между членами семьи; сплоченность семьи; разумное и гибкое распределение ролей в семье; адекватное использование ресурсов внутри семьи и вне её; отсутствие открытого или замаскированного насилия в семье; отсутствие в семье членов, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками.

Устойчивость в аспекте семейного совладания

В основном *устойчивость* рассматривается в контексте психологии личности как жизнеспособность, что предполагает невосприимчивость к вредным воздействиям [7]. Понимание устойчивости зарубежными психологами расширено до уровня семейной системы, что позволяет говорить о двух факторах — гибкости (*elasticity*) и способности держаться на плаву (*buoyancy*). Гибкость как свойство семейной системы позволяет семье восстановить привычную модель действия после столкновения с факторами риска. Способность держаться на плаву означает способность семьи быстро оправиться от травмы или трудных событий, влекущих изменения в привычном укладе жизни семьи. Соответственно процесс устойчивости подразумевает способность противостоять разрушительным жизненным событиям и вставать на ноги после них.

Неодинаковая устойчивость семей к сложностям жизни в теориях семьи и концепции стресса и копинга имеет разные объяснения. Она зависит от эффективности семейных механизмов интеграции семьи (Э. Г. Эйдемиллер); объясняется наличием факторов, определяющих семейную способность адаптироваться (Г. Маккабин, М. Маккабин, А. Томпсон); выступает как действие семейных стабилизаторов системы семьи (А. Я. Варга); зависит от особенностей системы взглядов в семье, организационных особенностей и коммуни-

кативных процессов (Ф. Уолш). Устойчивость выступает как процесс адаптации, применяемый семьями для приспособления к стрессовым ситуациям. В ее основе лежат отношения между членами семьи, которые характеризуются как единение, проявляемое в отношениях, и общностью ценностей в семье.

Способность семьи противостоять трудностям, согласно авторской концепции [2; 3; 5], включает: а) осуществление собственно попытки *совладания* с ситуацией; б) группу *факторов восстановления*, которые в сочетании с навыками совладания играют особую роль в развитии способности семьи справляться с трудностями. Достижение определенного уровня адаптации происходит в результате сочетания копинг-усилий с факторами восстановления. Факторы восстановления представляют три класса: *фактор индивидуальной направленности* (индивидуальные потенциальные возможности члена семьи в развитии устойчивости, такие как уверенность в себе, духовность, зрелость, способность к пониманию, позитивный настрой и др.), *внутрисемейный* (внутренние семейные характеристики, согласованность действий членов семьи, семейная сплоченность и гибкость, открытость в общении и выражение эмоций между членами семьи, сохранение баланса во внутрисемейных требованиях и др.) и *внесемейный* факторы (экономические и социальные ресурсы, активность членов семьи в получении информации и социальной поддержки, открытость внешних границ для получения поддержки, ориентация и поддержание сотрудничества с социальными институтами).

В серии исследований, посвященных семьям, находящимся в ситуации пролонгированного характера стресса (появление в семье ребенка с дефицитами развития и его воспитание в семье, а также ситуация включения приемного ребенка в базисную семью — ситуации, которые носят длительный, пролонгированный характер), были получены сведения о развитии устойчивости семьей и выделена *типология семей с учетом способности постстрессового восстановления*. В основу типологизации семей были положены следующие критерии: уверенность в достижении цели, семейная сплоченность, гибкость, удовлетворенность существующими отношениями в семье, характер детско-родительских отношений, семейная поддержка, управление стрессором, а также восприятие жизненных событий [5]. Было выделено три типа семьи: гибкий (эластичный), *последовательный*, *уязвимый*. Каждый тип семьи раскрывает как структурно-функциональные особенности и систему существующих отношений (супружеских, родительских), так и особенности реагирования в стрессовой ситуации. Каждый из типов семьи выступает показателем развития семейной устойчивости, характеризуя специфику восстановления семьи после перенесенной трудности.

В семье *гибкого* типа: супруги характеризуются переживанием субъективного благополучия; принимают своего ребенка; члены семьи способны оказать друг другу социальную поддержку; существует убеждение, что жизнь понятна

и управляема; отвечают изменениями в ответ на стрессор. Семьи *последовательного* типа: имеют выраженную тенденцию контролировать семейные сферы; взрослые положительно-доминантны; характерны со-зависимые семейные отношения; детоцентрированность; в стрессовой ситуации концентрируются на отношениях внутри семьи, нежели на поиске внешней поддержки. Семьи *уязвимо*го типа: имеют неуверенных в себе взрослых; характеризуются неудовлетворенностью супружескими отношениями; стремятся инфантилизировать ребенка; в стрессовой ситуации сосредотачиваются на контактах вне семьи; воспринимают жизнь как угрожающую и неуправляемую.

Таким образом, интеграция положений семейного системного подхода и концепций стресс-копинга позволила нам обозначить следующие *основные положения психологии семейного совладания*. Во-первых, совладающее поведение семьи выступает как механизм действия в ситуациях угрозы нарушения ее целостности. Оно является порождением семейной системы. Во-вторых, совладающее поведение характеризуется иерархической последовательностью выбора стилей и динамикой на разных этапах существования семьи. Изменчивость и пластичность совладания обеспечивают целостность семейной системы. В-третьих, совладающее поведение имеет определенную структуру. Она отличается согласованностью, связанностью, комплементарностью и синергичностью. Различают три формы совладания: индивидуальный, диадический, семейный (групповой) копинг. В-четвертых, основная системная функция — стабилизационная. И пятое, качествами совладания группового (семейного) субъекта выступают: *динамический порядок* выбора, *общность, взаимодействие, согласованность*, значимость для *благополучия партнера и отношений с ним, связанность с социальным контекстом*.

Библиографический список

1. *Анцыферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1.
2. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
3. *Крюкова Т.А.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2005.
4. *Куфтяк Е.В.* Психологические механизмы совладающего поведения и преодоление трудностей детьми в семье // Психология и практика: сб. науч. тр. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. Вып. 2.
5. *Куфтяк Е.В.* Психология семейного совладания: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011.
6. *Куфтяк Е.В.* Психология семьи: регуляция и защита. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.
7. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Факторы жизнеспособности девиантных подростков // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 6.

8. *Нартова-Бочавер С.К.* «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5.
9. *Никольская И.М., Грановская Р.М.* Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000.
10. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
11. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008.
12. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте/под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
13. *Bodenmann G.* Dyadic coping and its significance for marital functioning // *Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping/eds. T.A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann.* Washington DC: American Psychological Association, 2005.
14. *Folkman S., Moskowitz J.T.* Coping: pitfalls and promise // *Annu. Rev. Psychol.* 2004. Vol. 55.
15. *Lazarus R.* Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // *Journal of Personality.* 2006. Vol. 74 (1).
16. *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress Appraisal and Coping. New York: Springer, 1984.
17. *McCubbin H. I., Pallerson J.M.* The family stress, process: double ABCX model of adjustment and adaptation // *Social stress and the family/eds. H.I. McCubbin, M. B. Sussman and J.M. Patterson.* New York: The Hayworth Press Inc., 1983.
18. *Reiss D. Oliveri M.E.* Family paradigm and family coping: a proposal for linking the family's intrinsic adaptive capacities to its responses in stress // *Family Relations.* 1980. Vol. 29.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНЫХ СИТУАЦИЙ ПОДРОСТКАМИ С КОМПЕНСИРОВАННОЙ ЗАТРУДНЕННОСТЬЮ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

.....

Т. И. Филиппиди, С. Ю. Флоровский¹

Обсуждаются результаты исследования преодоления трудных ситуаций подростками с компенсированной затрудненностью психического развития. Выявленные особенности копинг-поведения рассматриваются как характеристики ресурсно-мобилизационного аспекта социально-коммуникативной компетентности данной категории подростков. Показано, что в сравнении со своими возрастно-нормативными сверстниками, эти подростки менее продуктивны в избирательной актуализации ресурсов, релевантных психологической природе переживаемых трудностей. При этом они отличаются большей личностной вовлеченностью в преодоление жизненных трудностей, энергией и напором.

Ключевые слова: копинг-поведение, трудная ситуация, социально-коммуникативная компетентность, подростки, затрудненное психическое развитие.

There are discussed results of investigation of coping behavior of teenagers with compensated impaired mental development. Exposed specificities of coping behavior look at characteristics of resource mobilizing aspect of social and communicative competence of these teenagers. There is exhibited, that in comparison teenagers with normative mental development, these teenagers are less productive in elective actualization of resources of relevant to psychological nature of experienced difficult situations. Besides these teenagers to distinguish more ego involvement in coping of living difficulties, more energetic and more drive.

Key words: coping behavior, difficult situation, social and communicative competence, teenagers, impaired mental development.

¹ Филиппиди Татьяна Ивановна – учитель-дефектолог высшей квалификации муниципального образовательного учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Центр диагностики и консультирования» г. Анапы Краснодарского края, соискатель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. адрес: lugua@mail.ru

Флоровский Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. адрес: florowsky@mail.ru

В последние десятилетия в России неуклонно увеличивается количество детей, страдающих различного рода задержками психического развития (ЗПР). Значительная часть из них после получения соответствующей коррекционной поддержки продолжает обучение в общеобразовательной школе, более или менее успешно интегрируясь в учебную деятельность и образовательное пространство. Тем не менее сам факт пережитой (а зачастую и не вполне преодоленной) затрудненности психического развития не может не оказывать влияния на качественный уровень и структурную организацию механизмов психологической регуляции социального поведения и межличностного общения на последующих этапах жизненного пути. Однако такие отсроченные эффекты затруднения психического развития в современной отечественной психологии изучены весьма слабо, поскольку названная категория подростков в буквальном смысле слова оказывается на нейтральной территории между специальной психологией, психологией развития, психологией личности и общей психологией, каждая из которых не считает их вполне своими объектами изучения.

Областью нашего исследования выступает социально-коммуникативная компетентность старших подростков, в жизненном опыте которых имел место факт задержки психического развития с последующей компенсацией. Социально-коммуникативная компетентность понимается нами как интегральное психологическое образование, объединяющее и гармонизирующее внутренние средства регуляции социального поведения и межличностного общения человека [2; 3; 5; 9; 14; 15].

В качестве одного из аспектов социально-коммуникативной компетентности нами рассматривается способность подростков справляться с трудными ситуациями. Именно подобные ситуации, воспринимаемые и переживаемые личностью как «нарушающие привычный ход жизни», «вызывающие напряжение», «предъявляющие требования, превышающие ресурсы человека справиться с ними» [4; 8; 13; 15], надежно и достоверно обнаруживают достигнутый ею уровень зрелости, а также степень сформированности механизмов психологической регуляции поведения, деятельности и общения.

Следует заметить, что переживание значительной части жизненных ситуаций как трудных составляет своеобразную психологическую норму для подросткового возраста. Причем подобные переживания имеют преимущественно эндогенную обусловленность: активно происходящие в этот период жизни трансформации самосознания личности закономерно отражаются на способах восприятия и интерпретации действительности, порождая характерную для подростков склонность к проблематизации жизненных впечатлений. Вполне обычные (с точки зрения более зрелого человека) внешние воздействия воспринимаются и переживаются подростками как стрессовые и запредельные вследствие того, что оказываются пропущенными через проблематизирующе-

аггравационный фильтр внутренних условий (кризис обретаемой идентичности, смысловые разрывы и противоречия смысловой сферы и др.) [6; 7; 10].

Также обращение к данному аспекту социально-коммуникативной компетентности перенесших в детские годы ЗПР подростков актуализируется тем обстоятельством, что сам по себе факт наличия у них задержки в психическом развитии с последующей её компенсацией может рассматриваться как опыт пребывания в пролонгированной трудной жизненной ситуации и её успешного разрешения. Подобный опыт преодоления по понятным причинам отсутствует у их сверстников, психическое развитие которых протекало в соответствии с нормативной траекторией.

Мы руководствовались поисковой гипотезой, заключающейся в предположении, что в структуре совладающего поведения могут быть выделены три категории характеристик по уровню развития которых подростки с компенсированной затрудненностью психического развития не отличаются от своих возрастнo-нормативных сверстников (1), уступают им (2) и превосходят их (3). Следует заметить, что данная гипотеза ранее продемонстрировала свою продуктивность при рассмотрении других аспектов социально-коммуникативной компетентности интересующей нас категории подростков — операционально-поведенческого [11], когнитивно-репрезентационного и ценностно-смыслового [12].

Эмпирическую базу исследования составили девятиклассники общеобразовательных школ Анапы и Краснодара. Экспериментальная группа включала 99 школьников, у которых в детстве констатировалось наличие задержки психического развития: из них 54 мальчика и 45 девочек. В контрольную группу вошли 118 школьников (62 мальчика и 56 девочек), психическое развитие которых протекало в соответствии с возрастнo-нормативной траекторией. Далее сопоставляемые категории подростков будут обозначаться соответственно как «особые (особенные)» и «обычные (нормативные)».

Выявление присущих подросткам характеристик преодоления жизненных трудностей осуществлялось при помощи теста Э. Хейма (E. Heim), адаптированного в лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана [1, с. 282–286]. Математическая обработка полученных эмпирических данных включала в себя вычисление показателей средних значений, стандартного отклонения, оценку статистической достоверности межгрупповых различий по t-критерию Стьюдента для независимых выборок, частотный и корреляционный анализ (по Спирмену).

Экспериментальная и контрольная подростковые выборки сравнивались по следующим критериям:

— качественный характер психологических ресурсов преодоления трудных жизненных ситуаций (опора при разрешении трудностей на механизмы,

локализованные в одной из трёх основных сфер психической деятельности — когнитивной, эмоциональной, поведенческой);

— степень адаптивности используемых подростками способов преодоления трудных ситуаций (соотношение в структуре реагирования на сложные жизненные обстоятельства адаптивных, относительно адаптивных и неадаптивных копинг-стратегий; их примеры будут даны далее);

— структурно-уровневые (профильные) характеристики ситуационно-специфических копинг-стратегий, дифференцированных по функциональной привязанности к различным сферам психической активности (когнитивной, эмоциональной, поведенческой);

— характер взаимосвязи и взаимодействия копинг-стратегий, дифференцируемых по результативному (степень адаптивности) и содержательному (соотнесенность с различными сферами психики) критериям.

Обобщенные характеристики стратегий и ресурсов преодоления трудных жизненных ситуаций: связь со сферами психической деятельности и степень адаптивности

Обобщенные характеристики копинг-стратегий мальчиков-подростков с затрудненной и нормативной траекториями психического развития в большинстве своем одинаковы (табл. 1). Особые и обычные подростки обнаруживают сходный характер реагирования на трудные ситуации: сталкиваясь со сложностями, они обращаются в первую очередь к поведенческим и когнитивным ресурсам, существенно реже задействуя ресурсы эмоциональной природы. Идентичен и профиль копинг-стратегий, дифференцируемых по критерию большей или меньшей адаптивности. Вне зависимости от особенностей линии онтогенетического психического развития в структуре совладающего поведения опрошенных нами мальчиков-подростков уверенно преобладают адаптивные стратегии; реже всего используются относительно адаптивные варианты совладающего поведения; промежуточное положение занимают неадаптивные стратегии. Иначе говоря, по частоте применения (в направлении от «чаще всего» к «реже всего») копинг-стратегии мальчиков-подростков образуют ряд: адаптивные → неадаптивные → относительно адаптивные.

Различия обнаруживаются лишь при сопряженном использовании названных критериев. Выявляется ряд специфических особенностей совладания с трудными ситуациями особых и обычных мальчиков-подростков (табл. 2). Эти особенности затрагивают два блока копинг-стратегий — эмоциональный и поведенческий. Обращаясь к эмоциональным способам совладания с трудными ситуациями, особые подростки активнее своих обычных сверстников используют относительно адаптивные и неадаптивные стратегии (на фоне одинаковой частоты использования адаптивных вариантов реагирования на жизненные трудности). В поведенческом блоке достоверные раз-

Таблица 1

Обобщенные характеристики стратегий преодоления трудных ситуаций подростками с затрудненной (ЗР) и нормативной (НР) траекториями психического развития

Обобщенные характеристики копинг-стратегий	Мальчики			Девочки		
	ЗР (n=54)	НР (n=62)	Значимость различий	ЗР (n=45)	НР (n=56)	Значимость различий
Связь стратегий со сферами психической деятельности						
Когнитивно-ориентированные	1,40 1,41	0,28 0,33	Различия незначимы	1,59 0,49	1,40 0,32	$p < 0,049$, различия значимы
Эмоционально-ориентированные	1,15 0,17	1,01 0,25	Различия незначимы	1,62 0,53	1,28 0,27	$p < 0,013$, различия значимы
Поведенчески-ориентированные	1,46 0,29	1,55 0,31	Различия незначимы	1,54 0,32	1,61 0,35	Различия незначимы
Степень адаптивности стратегий						
Адаптивные	1,51 0,33	1,48 0,31	Различия незначимы	1,58 0,49	1,42 0,21	$p < 0,050$, различия значимы
Относительно адаптивные	1,35 0,31	1,33 0,20	Различия незначимы	1,58 0,38	1,39 0,39	$p < 0,048$, различия значимы
Неадаптивные	1,19 0,28	1,20 0,32	Различия незначимы	1,67 0,45	1,46 0,35	$p < 0,039$, различия значимы

Примечание: здесь и в следующей таблице в ячейках представлены средние значения (вверху) и стандартное отклонение (внизу) по каждой из сопоставляемых групп подростков.

личия касаются категории относительно адаптивных совладающих стратегий. Направленность же различий оказывается противоположной: особые мальчики-подростки практикуют эти стратегии менее активно, чем их обычные соученики. Кроме того, они обнаруживают тенденцию реже (в сравнении с возрастнo-нормативными сверстниками) использовать неадаптивные поведенческие стратегии и чаще — адаптивные.

Стратегии совладания с жизненными трудностями девочек-подростков с различными траекториями онтогенетического психического развития, напротив, отличаются выраженным своеобразием. Обнаруживается большое количество значимых различий как в психологической природе предпочитаемых копинг-стратегий, так и в степени их адаптивности (см. табл. 1). Наиболее яркое различие касается эмоциональных стратегий реагирования на встречающиеся трудности: перенесшие в детстве ЗПР девочки-подростки используют

Таблица 2

Стратегии и ресурсы преодоления трудных ситуаций подростками с затрудненной и нормативной траекториями психического развития

Стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций		Мальчики			Девочки		
		ЗР (n=54)	НР (n=62)	Значимость различий	ЗР (n=45)	НР (n=56)	Значимость различий
Когнитивные	Адаптивные	1,58 0,58	1,55 0,54	Различия незначимы	1,46 0,63	1,26 0,42	$p<0,046$, различия значимы
	Относительно адаптивные	1,17 0,37	1,23 0,49	Различия незначимы	1,34 0,61	1,28 0,55	Различия незначимы
	Неадаптивные	1,58 0,54	1,55 0,49	Различия незначимы	1,82 0,44	1,62 0,42	$p<0,046$, различия значимы
Эмоциональные	Адаптивные	1,53 0,50	1,57 0,38	Различия незначимы	1,76 0,67	1,55 0,44	$p<0,043$, различия значимы
	Относительно адаптивные	0,86 0,48	0,54 0,37	$p<0,016$, различия значимы	1,78 0,51	1,29 0,61	$p<0,005$, различия значимы
	Неадаптивные	1,16 0,29	0,92 0,42	$p<0,031$, различия значимы	1,47 0,65	1,12 0,32	$p<0,012$, различия значимы
Поведенческие	Адаптивные	1,48 0,44	1,29 0,55	$p<0,049$, различия значимы	1,41 0,51	1,47 0,53	Различия незначимы
	Относительно адаптивные	1,54 0,51	1,82 0,46	$p<0,023$, различия значимы	1,84 0,56	1,84 0,60	Различия незначимы
	Неадаптивные	1,32 0,56	1,51 0,44	$p<0,048$, различия значимы	1,44 0,17	1,41 0,52	Различия незначимы

их в гораздо большей степени, чем их сверстницы, психическое развитие которых протекало без каких-либо проблем. Этот способ совладания для особых девочек является приоритетным, а для обычных — минимально используемым (в сравнении с поведенческими и когнитивными «копинг-стратегиями»). Чаще задействуются особыми девочками-подростками при совладании с трудными обстоятельствами и механизмы когнитивного уровня. Степень же актуализации поведенческих механизмов одинакова у всех вошедших в нашу выборку старшеклассниц независимо от характера их психического онтогенеза.

Что касается дифференциации копинг-стратегий по критерию их адаптивности, то и здесь частотный приоритет принадлежит особым девочкам-подросткам. В сравнении со своими обычными сверстницами эти девочки активнее используют при столкновении с трудностями весь спектр возможных

вариантов совладающего поведения, а именно его адаптивные, неадаптивные и относительно адаптивные варианты. Данная тенденция отчетливо прослеживается на когнитивном и эмоциональном уровнях реагирования девочек-подростков на трудные ситуации (единственное исключение составляют когнитивные стратегии относительно адаптивного типа, в равной мере используемые особыми и обычными девочками). На поведенческом уровнях разрешения жизненных трудностей различий между девочками с разными траекториями психического развития не обнаруживается (см. табл. 2).

Таким образом, выявляются существенные различия психической регуляции преодоления трудных ситуаций подростками с различными траекториями онтогенетического психического развития, опосредованные к тому же их половой принадлежностью. У особых и обычных мальчиков-подростков в сложных жизненных обстоятельствах наблюдается различие поведения и эмоциональных реакций при сходстве способов восприятия и осмысления (когнитивной переработки) ситуации. За внешне тождественным поведением особых и обычных девочек-подростков скрываются различия в информационном моделировании ситуации и её эмоциональном отреагировании. Кроме того, выявляется значимая особенность отклика на трудные ситуации перенесших в детстве ЗПР девочек-подростков, заключающаяся в том, что они реагируют на такие ситуации более активно, чем их обычные сверстницы. Однако активность эта носит мало дифференцированный характер (по критерию адаптивности копинг-стратегий): фактически они, используя стратегию сплошного перебора альтернатив, пробуют всё в надежде, что тот или иной способ совладания даст желаемый результат.

Далее перейдём к анализу конкретных копинг-стратегий.

Когнитивно-ориентированные стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций подростками с затрудненным и нормативным психическим развитием

Имеют место значительные различия в использовании рассматриваемыми категориями подростков данных копинг-стратегий (рис. 1).

Наибольшее количество различий приходится на категорию адаптивных стратегий: сохранение самообладания, проблемный анализ, установка собственной ценности. В случае двух первых стратегий различия между особыми и обычными подростками оказываются разнонаправленными в мужской и женской выборках. В сравнении со своими возрастными сверстниками перенесшие в детстве ЗПР мальчики-подростки при столкновении с трудными жизненными ситуациями лучше сохраняют самообладание ($p < 0,049$), но при этом хуже справляются с задачей проблемного анализа ($p < 0,018$). Особые девочки-подростки, напротив, в сравнении со своими «обычными» сверстницами хуже сохраняют самообладание ($p < 0,009$), но лучше осуществляют проблемный анализ сложившихся обстоятельств ($p < 0,027$).

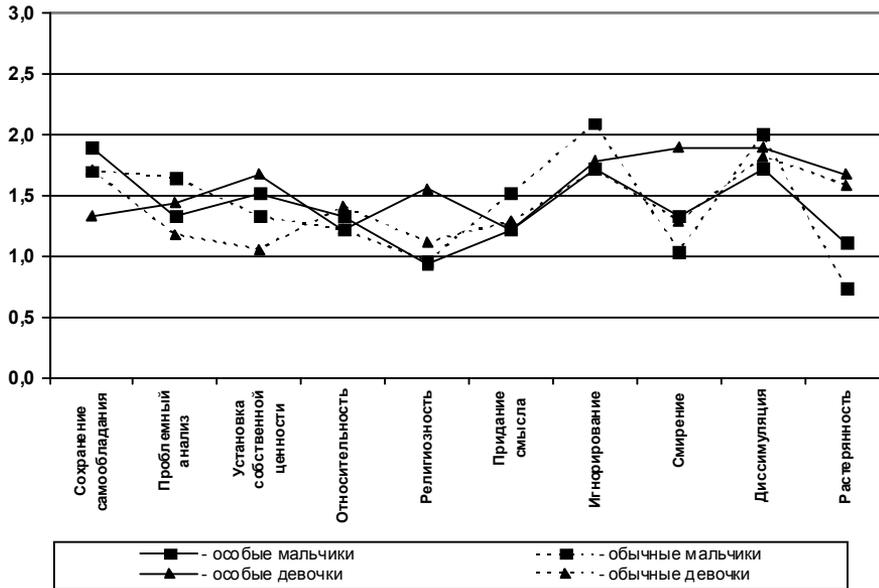

Рис. 1. Структура когнитивно-ориентированных копинг-стратегий подростков с затрудненным и нормативным психическим развитием

Что же касается третьей адаптивной когнитивно-ориентированной копинг-стратегии — «установка собственной ценности», то здесь приоритет принадлежит особым подросткам вне зависимости от пола: подростки с компенсированной затрудненностью психического развития в существенно большей мере, чем их нормативно развивавшиеся сверстники, склонны считать, что несмотря на пока еще не вполне успешное преодоление возникающих трудностей, со временем они обретут способность продуктивно разрешать не только аналогичные трудности, но и более сложные (особенно ярко это различие выражено в женской выборке). Таким образом, особые подростки обнаруживают большую перспективную самооэффективность, чем их обычные сверстники и сверстницы.

Различия в использовании конкретных неадаптивных когнитивно-ориентированных стратегий сосредоточены в мужской выборке. Девочки-подростки (вне зависимости от траектории психического развития) обнаруживают высокую степень сходства в частоте использования практически всех стратегий рассматриваемого типа — игнорирования, диссимуляции и растерянности. Единственное различие связано со стратегией смирения, к которой особые девочки-подростки обращаются намного чаще, чем их обычные соученицы ($p < 0,0005$). Более частое обращение к стратегии смирения при столкновении с трудностями характерно и для особых мальчиков-подростков ($p < 0,023$). Таким образом, смирение с переживаемыми трудностями и неприятностями

ми — характерная черта всех подростков с компенсированной затрудненностью психического развития вне зависимости от пола.

Но кроме этого между особыми и обычными мальчиками-подростками выявляются значимые различия по всему спектру неадаптивных когнитивно-ориентированных копинг-стратегий. При этом направленность различий неодинакова и варьирует от стратегии к стратегии. Страдавшие в детстве ЗПР мальчики-подростки в сравнении со своими возрастнo-нормативными сверстниками при столкновении с трудными ситуациями чаще испытывают растерянность ($p < 0,009$), но менее склонны к игнорированию ($p < 0,009$) и диссимуляции ($p < 0,022$).

В диапазоне *относительно адаптивных* стратегий больше различий фиксируется в женской выборке. И эти различия не являются однонаправленными: особые девочки-подростки (в сравнении с обычными соученицами) при столкновении с трудными ситуациями чаще обращаются к ресурсу веры (полагая, что испытания ниспосланы им свыше и связаны «с промыслом Господним») ($p < 0,007$) и реже — к реляционному ресурсу, предполагающему сравнение масштаба своих трудностей с бедами и проблемами окружающих ($p < 0,048$).

В мужской выборке выявляется лишь одно различие, и связано оно со стратегией придания испытываемым трудностям какого-либо особого дополнительного смысла (например, самосовершенствования, укрепления своего Я и т.п.). Данная стратегия существенно реже используется особыми мальчиками-подростками в сравнении с их обычными сверстниками. Это может быть следствием перенесенной в детстве задержки психического развития, ослабившей генеративный потенциал их психической организации в части оперирования абстрактными понятиями и конструирования умпостигаемых сущностей (к числу которых и относятся приведенные идеи, способные придать переживаемым здесь и сейчас трудностям дополнительный смысл).

Эмоционально-ориентированные стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций подростками с затрудненным и нормативным психическим развитием

В спектре *адаптивных* эмоционально-ориентированных копинг-стратегий основные различия связаны не с особенностями траекторий психического развития (затрудненной или нормативной), а с половой принадлежностью подростков (рис. 2).

При столкновении с трудностями мальчики обнаруживают умение лучше сохранять оптимизм (вера в наличие выхода из любой самой сложной ситуации) ($p < 0,041 / p < 0,009$; здесь и далее в этом абзаце первый показатель значимости межгрупповых различий отражает результат сравнения особых мальчиков и девочек, второй — обычных) и менее склонны к активному протесту ($p < 0,0005 / p < 0,005$). Напротив, девочки в аналогичных жизненных обстоятельствах демонстрируют существенно больший пессимизм и активнее протестуют, возмущаясь и негодуя

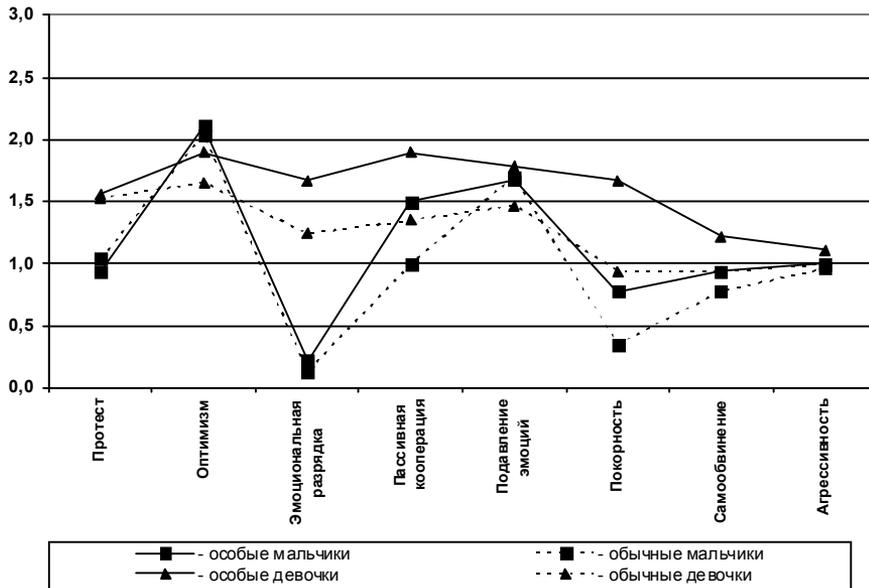

Рис. 2. Структура эмоционально-ориентированных копинг-стратегий подростков с затрудненным и нормативным психическим развитием

по поводу тех обстоятельств, которые привели к возникновению трудной ситуации. Единственное различие между особыми и обычными подростками обнаруживается в женской выборке и выражается в том, что перенесшие в детские годы ЗПР девочки-подростки при столкновении с трудностями оказываются достоверно меньшими пессимистками, чем их возрастнo-нормативные соученицы ($p < 0,031$).

Два других блока эмоционально-ориентированных копинг-стратегий — неадаптивных и относительно адаптивных — обнаруживают гораздо бoльшую чувствительность к фактору специфичности траекторий психического развития подростков.

В области *неадаптивных* стратегий особые подростки (вне зависимости от пола) существенно чаще, чем их обычные сверстники, склонны проявлять покорность ($p < 0,013/p < 0,0003$; здесь и далее в статье первый показатель значимости межгрупповых различий отражает результат сравнения особых и обычных мальчиков, второй — особых и обычных девочек) и самообвинение ($p < 0,049/p < 0,023$) при столкновении с трудностями (особенно рельефно эти различия проявляются в женской выборке). Кроме того, девочки с компенсированной затрудненностью психического развития в сравнении с возрастнo-нормативными сверстницами чаще прибегают и к стратегии подавления эмоций ($p < 0,019$), притом что особые и обычные мальчики-подростки используют эту стратегию одинаково часто. Единственной неадаптивной стратегией эмоцио-

нального типа, одинаково часто используемой всеми категориями подростков, оказывается агрессивность: при столкновении с трудными ситуациями к ней приблизительно в равной мере обращаются как особые, так и обычные подростки, как мальчики, так и девочки (при этом следует отметить умеренность в использовании данного варианта совладания с трудностями).

В сфере *относительно адаптивных* стратегий обнаруживается приоритет особых подростков в использовании при разрешении трудных ситуаций пассивной кооперации с другими людьми, которым и передоверяется содержательное разрешение возникших сложностей ($p < 0,0004 / p < 0,0003$). Это коррелирует с аналогичными тенденциями, зафиксированными нами ранее при анализе операционально-поведенческих и когнитивно-репрезентационных составляющих социально-коммуникативной компетентности подростков с компенсированной затрудненностью психического развития. В сравнении со своими возрастнo-нормативными сверстниками особые подростки проявляют существенно бoльшую готовность принимать помощь со стороны окружающих (прежде всего родителей, родственников, знакомых) в решении вопросов построения и реализации личной профессиональной перспективы, более спокойно воспринимают и предлагаемые ближайшим окружением готовые варианты построения профессионального будущего [12]. Лучше сформировано у особых подростков (прежде всего у девочек) и умение обращаться к окружающим с разного рода просьбами (притом что симметричное умение откликаться на просьбы и сигналы о помощи со стороны других людей развито несколько хуже, нежели у обычных соучеников) [11].

Кроме того, девочки-подростки с компенсированной затрудненностью психического развития чаще, чем их нормативно развивавшиеся сверстницы, используют различные способы эмоциональной разрядки, активно сбрасывая напряжение, связанное с испытываемыми трудностями ($p < 0,008$). Особые и обычные мальчики-подростки, напротив, обнаруживают сходство в данном аспекте эмоционального реагирования на трудные ситуации, выражающееся в том, что эмоциональная разрядка практически не используется ими в качестве средства совладания со сложными жизненными обстоятельствами.

Поведенчески-ориентированные стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций подростками с затрудненным и нормативным психическим развитием

В части *адаптивных* поведенчески-ориентированных совладающих реакций различия между подростками с разными траекториями психического развития обнаруживаются практически по каждой стратегии и при этом варьируют в связи с полом респондентов (рис. 3).

Особые мальчики-подростки при столкновении с трудностями:

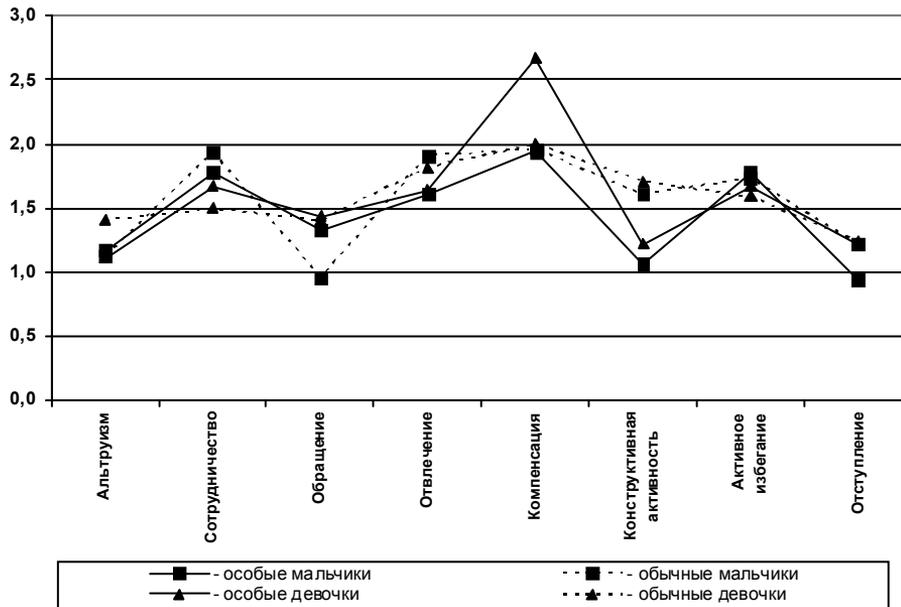

Рис. 3. Структура поведенчески-ориентированных копинг-стратегий подростков с затрудненным и нормативным психическим развитием

— достоверно чаще своих обычных сверстников обращаются за поддержкой к ближайшему социальному окружению ($p < 0,012$);

— несколько реже вступают в реальное продуктивное сотрудничество с более знающими и опытными людьми ($p < 0,050$);

— обнаруживают одинаковый со своими возрастнo-нормативными соучениками уровень альтруизма.

Особые девочки-подростки, попадая в сложные жизненные обстоятельства:

— несколько активнее своих обычных сверстниц вступают в конструктивное межличностное сотрудничество ($p < 0,050$);

— проявляют достоверно меньший уровень альтруизма ($p < 0,020$);

— столь же активно, как и возрастнo-нормативные сверстницы, используют стратегию обращения, вовлекая в решение своих проблем близких людей.

В области *неадаптивных* поведенческих стратегий количество различий между особыми и обычными подростками минимально. Связано оно со стратегией отступления и обнаруживается исключительно в мужской выборке. Суть его заключается в том, что в трудных ситуациях перенесшие в детские годы ЗПР мальчики-подростки намного реже и позже прекращают попытки справиться со сложившимися неблагоприятными обстоятельствами ($p < 0,023$). Это очень сильно отличает их от нормативно развивавшихся сверстников, которые перед

лицом жизненных трудностей чаще уступают давлению обстоятельств и быстрее прекращают активное сопротивление.

Что же касается женской выборки, то вне зависимости от траектории психического развития девочки-подростки демонстрируют сходный уровень выраженности тенденций отказа от активности в сложных ситуациях, столь же явно выраженный, как и у обычных мальчиков. Стратегия же активного избегания (предполагающая целенаправленный уход от осмысления и переживания возникших затруднений) одинаково высоко популярна у всех вошедших в нашу выборку подростков вне зависимости от особенностей их психического онтогенеза и половой принадлежности.

В диапазоне *относительно адаптивных* поведенческих копинг-стратегий количество различий между подростками с разными вариантами психического онтогенеза вновь резко возрастает. При этом направленность различий оказывается независимой от пола и идентична в мужской и женской выборках. Перенесшие в детстве ЗПР подростки намного реже своих нормативно развивавшихся сверстников и сверстниц используют при столкновении с трудными ситуациями стратегии отвлечения ($p < 0,021 / p < 0,050$) и конструктивной активности ($p < 0,004 / p < 0,005$). Иначе говоря, пытаясь справиться с трудностями (и связанными с ними переживаниями), подростки с компенсированной затрудненностью психического развития реже погружаются в увлекательное любимое дело или же направляют свою активность на осуществление какой-либо давней мечты (научиться играть на гитаре, управлять мотоциклом и т.п.). По всей видимости, подобные действия предстают в сознании особых подростков как не вполне эффективные и операциональные с точки зрения преодоления душевного дискомфорта. В свою очередь, это может быть обусловлено меньшей лабильностью психической организации особых подростков, худшей сформированностью механизмов переключения режимов сознания, большей привязанностью к актуальной ситуации. В то же время перенесшие в детстве ЗПР девочки-подростки намного чаще своих нормативно развивавшихся сверстниц прибегают к разного рода компенсаторным действиям, пытаясь отвлечься от решения проблем путем погружения в различные по степени интенсивности измененные состояния сознания, стимулируя их при помощи алкоголя, психоактивных веществ, вкусной еды и т.п. ($p < 0,0002$). В мужской выборке подобных различий не наблюдается: компенсаторная стратегия совладания с трудностями в равной мере используется особыми и обычными мальчиками-подростками (с той же частотой, что и возрастно-нормативными девочками-подростками).

Характер взаимосвязи копинг-стратегий

Направленность и сила связей различаемых по степени адаптивности стратегий преодолевающего поведения в существенно большей мере соотносится с половой принадлежностью подростков, нежели со спецификой траекторий

их психического развития. Большую чувствительность к фактору затрудненности/нормативности обнаруживает система взаимосвязей способов совладания, различаемых по их соотношенности со сферами психической деятельности (когнитивной, эмоциональной, поведенческой).

Для возрастнo-нормативных подростков (независимо от пола) характерна высокая степень автономности регулятивных подсистем. В процессе построения совладающей активности у обычных мальчиков когнитивные, эмоциональные и поведенческие механизмы функционируют автономно, оказываясь фактически независимыми друг от друга; у обычных девочек выявляется единственная функциональная связка между стратегиями когнитивного и поведенческого типов ($r = 0,65, p < 0,0006$). Характер эмоционального реагирования на трудности оказывается не связан сколь-либо определенным образом ни со способами восприятия, понимания и интерпретации трудных ситуаций, ни с вариантами поведенческого реагирования на них. Это согласуется с отмеченной нами своеобразной дискриминацией возрастнo-нормативными девочками-подростками эмоциональных копинг-стратегий, которые используются ими существенно реже по сравнению со стратегиями когнитивного и поведенческого типов.

В противоположность этому у подростков с компенсированной затрудненностью психического развития выявляется синкретический характер реагирования на трудные ситуации: столкновение со сложностями актуализирует все ресурсы личности независимо от их привязанности к той или иной сфере психики — когнитивной, эмоциональной или поведенческой. Свидетельством тому служат значимые положительные связи ($0,006 < p < 0,042$) между разными по психологическому содержанию копинг-стратегиями — когнитивными, эмоциональными, поведенческими.

Как следствие, для возрастнo-нормативных подростков характерно более дифференцированное отражение трудных ситуаций: каждую из них они склонны воспринимать как бросающую вызов какой-либо одной из их личностных (субъектных) составляющих, — когнитивным возможностям, эмоциональной саморегуляции, организации поведения. Поэтому трудные ситуации достаточно четко категоризируются на преимущественно когнитивные (трудности локализуются подростком в когнитивной сфере и связываются с необходимостью что-либо проанализировать, понять, разобраться, уяснить и т.п.), преимущественно эмоциональные (трудности соотносятся с областью эмоций и чувств, переживаются как необходимость справиться с собой, отрегулировать эмоциональное состояние, вернуться в эмоциональную норму и т.п.), преимущественно поведенческие (трудности связываются с плоскостью реального действия и рассматриваются как необходимость что-то сделать, совершить, сказать, изменить и т.п.). Соответственно и преодоление этих трудностей осуществляется посредством мобилизации ресурсов, релевантных природе ситуации.

Подростки с компенсированной затрудненностью психического развития (скорее всего вследствие худшей внутренней дифференцированности) воспринимают трудные ситуации как затрагивающие их личность в целом и создающие проблемы во всех сферах психического функционирования.

Соответственно различаются у обычных и особых подростков и субъективные критерии разрешения трудных ситуаций. Возрастно-нормативные подростки склонны полагать, что проблема должна разрешиться там, где она возникла. Поэтому, справившись с проблемой в фокусной плоскости (например, разрешив когнитивную проблему на когнитивном же уровне), они не обращают особого внимания на сопутствующие области (в нашем примере — на эмоциональную и поведенческую), спокойно относясь к сохранению в них различных постэффектов и последствий. Подростки с компенсированной затрудненностью психического развития настроены более перфекционистски, стремясь к достижению комфортного постпроблемного состояния сознания, распространяющегося на все области психического функционирования. Иначе говоря, разрешение трудной ситуации для них означает переход от состояния «всё плохо» к состоянию «всё хорошо».

Заключение

Проведенное исследование позволяет существенно уточнить особенности ресурсно-мобилизационного аспекта социально-коммуникативной компетентности подростков, в жизненном опыте которых имел место факт задержки психического развития с последующей её компенсацией. В сравнении со своими сверстниками, чье психическое развитие протекало в соответствии с возрастно-нормативной траекторией, особые подростки отличаются меньшей дифференцированностью в восприятии и понимании испытываемых затруднений. Вследствие этого они испытывают больше затруднений в избирательной актуализации ресурсов, релевантных психологической природе преодолеваемых трудностей, конфигурировании и иерархизации механизмов психологической регуляции и саморегуляции своего поведения в соответствии с критерием его оптимальности (максимизация полезного эффекта при минимизации усилий), проигрывая обычным соученикам в точности и точечности совладающего поведения. При этом перенесшие в детстве ЗПР подростки выигрывают у своих обычных сверстников в большей вовлеченности в разрешение трудных ситуаций, мобилизуя более широкий диапазон имеющихся в их распоряжении ресурсов, спонтанно вовлекая в процесс преодоления сложностей разные по своей функциональной принадлежности регуляторные механизмы (когнитивные, эмоциональные, поведенческие), активнее задействуя помощь и возможности других людей, длительнее сопротивляясь действию негативных ситуационных факторов и обстоятельств. Отмеченный недостаток рациональной фокусировки действий в трудной жизненной ситуации компенсируется энергией и напором.

Выявленные особенности преодоления трудных жизненных ситуаций подростками с компенсированной затрудненностью психического развития способствуют уточнению и конкретизации ориентировочной основы практической психологической деятельности по поддержке и развитию данной категории учащихся в качестве субъектов компетентного социального поведения и межличностного общения.

Библиографический список

1. *Водопьянова Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
2. *Инденбаум Е. А.* Психосоциальное развитие подростков с легкой интеллектуальной недостаточностью // Психологическая наука и образование. 2010. № 2.
3. *Калинина Н. В.* Психологическое сопровождение развития социальной компетентности школьников: автореф. дис.... д-ра психол. наук. Самара, 2006.
4. *Крюкова Т. А.* Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004.
5. *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение. СПб.: Питер, 2002.
6. *Лишин О. В.* Современный подросток и его особенности // Мир психологии. 2007. № 4.
7. *Мухина В. С.* Возрастная психология: Феноменология развития. М.: Академия, 2006.
8. *Нартова-Бочавер С. К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5.
9. *Петровская Л. А.* Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: Изд-во МГУ, 1989.
10. *Стрельцова И. П.* Представления подростков и юношей о трудных ситуациях и стратегиях совладающего поведения в них: автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 2003.
11. *Филипиди Т. И.* Некоторые особенности социально-коммуникативных умений подростков с компенсированной затрудненностью психического развития // Актуальные вопросы педагогики, психологии и социологии: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала: Дагестанский гос. пед. ун-т, 2012. Вып. 1, т. 2.
12. *Филипиди Т. И., Флоровский С. Ю.* Профессиональные представления подростков с компенсированной затрудненностью психического развития // Динамика профессиональных представлений в онтогенезе: сб. науч. ст. Междунар. интернет-конф. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.
13. *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. New York: Springer, 1984.
14. *Rubin K. H., Rose-Krasnor L.* Interpersonal problem solving and social competence in children // Handbook of Social Development: A Lifespan Perspective/eds. V. B. Van Hasselt and M. Hersen. New York: Plenum Press, 1992.
15. *Wrubel J., Benner P., Lazarus R. S.* Social competence from the perspective of health and coping // Social Competence/eds. J. D. Wine and M. D. Smye). New York: Guilford Press, 1981.

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ АНАЛИЗА СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОЛЯ КОНФЛИКТА

О. В. Аллаhverдова¹

Статья посвящена анализу конфликта в контексте субъектно-бытийного поля конфликтантов. Рассматриваются возможности применения процедуры медиации и роль медиатора в изменении субъектно-бытийного поля участников от конфликта к сотрудничеству, т. е. от иррационального переживания к конструктивному поведению и урегулированию конфликта.

Ключевые слова: конфликт, иррациональные интересы, рациональные интересы, субъектно-бытийное поле личности, медиация, медиатор.

The article contains analysis of conflict through the context of subject-being of conflicting parties. The ability of mediation to transformation subject-being conflicting domain of participants to cooperative domain is discussed. The transition from participants' irrational feelings to constructive behavior and conflict resolution is shown

Key words: conflict, irrational interests, rational interests, subject-being domain, mediation, mediator.

Жизнь человека может быть описана во многих пространствах: профессиональная среда, личное окружение и структурирование свободного времени, культурная среда и поддержка чувства личностной идентичности и т. д. Различные пространства бытия личности позволяют человеку с различной степенью успешности реализовать свою «ключевую субъективную модальность» [16, с. 1]. Пространства объективной реальности преобразуются личностью в соответствии со структурой складывающихся личностных смыслов, становясь пространствами личностного бытия. Такое искажение, однако, может усиливать противоречия, конфликты и кризисы. В начале 1990-х гг. произошёл переход от идущей из глубины веков конфликтологической парадигмы о необходимости пресечения конфликта любыми (а лучше всего силовыми) методами к пониманию конфликта как нормального существования противо-

¹ Аллаhverдова Ольга Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета. Эл. почта: ovalakh@gmail.com

речий между субъектами, самостоятельными и независимыми в своих устремлениях и самоопределении, интересах и целях.

В подлинном конфликте, однако, сталкиваются реальные интересы сторон, сталкиваются две (или более) стороны (два самостоятельных субъектно-бытийных мира), находящихся, по определению Л. Крисберга, в отношениях несовместимости целей [17, р. 17]. Поведение в конфликте нужно рассматривать как рациональную деятельность: конфликтующие стороны оформляют свои интересы в виде конкретных целей, выбирают пути их достижения, определяют способы завершения конфликта и т. п. Однако реальное поведение сопровождается также и иррациональными действиями, вызванными задачей сохранения субъектности. Иррациональные действия оказывают существенное влияние на динамику конфликтного поведения. В процессе эскалации конфликта люди иногда даже начинают реализовывать ранние детские паттерны поведения [4, с. 272]. Иррациональные компоненты поведения обычно сопровождаются мощными эмоциональными переживаниями, что превращает деятельность субъектов в конфликтной ситуации в непредсказуемый и неуправляемый процесс. Носителями конфликта всегда выступают субъекты. И какими бы причинами ни вызывался конфликт, главная цель всех его участников — не столько найти его рациональное решение, сколько сохранить свою субъектность (в терминах субъектно-бытийного подхода), прежде всего свою Я-концепцию и свое представление о мире [1]. Причины конфликта всегда осмыслены человеком, субъективно окрашены. Хотя причины конфликта вызваны, как правило, реально существующими противоречиями интересов, субъективное понимание конфликтной ситуации оказывает серьезное влияние на поведение участников конфликта, иногда даже большее, чем сами реальные причины конфликта. Вряд ли стоит этому удивляться, если даже физиологические реакции на физическую нагрузку адекватны не реальной нагрузке во время физической работы, а внушенному субъективному представлению об этой нагрузке [14, с. 38].

Если сохранение субъектности в конфликте обеспечивается пассивным принятием ситуации конфликта или, наоборот, агрессивным поведением, то такое поведение, по мнению многих исследователей [2; 3; 11; 13 и др.], деструктивно, разрушает личности участников конфликтов (иногда вплоть до физического уничтожения). Деструктивное поведение в конфликте к тому же связано с эмоциональным состоянием участников. Чем дольше продолжается деструктивное поведение, тем труднее вывести разрешение конфликта на конструктивный уровень, поскольку эмоционально подкрепляется и тем самым усиливается влияние сложившихся ранее негативных иррациональных стереотипов относительно друг друга («с врагом нельзя договариваться» и т. п.), противоположных ценностей и установок. Эмоциональное противостояние тем опасно, что воспринимается как угроза сохранению целостности субъектно-бытийного

пространства. Поле осознания и понимания ситуации сужается, становится невозможно посмотреть на проблему как на совместное пространство, поддающееся анализу и позволяющее прояснить реальные интересы, чтобы согласовать свои позиции в данной ситуации путем последующих переговоров.

Участники конфликтной ситуации преобразовывают реальную ситуацию в субъективную картину, т.е. создают целостный образ этой самой ситуации [12]. Именно поэтому в процессе разрешения конфликта важно обращать внимание не столько на конкретные факты или на приобретение какого-то нового знания, не известного участникам (хотя это тоже имеет большое значение), сколько на целостный процесс понимания участниками ситуации. Согласно В.В. Знакову, понимание — это приписывание смысла имеющемуся знанию, это единое феноменологическое целое, посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к действительности [7]. В.Ф. Петренко добавляет: понимание — это осмысление места и функции данности в контексте некоего целого. «Понимание — не констатация наличного состояния, а своего рода пророчество, видение потенциальных возможностей развития» [15, с. 96]. В конфликтной ситуации и самопонимание, и понимание другого направлено на то, чтобы как минимум сохранить себя в процессе достижения собственных целей и смыслов. Такое понимание носит исключительно индивидуальный характер и, как правило, не только не предопределено, но и не связано напрямую с конкретной ситуацией [8]. Н.В. Гришина справедливо утверждает, что человек не просто реагирует на ситуацию, но определяет ее, одновременно определяя себя, и сам конструирует конфликтную ситуацию, в различной степени ее искажая [5].

Человек всегда воспринимает другого через призму своих актуальных побуждений (потребностей, мотивов, интересов) и конкретных целей. Происходит постоянная оценка того, как те или иные особенности другого способствуют (или препятствуют) решению актуальных для данного субъекта проблем. Известно, что в процессе общения с другими людьми у человека срабатывают механизмы, искажающие восприятие. Проецирование, стереотипизация, категоризация, упрощение, этноцентризм и т.п. создают ошибочные представления о другом [6]. К наиболее употребительным искажениям в конфликтной ситуации относятся (в порядке частоты встречаемости): упрощение ситуации конфликта только до точки зрения одной из сторон; выделение части значимых связей и отношений и игнорирование другой, эмоционально болезненной части ситуации; чрезмерная фиксация на том, что происходит в данный момент, и отказ от рассмотрения последствий развития конфликта; не поддающаяся пересмотру и сомнениям категоричность оценок, присущая архаическому мышлению, именно: плохо — хорошо, черное — белое. Вся информация фильтруется и интерпретируется в том русле, которое соответствует своим предубеждениям [9]. Поэтому так сложно урегулировать конфликты.

Однако и чрезмерная субъективизация конфликта опасна. Если вовсе забыть, что в основе подлинного конфликта лежат противоречащие друг другу, но реальные и вполне рациональные интересы участников, если за субъективными оценками и предубеждениями участников не видеть объективных причин конфликта, то возникает естественное желание подавить субъектность и энергию конфликтующих сторон с помощью насилия или манипуляций. Раз сторона воспринимает претензии другой стороны как чисто субъективные построения, то разве удивительно, что она полагается на силовое решение? Но когда урегулирование споров представляет результат организованного принуждения одного из участников конфликта к тому или иному типу действий, выгодному другой стороне, то достигнутый таким образом «компромисс» оказывается весьма недолговечным, поскольку исходная и реально существующая причина конфликта не устранена [10]. По той же причине не слишком эффективны при разрешении конфликтов и психотерапевтические методы. Эти методы полезны, так как помогают участникам конфликта изменить свое отношение к происходящему, ослабить неадекватность и искажения в восприятии ситуации или, наоборот, усилить эти искажения в пользу большей эмоциональной устойчивости, толерантности и пр., но сами по себе не способны устранить реальный конфликт интересов. Стороны, сохраняя свои субъективные приоритеты, тем не менее заинтересованы в реальном урегулировании конфликта, причем с наименьшими потерями как психологическими (снижение напряжения, преодоление страха потерять лицо, минимизация интеллектуальных усилий и энергетических затрат), так и материальными (время, здоровье, финансы и т.п.). Именно поэтому разрешение конфликтов удобно рассматривать в рамках субъектно-бытийного подхода.

Подлинным завершением конфликта может быть только его принципиальное разрешение, которое достигается конфликтующими сторонами в процессе обоюдного анализа как источников, так и содержания спора. Устойчивое равновесие сторон возникает в следствие фактического преодоления тех обстоятельств, которые спровоцировали конфликт, что позволяет установить новые отношения равновесия, удовлетворяющие обе стороны. При этом одновременно достигается совпадение понимания конфликтной ситуации и позиций каждой стороны всеми конфликтантами.

Анализируя существующую практику разрешения конфликтов, можно с уверенностью сказать, что без привлечения третьего лица (судьи, арбитра, авторитета или медиатора) почти невозможно получить позитивный результат. Более подробно рассмотрим самый эффективный метод разрешения большинства конфликтных задач — метод медиации.

Развиваемая Д. Бертоном в 1960-е гг. концепция контролируемой коммуникации [10], которая создавалась как один из вариантов аналитического метода решения проблем, позволила практикам разработать новое направление в уре-

гулировании конфликтов, а именно посредничество в ведении переговоров — медиацию [3]. Медиация — это переговоры с участием третьей, нейтральной стороны, помогающей конфликтующим преодолеть искажения восприятия конфликтной ситуации и после анализа конфликтной проблемы выработать наиболее выгодные варианты решения [18; 19]. К настоящему моменту о медиации и областях ее применения написано множество книг, и нет необходимости останавливаться на подробном описании самой технологии. Покажем лишь, как применение технологии медиации и действия медиатора влияют на личность самих конфликтантов.

Сессия медиации (так называется время работы посредника с обеими сторонами) — это прежде всего специальным образом структурированная ситуация взаимодействия и общения конфликтантов. Поэтому одна из функций медиатора — организация процесса медиации. Особенность поведения медиатора заключается в том, чтобы максимально не проявлять своих личностных особенностей, своей субъектности, так как он не имеет права высказывать собственное мнение в рамках сессии медиации, не должен проявлять эмоциональных пристрастий и давать оценки ситуации конфликта и поведения сторон. Помогая сторонам более глубоко осознать свою субъектность, выражающуюся в позициях противостояния, посредник способствует снятию негативных эмоций, направленных сторонами друг против друга. Таким образом, на первом шаге медиации он, с одной стороны, обеспечивает защиту каждому из конфликтующих, а с другой — позволяет разрядить накопившееся психологическое напряжение. Только избавившись от сильных негативных эмоций, каждая из сторон в состоянии обратиться к самоанализу и рассмотреть свою ситуацию не только в контексте своей жизни, своего бытия, но и бытия другой стороны.

Медиатор в процессе переговоров снижает влияние ряда психологических механизмов восприятия других людей, позволяет воспринимать другого децентрированно, увеличивает эмпатию и тем самым повышает социально-психологическую компетентность личности. Субъектно-бытийный регресс в поведении меняется на включение рационального мышления, которое расширяет видение поля конфликта и расширяет осознание проблемы, осознание причин противостояния. Управляя диалогом сторон, медиатор помогает им преодолеть накопившиеся искажения, вызванные конфликтом, увидеть реальные возможности урегулирования конфликта и договориться о взаимодействии в будущем так, чтобы обеспечить и гарантировать нормальные (бесконфликтные) межличностные (и любые другие) отношения.

Если посмотреть на действия медиатора с точки зрения субъектно-бытийного подхода, то очевидно, что коммуникация, управляемая посредником, помогает сторонам: преодолеть опасения и угрозы существующему бытию Я; создает возможность прикоснуться к бытию другого Я; изменяет уста-

новку «против» другого на установку «вместе» в решении проблемы против мешающих обстоятельств и поддерживает (инициирует) самостоятельность в творческом поиске наилучшего решения. Первоначально медиатор расширяет понимание ситуации конфликта и дает возможность каждой стороне сопоставить свое понимание с пониманием и видением другой стороны. Далее медиатор помогает создать общее поле понимания проблемы и способствует появлению у сторон нового видения мира. В контексте нового субъектного мира естественным образом формируется желаемый и возможный образ совместного будущего бытия (пророчество, словами В. Ф. Петренко [15]). Результатом такого процесса, кроме разрешения конфликта, как правило, оказывается расширение субъектно-бытийного пространства, переживание личностного успеха и формирование нового взгляда на конфликт как на естественную форму взаимодействия, связанную с осознанием развития конфликта как такового и рациональное отношение к нему.

Момент окончания медиации — это еще не факт окончательного разрешения конфликта. Полное урегулирование конфликта наступит в том случае, если стороны в дальнейшем взаимодействии действительно будут соблюдать достигнутые договоренности. Соблюдение договоренностей означает, что стороны *изменяют поведение* таким образом, чтобы объективно ущемленные интересы обеих сторон удовлетворялись. Следует заметить, что если стороны не готовы заключать соглашение, то это выбор сторон. Как правило, отказ от написания соглашения в переговорах происходит по разным причинам. К наиболее частым причинам относятся отсутствие достаточных полномочий для решения проблемы у переговорщиков, немедиабельность ситуации, связанной с психологической несостоятельностью одного из переговорщиков (наркомания, алкоголизм и т. п.), но не обнаруженной до начала медиационной сессии, а также в процессе эскалации конфликта накопленные завалы.

Из 400 медиаций, проведенных в Санкт-Петербургском центре развития переговоров и разрешения конфликтов, в 90% случаев заключены соглашения между сторонами. При этом контроль договоренностей и выполнение соглашений, достигнутых в результате медиации (опрос по телефону прошедших медиацию спустя один, три и шесть месяцев), подтверждает, что соглашения, принятые сторонами в результате медиации, выполняются в 89% случаев [3; 19]. Для сравнения: в США также соглашения выполняются в 83% случаях, судебные решения по гражданским делам исполняются в этой законопослушной стране только в 33% (по данным президента CRI У. Линкольна, 1998) [13; 19].

Таким образом, медиация как технология служит инструментом перевода субъективного восприятия содержания конфликта его участниками в осознание реальных (бытийных) интересов всех заинтересованных сторон и нахождение рационального решения, направленного на максимально возможное удовлетворение этих интересов. В результате удачно завершённой медиации

участники понимают, что соблюдение достигнутых договоренностей объективно выгодно каждой стороне, а не какой-либо одной из них. Различное субъектное становится совместным бытием, создавая при этом иное новое состояние субъектности. Именно поэтому столь велик процент выполняемых договоренностей.

Библиографический список

1. *Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
2. *Аллахвердова О. В., Карпенко А. Д.* Медиация — переговоры с посредником. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
3. *Аллахвердова О. В.* Медиация. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
4. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 1999.
5. *Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000.
6. *Журавлев А. Л., Соснин В. Л., Красников М. А.* Социальная психология: учеб. пособие. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2006.
7. *Знаков В. В.* Понимание в познании и общении. М.: Изд-во Института психологии РАН, 1994.
8. *Знаков В. В.* Психология понимания: проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
9. *Иванов М. В.* Историческая психология личности. СПб.: Изд-во ПГУПС, 2006.
10. Конфликты в современной России / под ред. Е. И. Степанова. М.: ИС РАН, 1999.
11. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
12. *Маслоу А.* Психология бытия. М.; Киев: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
13. *Линкольн У.* Переговоры. СПб.; Рига: Эксперимент, 1998.
14. *Носкова О. Г.* Московская школа индустриальной психотехники // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2.
15. *Петренко В. Ф.* Что есть истина? (или Наш ответ лорду Чемберлену) // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1.
16. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к рассмотрению личности в контексте идей Б. Г. Ананьева // Борис Герасимович Ананьев — выдающийся психолог XX столетия (Ананьевские чтения — 2007). Материалы конференции, посвященной 100-летию Б. Г. Ананьева. СПб.: СПбГУ, 2007.
17. *Krisberg L.* Sociology of Social Conflict. New Jersey: Prentice Hall, 1973.
18. *Moore Ch.* The Mediation Process. San Francisco: Jossey-Bass Inc., 1986.
19. *Yamshon E., Yamshon D.* Transfer, Adaptation and Success of the CRI Mediation Model in Post-Communist Russia // Harvard negotiation Law Review. 1998. Vol. 3.

КАРЬЕРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НА КАРЬЕРУ

.....

А. Б. Седых¹

В работе обсуждается проблема карьерной мобильности в её связи с развитием «новых карьерных теорий». Рассматриваются типологии карьерной мобильности и определяющие её факторы, выявленные в зарубежных исследованиях. Обсуждаются возможности исследования карьерной мобильности в России.

Ключевые слова: карьерная мобильность, новые теории карьеры.

We discuss career mobility issue in its connection to development of so-called «new career models». Types and determining factors of career mobility exposed by research are observed. Promising opportunities of career mobility research in Russia are discussed.

Key words: career mobility, new career models.

Интерес к проблеме мобильности личности в сфере труда растёт в связи с процессами глобализации, интенсификацией трудовой миграции, мировыми и локальными финансово-экономическими кризисными явлениями, глубокими изменениями в организации труда, в частности, смещением баланса во взаимоотношениях работник — работодатель в сторону работодателя, реорганизациями и слияниями предприятий и т. д. [34].

В социологической, экономической, психологической литературе используется ряд близких понятий: «движение рабочей силы», «трудовая мобильность», «карьерная мобильность» и др. В одних случаях («движение рабочей силы») акцент делается на социальных перемещениях работников между отраслями, предприятиями, профессиональными и квалификационными группами [6, с. 46]. В других случаях («трудовая мобильность») предлагается включать в анализ и психологические составляющие — готовность, способность, умение осваивать новую профессию и т. д. (см., например, [2, с. 9]). Одновременно всё чаще начинают использовать понятие карьерной мобильности, что обусловлено современными трактовками карьеры, её несводимостью к профессиональ-

¹ Седых Артём Борисович – преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. адрес: artensed@inbox.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ 11-06-00734а.

ной деятельности и стремлением анализировать труд в контексте всего жизненного пути личности. Данную мысль можно проиллюстрировать сопоставлением традиционных (узких) и новых (широких) трактовок карьеры.

К числу первых относятся, например, такие определения: «карьера — результат осознанной позиции и поведения человека в области трудовой деятельности, связанный с должностным или профессиональным ростом» [7, с. 543]; «карьера — это процесс профессионального роста человека, роста его влияния, власти, авторитета, статуса в среде, выраженный в его продвижении по ступеням иерархии, квалификационной лестницы, вознаграждения, престижа» [8, с. 126]. Как видно, карьера и соответственно карьерная мобильность описываются одномерно — с точки зрения повышения по службе и /или профессионального роста. Несмотря на полезность подобных определений для обозначения теоретических границ исследований традиционных карьер, очевидна ограниченность таких представлений в современных условиях, поскольку не учитываются варианты изменения функций, организационных связей, ответственности без существенного повышения статуса работника, варианты нисходящей мобильности, например, в виде феномена «дауншифтинга» (см. [22; 5]), другие явления.

В широких трактовках карьеры авторы пытаются исправить названные недостатки. М. Б. Артур, Д. Т. Холл и Б. С. Лоуренс дают следующее лаконичное определение: карьера — это последовательность опытов работы субъекта в течение жизни [11, с. 8]. В отечественной литературе можно найти похожие определения, например: карьера — это индивидуально осознанная последовательность изменений во взглядах, позиции и поведении, связанных с опытом работы и другой деятельностью в процессе трудовой жизни [1]. В контексте психологии занятости под карьерой понимается совокупность процессов включения человека в различные виды и формы трудовой занятости, участия в них, выхода/исключения из них на протяжении жизненного пути. Эти процессы могут быть последовательными, одновременными, повторяющимися, нормативными, ненормативными [3].

Перенос акцентов с труда на занятость — характерная тенденция в современных экономико-психологических исследованиях, позволяющая, с одной стороны, реинтерпретировать труд человека с точки зрения сопутствующих социальных статусов (позиций), с другой стороны, привлечь внимание к явлениям, которые формально трудом не являются (например, безработица), но без которых невозможно представить трудовые отношения. Дополнительной причиной обращения к занятости служит развитие информационных технологий. Они стимулируют развитие таких явлений, как job sharing², гибкие графики работы, работа из дома с помощью Интернета и т. д. [34; 12, с. 135]. Отчасти

² Job sharing — разделение обязанностей, традиционно выполняемых одним работником с полной занятостью, между работниками, нанятыми на условиях частичной занятости.

влиянием этих технологий объясняется устойчивый рост карьерной мобильности практически во всем мире (более существенный среди молодежи).

Очевидно, что широкие трактовки карьеры позволяют учитывать как успехи, так и неудачи человека в трудовой жизни, разнообразие её форм. Далее будем опираться на следующее рабочее определение: карьерная мобильность — это изменение позиций человека в сфере трудовой занятости (первичный вход или возвращение на рынок труда, перемещение между профессиями, должностями, рабочими местами, организациями, видами и формами занятости, включая выход из них) на протяжении жизненного пути; карьерная мобильность включает в себя субъективную (отношение личности к изменению позиций, психологическая цена изменений и т. п.) и поведенческую составляющие [3].

Типы и факторы карьерной мобильности

В работе Н. Николсона и М. Веста [31] было выделено 12 типов карьерной мобильности с опорой на следующее измерения: 1) статус (восходящая, горизонтальная, нисходящая); 2) трудовые функции (аналогичные или изменяющиеся при смене места работы, статуса и т. п.); 3) работодатель (внутренняя и внешняя, т. е. перемещение в пределах организации или переход к другому работодателю). Например, возможны такие варианты мобильности: *inspiralling* (восходящая с изменением функций внутри организации); *out and up* (изменение работодателя и статуса без изменения функций); *out transfer* (смена работодателя без изменения статуса или функций) и т. д. Каждому варианту мобильности могут быть поставлены в соответствие уровни новых ролевых требований — в аспектах обновления уже имеющихся навыков, формирования новых навыков, использования (переноса) уже имеющихся навыков.

Т. В. Х. Нге, К. Л. Соренсен, А. Т. Эби, Д. К. Фельдман предложили многоуровневую теоретическую платформу для изучения карьерной мобильности. Они выделили факторы макроуровня (например, экономическую конъюнктуру, специфику конкретной индустрии), которые определяют структуру возможностей для мобильности на рынке труда. Индивидуальный уровень факторов, по их мнению, определяется, с одной стороны, личностными предрасположенностями, которые влияют на предпочтения в поведении, связанном с карьерной мобильностью; с другой стороны, оценкой желательности мобильности как варианта поведения и готовностью к изменениям [30, с. 363]. Ими же была предложена упрощенная модель Н. Николсона и М. Веста (была исключена переменная «трудовые функции» для упрощения структуры исследований), предполагающая выделение 6 типов карьерной мобильности: внутренняя и внешняя восходящая, внутренняя и внешняя горизонтальная, внутренняя и внешняя нисходящая.

В работах большинства психологов чаще всего упоминаются факторы карьерной мобильности, относящиеся к макро-, организационному и личностному уровням.

Факторы макроуровня определяются социально-экономической системой общества, системой социальной стратификации, социальными институтами, профессиональной сферой. Культурные и социально-экономические изменения, происходящие в последние десятилетия во многих странах, показывают важнейшую роль технологического прогресса, возрастающее проникновение международного бизнеса, развитие виртуального взаимодействия и электронных коммуникаций для становления карьер, в том числе международных карьер [9]. Исследования показывают, что факторы макроуровня весьма значимы, но в целом им уделяется недостаточно внимания в современных зарубежных исследованиях [9; 25; 41 и др.].

Обращение к макрофакторам важно ещё и потому, что их значимость по-разному выражена в разных национальных культурах. Например, представители ярко выраженных западных культур чаще в качестве причин карьерных изменений видят факторы индивидуального характера, а представители выраженных традиционных восточных культур те же события адресуют факторам макроуровня. При этом имеются различия и внутри культур, традиционно относимых к западным (в частности, различия между США и некоторыми европейскими странами, а также между странами европейского континента) [9]. Макрофакторы важны не только в контексте их общего воздействия на карьеры, но и в аспекте влияния на переходные периоды карьеры и карьерные изменения [9; 20].

Степень влияния факторов организационного и личностного характера рассматривается в психологической литературе, работах по менеджменту и экономической социологии. Исследования факторов организационного уровня можно считать традиционными. Фактически на протяжении всей истории развития карьерных теорий роль этих факторов признавалась значительной. Накоплено огромное количество свидетельств о влиянии различных аспектов организационных систем на карьерную мобильность. В последние десятилетия авторы активно изучали последствия слияний и поглощений организаций, смены направления деятельности организаций и т.п. [27 и др.]. В силу существенной проработанности факторов организационного уровня в последние годы в психологической литературе относительно уменьшилась доля работ в этом направлении (по крайней мере, снизилась доля исследований, рассматривающих исключительно организационный контекст).

Факторам личностного уровня уделяется большое внимание в теориях карьерного развития. Рассмотрим некоторые примеры.

Теория планируемого поведения А. Эйзена постулирует три независимых детерминанты поведения. Первая — установка на определенное поведение, отражающая его благоприятную или неблагоприятную оценку. Вторая детерминанта — переменная, именуемая «субъективная норма», отражающая воспринимаемое социальное давление в том, чтобы проявлять или не проявлять

определенное поведение. Третья детерминанта — уровень воспринимаемого контроля поведения, который связан с простотой или сложностью осуществления определенного поведения и предполагает использование прошлого опыта, а также оценку ожидаемых помех и препятствий [10].

По мнению Т. В. Х. Нге и других ученых, существует по меньшей мере 4 источника индивидуальных различий, которые определяют выбор варианта мобильности: личностные черты, карьерные интересы, ценности и стили привязанности (attachment styles) [30]. Анализ специальных исследований свидетельствует о связях конструкторов «Большой пятерки» с вариантами мобильности. Индивиды с выраженным нейротизмом (нервозность и тревожность) не являются оптимальными кандидатами для восходящей мобильности, равно как и для внутренней горизонтальной мобильности, по причине их относительно худшей адаптации к новым условиям. В то же время им свойственна большая частота поиска вариантов внешней горизонтальной мобильности в связи со сравнительно более низкой самооценкой и соответственно с тенденцией к самоутверждению [29]. Экстраверсия должна быть связана с обоими вариантами горизонтальной мобильности, что объяснимо, учитывая склонность экстравертов к поиску нового опыта и к возбуждению [29; 40]. В силу потенциально больших способностей к лидерству у экстравертов с большей вероятностью должны встречаться варианты восходящей мобильности. Эти же варианты с большей вероятностью должны быть свойственны индивидам с высокой добросовестностью, поскольку они демонстрируют более высокие результаты в производительности труда [29; 37]. Одновременно добросовестным сотрудникам могут быть свойственны и варианты внутренней мобильности, так как они более исполнительны, ответственны и зависимы.

Соответствие типам личности Дж. Холланда (карьерные интересы) также можно рассматривать с позиции большей или меньшей вероятности определенного варианта мобильности. Например, индивиды, относящиеся к социальному типу, должны иметь большие склонности к горизонтальной мобильности (их привлекает исследование возможностей организации и рынка труда). Предпринимательский тип будет более склонен к восходящей мобильности. Для конвенциональных индивидов менее вероятна внешняя мобильность ввиду их предпочтений большей надежности работы и склонности работать в знакомом окружении. Индивиды, с преобладающим исследовательским типом (как и субъекты с высокой выраженностью открытости опыту) будут, вероятно, предпочитать внутреннюю горизонтальную или внешнюю мобильность. Работники артистического типа, озабоченные креативностью и самовыражением, более вероятно склонны к самозанятости как к варианту динамичной восходящей мобильности [30; 24].

Проблематике ценностей уделялось существенно меньше внимания, чем карьерным интересам и чертам личности, хотя их влияние на предпочте-

ния карьерной мобильности может быть очень большим. Ценности, по общему мнению, имеют наибольшее влияние на поведение в случае относительного ослабления влияния ситуативных переменных (т. е. при отсутствии стимулов или ограничений). Их влияние на предпочтения карьерной мобильности возрастает по мере возрастания роли саморегуляции и самоменеджмента в индивидуальной карьере [28; 29]. Определённые ценности также могут стимулировать уверенность в себе, тем самым иницируя изменения в индивидуальных карьерах.

Факторы личностного уровня и макрофакторы целесообразно рассматривать во взаимосвязи при анализе процессов карьерной мобильности. Это реализуется в так называемом системном подходе. А. Форриер, Л. Селз и Д. Станен предложили концептуальную модель анализа карьерной мобильности, которую можно определить как структуру рисков и возможностей, т. е. набор структурных факторов, действующих на рынке труда и воздействующих на карьерные изменения. Структура рисков и возможностей характеризуется спросом на внутреннем и внешнем рынках труда и механизмами, определяющими соответствие между спросом и предложением. Сегментация рынка труда (по демографическому, профессиональному или другому признаку), уровень оплаты труда, ценности и нормы, связанные с тем, что считается социально приемлемым для группы индивидов, институциональные поощрения, которые стимулируют спрос и предложение на рынке труда, будут играть роль структурных факторов, сдерживающих карьерные решения людей [16]. Системный подход представляет карьерное развитие как динамичный процесс и как открытую систему, границы которой условны и могут меняться под воздействием различных факторов (в том числе географических, политических, личностных). Элементами системного подхода являются понятие шанса (указывается его значимость в карьерном развитии) и контекст времени (прошлое и настоящее оказывают влияние на будущее) [35]. В целом системный подход отражает экономико-социологическое видение карьерной мобильности, психологическая составляющая играет подчинённую роль.

Новые теоретические модели карьеры и карьерная мобильность

Новые модели карьеры — изменчивая, или поливариативная карьера (protean career), безбарьерная карьера, или карьера без границ (boundaryless career), карьера-калейдоскоп (kaleidoscope career), гибридные карьеры (hybrid careers), карьеры-портфолио (portfolio career) — приобрели в последние два десятилетия популярность в зарубежных исследованиях. Существенным элементом большинства новых карьерных теорий является признание значимой роли индивида в управлении своей карьерой. В этих теориях большой вес приобретают факторы рационального использования карьерного капитала и проактивного карьерного поведения [32; 39].

Обращение к понятию карьерного капитала связано с ресурсным подходом к карьере. Предполагается, что карьерный капитал состоит из трех «способов знания». «Знания как» («knowing-how») обеспечивают индивида релевантными его карьере способностями и навыками, а также знанием и пониманием того, что необходимо для высокой производительности. «Знания зачем» («knowing-why») наделяют индивида энергией, чувством цели, мотивацией и идентификацией с миром работы. «Знания кто» («knowing-whom») состоят из спектра внешних и внутриорганизационных профессиональных и социальных связей, объединенных в сеть [15; 23].

Проактивное поведение, согласно Ш. К. Паркеру, связано с предупреждающими действиями, направленными на себя или окружение, которые принимают индивиды. Термин «проактивность» можно применить к любому набору действий, подразумевающему предупреждение (предвосхищение), планирование и стремление к влиянию. Таким образом, ключом к определению проактивного поведения служит тот факт, что субъект планирует, предвосхищает и стремится получить будущий исход, имеющий влияние на него самого или его окружение [33].

Концепции изменчивой карьеры (protean career) и карьеры без границ (boundaryless career) представляют наибольший интерес как с точки зрения теоретической новизны, так и возможностей учесть динамизм, текучесть и некоторую неопределенность современных карьер. В последнее время их нередко рассматривают в противопоставлении традиционным представлениям о карьере в организации [18].

Концепция изменчивой карьеры базируется на представлениях Д. Т. Холла [21] о психологическом успехе, основанном на личном управлении индивидом своей карьерой; она в известном смысле противоположна традиционным представлениям о развитии карьеры организацией и в рамках организации. Изменчивая карьера, по Холлу, подразумевает большую мобильность, направленность на развитие и более широкое видение жизненной перспективы. По мнению Д. П. Бриско и Д. Т. Холла, индивиды, имеющие установки на изменчивую карьеру, используют собственную систему ценностей (а не ценности, навязываемые организацией) для определения путей развития своей карьеры. Они занимают независимую позицию в управлении своим поведением на рынке труда, и в этом смысле их поведение можно назвать самоуправляемым (self-directed). Соответственно индивиды, не придерживающиеся установок на изменчивую карьеру, с большей вероятностью будут склонны заимствовать внешние стандарты и с большей вероятностью будут искать внешнее руководство или помощь в управлении своими карьерами. Предполагается, что установки на изменчивую карьеру могут коррелировать с большей карьерной мобильностью (поведенческие перемещения) и ориентацией на обучение; эти предположения подтверждаются, но не во всех исследованиях [13]. То есть

установка на изменчивую карьеру — это предпосылка, но не синоним реальных карьерных перемещений.

Люди с выраженной установкой на карьеру без границ чувствуют себя комфортно и даже испытывают энтузиазм, завязывая и поддерживая связи за пределами конкретной организации или компании. Карьера без границ предполагает выраженность установок, связанных с инициированием и поддержанием рабочих взаимоотношений вне рамок конкретной организации [14]. М. Б. Артур и Д. М. Руссо, говоря о карьере без границ, указывают также на установку к более высокому уровню мобильности, которая выражается в предпочтении работ у нескольких работодателей одновременно (цит. по: [13]).

Д. П. Бриско, Д. Т. Холл, Р. Л. ДеМут указывают на очевидные связи между теориями изменчивой карьеры и карьеры без границ. При этом подчёркивается, что хотя можно ожидать некоторого пересечения в подходах, но концепты изменчивой карьеры и карьеры без границ — всё же независимые конструкты [14]. Например, человек может проявлять установки на изменчивую карьеру, делать независимые выборы, руководствуясь внутренними побуждениями, но при этом рассчитывать на свою организацию для подпитки и развития индивидуальной карьеры и предпочитать не налаживать рабочие связи вне рамок организации [17].

Д. П. Бриско и Д. Т. Холл уверены, что более детальный анализ специфики установок на изменчивую карьеру и карьеру без границ и их сочетаний приведет к прогрессу в теории карьер [13].

Важным аспектом новых подходов является оценка карьерного успеха. В традиционных моделях многие случаи горизонтальной или нисходящей мобильности мы могли бы оценивать как нейтральные или даже как варианты неуспеха, тогда как в действительности это следствие установок на поливариативную карьеру, которое в конечном итоге позволяет достичь большего субъективного благополучия, удовлетворенности. Здесь мы сталкиваемся с возможностью расщепления объективных и субъективных аспектов карьерного успеха.

Среди других относительно недавно значимых для понимания карьеры феноменов важное место принадлежит тому, что эксперты в области психологии труда называют гибридными карьерами (также встречаются их обозначение как «вторая работа», «работа по совместительству», «двойная карьера», «карьера-калейдоскоп», «карьера-портфолио» и др.). Их основная идея обозначается, как правило, в предпочтениях субъектов сочетать несколько видов работы (которые часто относятся к разным профессиям) вместо выбора одного места работы с полной занятостью. Подобные карьеры предлагают большую свободу, гибкость и вариативность, но предъявляют большие требования к навыкам самоменеджмента и готовности к риску. Многие виды деятельности традиционно (например, в области культуры и искусств) предполагают соче-

тание нескольких карьер, а в последние десятилетия большой импульс к появлению гибридных карьер был получен со стороны компьютерных технологий, которые все чаще становятся значимой частью многих профессий.

При обсуждении новых моделей карьеры следует иметь в виду, что они отражают отнюдь не все процессы, происходящие в сфере занятости и в сознании людей. По мнению И. Баруха, несмотря на то, что многие организации целенаправленно разрушили ряд иерархических лестниц и стали более расплывчатыми, это не стерло в них в полной мере все границы. Организации без границ — всего лишь один из полюсов континуума, ни один из которых не может существовать и функционировать в чистом виде [12, с. 127]. И. Барух утверждает, что описание современных карьер как полностью динамичных и изменяющихся неверно. Большинство из традиционных карьерных представлений валидно и подтверждается практикой. У многих людей проявляются выраженные потребности в стабильности или надежности карьеры [12, с. 135].

Также имеются свидетельства того, что индивидуальные предпочтения карьеры без границ не могут быть применены ко всей совокупности занятых и существенное количество работников по-прежнему предпочитают традиционные карьеры [38]. Нередко это обусловлено таким фактором, как удовлетворенность работой. Было обнаружено, что чем более удовлетворены работники, тем меньше инициативы и интереса они проявляют в области потенциального трудоустройства, карьерного консультирования [38, с. 78]. Дж. А. Рэйлин также указывает на роль удовлетворенности как негативного предиктора мобильности (правда, только в случае женщин) [36, с. 241]. Некоторые критически настроенные исследователи ставят под вопрос возможности многих людей совладать с запросами на самореализацию, обозначаемые в теориях изменчивой карьеры, карьеры без границ, карьеры-портфолио и др. [26]. Наконец, реализация новых моделей карьеры и карьерной мобильности блокируется не только субъективными факторами, но и внешними обстоятельствами. Соответствующие ограничения могут налагаться профессиональной специализацией и квалификацией, отраслью промышленности, структурой компании, должностью, образовательным уровнем, опытом работы, географией [19].

М. Гербер, А. Виткинд, Г. Гроте, Н. Конвэй и Д. Гест в своем исследовании британцев, а также франко- и немецко-говорящих выборов в Швейцарии пишут, что, по всей видимости, существуют карьерные ориентации, включающие в себя элементы старых (например, надежность работы) и новых моделей карьер (например, само-менеджмент карьеры) [17, с. 795]. По мнению авторов, сочетание традиционных и новых моделей карьер позволяет выделить типы карьерных предпочтений реальных людей. Первый тип — новый тип независимых карьер, сочетающий элементы карьеры без границ и изменчивой карьеры: предпочтения в трудоустройстве в разных организациях и выполнении различных работ, а также карьерный самоменеджмент. Второй тип — традицион-

ный, ориентированный на должностной рост, в котором успешность в карьере выступает наиболее значимым элементом наряду с возможностью карабкаться по иерархической лестнице. Третий тип — традиционный, ориентированный на лояльность, для которого характерны ориентация людей на надежность работы, долгосрочная занятость и ответственность людей за управление собственной карьерой. И наконец, для четвертого типа карьерных ориентаций — свободного/разобщенного (disengaged) типа — успешность карьеры не столь значима, однако работа по-прежнему занимает центральное место в их жизни. Этому типу более свойственна ориентация на вертикальную карьерную мобильность, чем ценность работы как таковой. Вместе с тем авторы предупреждают от возможного применения полученных результатов на других популяциях, так как даже в рамках одного государства структура ориентаций в национальных выборках была различной [17, с. 781, 782, 795].

Заключение

Кризисные явления в социально-экономической сфере нашей страны, возрастание роли универсальных навыков (например, навыков саморегуляции и самоорганизации, компетенций в области техники и технологий) служат индикаторами значимости и потенциальной применимости зарубежных карьерных подходов к российским реалиям. Это справедливо и для исследований карьерной мобильности.

С нашей точки зрения, многообещающим выглядит психологическое осмысление макрофакторов карьерной мобильности, которые в российских условиях могут быть очень влиятельными. Данное предположение хорошо согласуется с идеей о том, что факторы личностного уровня имеют наибольшую значимость в экономически устойчивых странах, а экономическая нестабильность и переходные процессы усиливают влияние факторов макроуровня [9]. В этой связи может оказаться полезным понятие шанса на рынке труда, которое, с одной стороны, разрабатывается в системном подходе к карьерной мобильности, с другой стороны, показало свою продуктивность в психологических исследованиях отечественного рынка труда [4].

Важно исследовать отношение к новым моделям карьеры и воплощение этих моделей в реальном поведении в разных социальных и возрастных группах. Мы предполагаем, что сдвиг в предпочтениях новых карьер возможен прежде всего у образованной молодежи, у которой сочетаются установки на обучение, более высокие (по сравнению с другими возрастными группами) компетенции в области информационных технологий, гибкая система карьерных ценностей. Подобное исследование потребует разработки или адаптации соответствующего инструментария.

Библиографический список

1. Агейко О.В. Карьера и карьерные ориентации личности // Психолого-педагогические проблемы профессиональной деятельности и общения: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Гродно: ГрГУ, 2009.
2. Волкова Н.В. Формальные факторы трудовой мобильности: монография. Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010.
3. Дёмин А.Н. Справочник по психологии труда и психологии занятости. 2-е изд., доп. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012.
4. Дёмин А.Н. [и др.] Психологическое профилирование на рынке труда/А.Н. Демин, Е.Ю. Кожевникова, А.Б. Седых, Б.Р. Седых. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.
5. Прихидько А.И. Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. № 1 (1).
6. Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006.
7. Управление персоналом: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2001.
8. Управление персоналом: учеб. пособие. М.: Ось-89, 2004.
9. Chudzikowski K. [a. o.] Career transitions and their causes: A country-comparative perspective/К. Chudzikowski, В. Demel, W. Mayrhofer, J. Unite, В. Bogicevic, J. Briscoe, D. T. Hall, M. Las Heras, Y. Shen, J. Zikic // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. Vol. 82.
10. Ajzen L. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50.
11. Arthur M.B., Hall D.T., Lawrence B.S. Generating new directions in career theory: The case for a transdisciplinary approach // Handbook of career theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
12. Baruch Y. Career development in organizations and beyond: Balancing traditional and contemporary viewpoints // Human Resource Management Review. URL: <http://www.stemcareer.com/richfeller/pages/classes/2011FA/EDCO500Denver/Pre%20Class/Documents/Car%20Dev%20in%20Orgs%20and%20Beyond%20Baruch.pdf>
13. Briscoe J.P., Hall D.T. The interplay of boundaryless and protean careers: Combinations and implications // Journal of Vocational Behavior. 2006. Vol. 69.
14. Briscoe J.P., Hall D.T., Frautschy DeMuth R.L. Protean and boundaryless careers: An empirical exploration // Journal of Vocational Behavior. 2006. Vol. 69.
15. Defillippi R.J., Arthur M.B. The boundaryless career: A competency-based perspective // Journal of Organizational Behavior. 1994. Vol. 15.
16. Forrier A., Sels L., Stynen D. Career mobility at the intersection between agent and structure: A conceptual model // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. Vol. 82.
17. Gerber M. [a. o.] Generalizability of career orientations: A comparative study in Switzerland and Great Britain/M. Gerber, A. Wittekind, G. Grote, N. Conway, D. Guest // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. Vol. 82.
18. Greenhaus J.H., Callanan G.A., Godshalk V.M. Career Management. 4 ed. Sage Publications, 2010.

19. *Gunz H. P., Bergmann Lichtenstein B. M., Long R. G.* Self-Organization in Career Systems: A View from Complexity Science. [Электронный ресурс] // *M@n@gement*. 2002. Vol. 5.
20. *Gunz H., Mayrhofer W., Tolbert P. S.* Introduction to Special Section: Careers in Context. URL: <http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/articles/503>
21. *Hall D. T.* The protean career: A quarter-century journey // *Journal of Vocational Behavior*. 2004. Vol. 65.
22. *Hamilton C., Mail E.* Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness [Электронный ресурс] // *The Australia Institute Discussion Paper*. 2003. N. 50 (January).
23. *Inkson K., Arthur M. B.* How to be a successful career capitalist // *Organizational Dynamics*. 2001. Vol. 30.
24. *Larson L. M., Rottinghaus P. J., Borgen F. H.* Meta-analyses of Big Six interests and Big Five personality factors // *Journal of Vocational Behavior*. 2002. Vol. 61.
25. *Lindberg M. E.* Student and early career mobility patterns among highly educated people in Germany, Finland, Italy, and the United Kingdom // *Higher Education*. 2009. Vol. 58.
26. *Mallon M., Duberley J.* Managers and professionals in the contingent workforce // *Human Resource Management Journal*. 2000. Vol. 10.
27. *Marks M., Mirvis P.* Merger and Acquisition — Merge Ahead: A Research Agenda to Increase Merger and Acquisition Success // *Journal of Business and Psychology*. 2011. Vol. 26.
28. *Meglino B. M., Ravlin E. C.* Individual values in organizations: Concepts, controversies, and research // *Journal of Management*. 1998. Vol. 24.
29. *Ng T. W. H. [a. o.]* Predictors of objective and Subjective career success: A meta-analysis/T. W. H. Ng, L. T. Eby, K. L. Sorensen, D. C. Feldman // *Personnel Psychology*. 2005. Vol. 58.
30. *Ng T. W. H. [a. o.]* Determinants of job mobility: A theoretical integration and extension/T. W. H. Ng, L. T. Eby, K. L. Sorensen, D. C. Feldman // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2007. Vol. 80.
31. *Nicholson N., West M.* Managerial job change: Men and women in transition. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
32. *Parker P., Khapova S. N., Arthur M. B.* The intelligent career framework as a basis for interdisciplinary inquiry // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. Vol. 75.
33. *Parker S. K., Williams H. M., Turner N.* Modeling the Antecedents of Proactive Behavior at Work // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol. 91.
34. *Patterson F.* Developments in work psychology: Emerging issues and future trends // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2001. Vol. 74.
35. *Patton W., McMahon M.* The Systems Theory Framework Of Career Development And Counseling: Connecting Theory And Practice // *International Journal for the Advancement of Counselling*. 2006. Vol. 28.
36. *Raelin J. A.* A Comparative Analysis of Female-Male Early Youth Careers // *Industrial Relations*. 1982. Vol. 21.
37. *Tharenou P.* Is there a link between family structures and women's and men's managerial career advancement? // *Journal of Organizational Behavior*. 1999. Vol. 20.

38. *Verbruggen M., Sels L., Forrier A.* Unraveling the relationship between organizational career management and the need for external career counseling // *Journal of Vocational Behavior*. 2007. Vol. 71.
39. *Vos A., Clippelaar I., Dewilde T.* Proactive career behaviours and career success during the early career // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2009. Vol. 82.
40. *Watson D., Clark L.A.* On Traits and Temperament: General and Specific Factors of Emotional Experience and Their Relation to the Five-Factor Model // *Journal of Personality*. 1992. Vol. 60.
41. *Zikic J., Hall D.T.* Toward a more complex view of career exploration // *The Career Development Quarterly*. 2009. Vol. 58.

ДИАГНОСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

.....

Е. А. Сомова¹

Статья посвящена проблеме планирования профессионального будущего и разработке опросника «Особенности планирования профессионального будущего».

Ключевые слова: жизненная перспектива, планирование профессионального будущего, опросник.

This article is about planning of professional future and about development of the questionnaire «Features of planning professional future».

Keywords: life prospect, planning of professional future, questionnaire.

Многие из нас, мечтая о достижениях и стремясь к ним, формируют некоторый план продвижения к цели. В современной социальной ситуации планирование будущего является не только важной, но и очень трудной задачей. Сегодня жизнь требует трезвой оценки своих жизненных планов на предмет их реалистичности, каждому из нас необходимо понимать меру своих возможностей для их реализации. Не имея планов в собственной жизни, личность утрачивает очень важную свою особенность — «целенаправленную саморегуляцию поведения на основе предвидения отдаленных событий будущего» [1].

Планирование нельзя рассматривать в отрыве от жизненных перспектив личности. Эта проблема довольно популярна. Обобщая взгляды ряда ученых, таких как К. А. Абульханова-Славская, И. С. Кон, А. А. Кроник, Е. И. Головаха, В. И. Ковалев, Г. С. Шляхтин, К. Левин, Л. Франк, Ж. Нюттен и др., мы можем говорить о жизненной перспективе как о субъективном образе будущего личности [1; 3; 4; 5; 6; 7; 9].

Многие авторы сходятся в понимании того, что жизненная перспектива — это образ будущего и некая работа над ним. Существуют точки зрения, которые прямо понимают жизненную перспективу в связи с планированием будущего. Например, В. К. Вилюнас отмечает, что «деятельность человека по планирова-

¹ Сомова Екатерина Александровна – студентка факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. Электронный адрес: catya.somowa@yandex.ru

нию своей жизни можно изобразить как просматривание время от времени различных как более, так и менее отдаленных зон жизненной перспективы» [2].

Опираясь на исследования представленных авторов, под *жизненным планированием* мы понимаем структурирование будущего, характеризующееся осознанной и осмысленной программой, обеспечивающей контроль над порядком совершения действий, направленных на достижение поставленной цели.

Далее мы будем использовать понятие «планирование профессионального будущего» как разновидность жизненного планирования. В нашем понимании планирование профессионального будущего — это такое структурирование будущих изменений трудовой занятости, которое определяет порядок и характер совершения действий, изменяющих профессиональные роли, отношения, психологические характеристики личности и направленных на достижение жизненных целей.

В современной литературе, связанной с профессиональным будущим, мы сталкиваемся с дефицитом методик, направленных на измерение особенностей планирования такого будущего. Существуют методики, диагностирующие способность к планированию и планирование как таковое, например, «Стили саморегуляции поведения» (шкала планирования) В. И. Моросановой, «Персоплан» А. Г. Шмелева [11].

Целью нашего исследования стала разработка методики для диагностики особенностей планирования профессионального будущего.

Мы опирались на подход Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Прибрама, которые выделили ряд важных особенностей планов и связали их с особенностями личности [8]. Приведем некоторые из этих особенностей:

1. Источник планов. Люди, действующие согласно своим планам, — «внутренне направляемые», согласно планам, дающимся извне, — «внешне направляемые».

2. Объем планов. Учитывается временной диапазон планирования, заинтересованность отдельных людей в событиях отдаленного будущего.

3. Детализированность планов. Эта характеристика отражает скрупулезность разработки плана: выделяются общие черты либо прорабатывается тактика во всех деталях.

4. Гибкость планов. Гибкие планы предполагают возможность изменения последовательности запланированных действий, перестройки под имеющиеся условия; жесткие планы — строгое выполнение всех намеченных действий.

5. Темп планирования. Имеется в виду скорость разработки плана.

6. Откровенность в планировании. Характеристика, показывающая, насколько человек предпочитает делиться своими планами с другими.

7. Сигналы остановки. Учитываются причины, которые останавливают реализацию плана.

8. Координация планов. Согласно этой характеристике планы одного человека могут выполняться изолированно друг от друга либо пересекаться и согласовываться.

Опираясь на изложенный перечень особенностей планирования, на первом этапе разработки методики мы сформулировали открытые вопросы, затрагивающие планы профессионального будущего. Данные вопросы были представлены 26 респондентам в возрасте от 24 до 32 лет. С ними также было проведено полуструктурированное интервью на тему «Карьерные планы» для уточнения, дополнения и прояснения полученных ответов.

На основании полученных ответов и анализа результатов интервью была выявлена необходимость в рассмотрении дополнительных особенностей планирования профессионального будущего — использование плана и экономический пессимизм/оптимизм.

В итоге мы сформулировали 50 закрытых вопросов. Всего в опросник заложено 10 шкал, используется 4-балльная шкала ответов. Дополнительно были опрошены 25 чел. в возрасте от 22 до 35 лет и с учетом их замечаний сформулированы финальные версии вопросов. Далее приведены примеры вопросов для каждой шкалы, используемой в опроснике.

1. Объем планирования: «Часто ли Вы планируете своё будущее на срок более пяти лет?»

2. Темп планирования: «Как часто Вам удается составить план своего профессионального будущего за несколько минут?»

3. Детализированность планов: «Часто ли Вы разрабатываете план своего профессионального будущего в подробных деталях?»

4. Гибкость планов: «Как часто Вы испытываете трудности при изменении Ваших планов профессионального будущего?»

5. Откровенность в планировании: «Как часто Вы держите планы своего профессионального будущего при себе, не рассказывая о них никому?»

6. Координация планов: «Часто ли, по Вашему мнению, план профессионального будущего дополняет другие планы в Вашей жизни?»

7. Удержание планов: «Как часто Вы записываете свой план где-нибудь (записная книжка, электронные носители)?»

8. Сигналы остановки: «Как часто Вы предпочитаете остановиться при реализации плана из-за того, что устали и не чувствуете в себе сил?»

9. Экономический пессимизм/оптимизм: «Часто ли Вы связываете этапы Вашего плана профессионального будущего с увеличением заработка?»

10. Использование плана: «Часто ли в Вашей жизни случалось так, что составленный Вами план профессионального будущего был забыт и не реализован?»

Ретестовая надежность окончательных версий шкал (повторный опрос через три недели) дал приемлемые результаты (r Спирмена — от 0,6 до 0,8).

Далее мы проверяли критериальную валидность разрабатываемого опросника. Исследования взаимосвязи жизненного пути и возрастных особенностей личности многих отечественных авторов, таких как С. Л. Рубинштейн, К. А. Альбуханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Е. И. Головаха, А. А. Кронник, Т. Н. Березина и др. [1; 3; 4; 9; 10], выявили, что возраст и экономическая позиция (самостоятельность материального обеспечения) оказывают влияние на различия в особенностях планирования. Мы предположили, что будут наблюдаться различия в особенностях планирования профессионального будущего между представителями юношеского и более старшего возраста, а также между работающими и неработающими (размер выборки — 96 чел.). Были получены статистически значимые различия по большинству шкал опросника. Работающие и старшие по возрасту респонденты превосходят более молодых и неработающих по всем показателям планирования.

На заключительном этапе нами была проверена конструктивная валидность опросника. Опираясь на анализ литературы, мы предположили, что существует взаимосвязь планирования и уровня субъективного контроля личности. О. А. Браун в своей статье «Факторы, влияющие на планирование жизненного пути личности» отмечает, что «еще одним психологическим фактором, с высокой вероятностью влияющим на процесс планирования личностью своего будущего, является локус контроля» (цит. по [1]). Для проверки этого предположения были опрошены 22 чел. в возрасте от 20 до 25 лет.

Респондентам были предложены тест уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е. Ф. Бажина, С. А. Гольнкиной, А. М. Эткинда) и авторский опросник «Особенности планирования профессионального будущего».

Получены корреляции таких шкал опросника, как объем планирования, темп планирования, детализированность планирования, сигналы остановки, координация планов с общим уровнем интернальности. Откровенность в планировании и удержание планов, как и гибкость в планировании, коррелируют с интернальностью достижений, что вполне логично.

Шкалы «экономический пессимизм/оптимизм» и «использование плана» коррелируют с интернальностью производительности: чем более респонденты понимают свою ответственность за производительность, тем более они оптимистичны и тем чаще используют в жизни план профессионального будущего.

В целом можно сделать вывод о том, что конструктивная валидность опросника «Особенности планирования профессионального будущего» подтверждается. В дальнейшем планируется продолжить его проверку и на других выборках респондентов.

Библиографический список

1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Вилюнас М. К.* Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990.
3. *Головаха Е. А.* Жизненные перспективы и профессиональное самоопределение. Киев: Наукова думка, 1988.
4. *Головаха Е. А., Кроник А. А.* Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.
5. *Ковалев В. И.* Особенности субъективной регуляции времени // Время деятельности личности: сб. науч. докл. Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1991.
6. *Демин А. Н.* Методологические и мировоззренческие уроки Побиска Георгиевича Кузнецова (к 85-летию со дня рождения) // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 2.
7. *Кон И. С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
8. *Миллер Дж., Галантер Е. Г., Прибрам К.* Программы и структура поведения. М.: Прогресс, 1964.
9. *Муздыбаев К.* Жизненные стратегии молодежи: межпоколенческий анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1.
10. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
11. *Шмелев А. Г.* Персоплан — психотехнический инструмент жизненного выбора // Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс-Культура, 1993.

КОММУНИКАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОМАНДНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА

.....

С. А. Васюра¹

В статье представлены результаты изучения структуры коммуникативной активности. Выявлены стилевые характеристики коммуникативной активности спортсменов, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта.

Ключевые слова: коммуникативная активность, интегральная индивидуальность, индивидуальные свойства.

The results of the study of the structure of communicative activity. Identified the style characteristics of communicative activity athletes involved in team and individual sports.

Key words: communicative activity, integral individuality, individual characteristics.

Термин «коммуникативная активность» стал использоваться в психологической науке относительно недавно, что связано со смещением исследовательских акцентов с процессуальных и результативных аспектов человеческого общения к его субъектной составляющей [2]. Коммуникативная активность рассматривается нами как сложное многокомпонентное психологическое образование, обеспечивающее взаимодействие субъекта общения с другими людьми, исходящее от него и по его собственной инициативе. Изучение различных видов активности и их роли в развитии индивидуальности человека — одно из направлений исследований пермской психологической школы, основанной В.С. Мерлиным. В.С. Мерлин рассматривает интегральную индивидуальность человека как большую саморегулируемую систему, состоящую из относительно замкнутых иерархических уровней — от биохимического до социально-психологического [6]. Исследования индивидуальности человека служат основой для решения социально-прикладных задач в разных сферах, в том числе в спорте.

Спортивная деятельность, требующая от человека большого напряжения физических и духовных сил, невысказима без коммуникативной активности. Психологические исследования коммуникативной активности спортсменов немногочисленны [1; 3; 7; 8 и др.]. Сегодня эти исследования особенно актуаль-

¹ Васюра Светлана Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Удмуртского государственного университета. Эл. почта: vasyura@inbox.ru

ны в связи с задачами подготовки высококвалифицированных спортсменов, с необходимостью повышения коммуникативной компетентности спортсменов и тренеров.

Для изучения особенностей коммуникативной активности представителей индивидуальных и командных (игровых) видов спорта нами было проведено эмпирическое исследование. В нем участвовали студенты педагогического факультета физической культуры Удмуртского государственного университета — 66 чел. (45 юношей и 21 девушка в возрасте 18–19 лет). Все они занимаются спортом от 5 до 10 лет, более половины участников исследования имеют квалификацию кандидата в мастера спорта, остальные — массовые разряды. В первую группу (30 чел.) вошли представители групповых (игровых) видов спорта — баскетбол, волейбол, гандбол, футбол. Вторую группу (36 чел.) составили представители индивидуальных видов спорта — биатлон, легкая атлетика, спортивная гимнастика.

Коммуникативная активность определялась нами с помощью теста суждений А. И. Крупнова, коммуникативные свойства двух иерархических уровней индивидуальности — психодинамического и социально-психологического — диагностировались с помощью методики ОФДСИ В. М. Русалова и методики диагностики межличностных отношений Т. Лири. Тест А. И. Крупнова позволяет оценить динамические, мотивационные, когнитивные, эмоциональные, регулятивные и продуктивные компоненты коммуникативной активности, а также определить личностные и операциональные трудности ее реализации. Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики — вычисление средних значений, U-критерий Манна — Уитни, корреляционный анализ, факторный анализ с использованием пакета прикладных программ SPSS.

На первом этапе исследования проводился сравнительный анализ показателей коммуникативной активности представителей индивидуальных и групповых видов спорта с помощью U-критерия Манна — Уитни. Значимых различий между выборками спортсменов не установлено. Обнаружены лишь тенденции различий по мотивационному показателю коммуникативной активности — социоцентричности ($p = 0,081$), по продуктивному показателю активности — субъектности ($p = 0,067$). Таким образом, наблюдается тенденция к более высоким показателям социоцентричности и субъектности представителей групповых видов спорта. По-видимому, спортивно-игровое общение приучает молодых людей рассматривать свое поведение и общение не только с собственной точки зрения, но и с точки зрения членов команды, учитывать их потребности и интересы. Активность в общении представителей командных видов спорта дает возможность самореализоваться, выразить себя.

Далее был проведен сравнительный анализ показателей свойств психодинамического и социально-психологического уровней индивидуальности

Таблица 1

Различия по показателям социально-психологических свойств индивидуальности между представителями индивидуальных и групповых видов спорта

Показатели социально-психологических свойств	Средние значения		U-критерий Манна — Уитни	Уровень значимости
	Представители групповых видов спорта	Представители индивидуальных видов спорта		
Зависимость-послушность	4,9	6,661	340	0,0009
Ответственность-великодушность	5,833	8,306	318	0,0003
Доброжелательность	0,067	3,364	380,5	0,039

спортсменов, занимающихся индивидуальными и групповыми видами спорта по U-критерию Манна — Уитни. По показателям психодинамического уровня индивидуальности значимых различий не выявлено. Установлены достоверные различия по показателям свойств социально-психологического уровня индивидуальности, диагностируемым по методике Т. Лири (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что показатели зависимости-послушности, альтруистичности и доброжелательности в межличностных отношениях выше у представителей индивидуальных видов спорта. Эти спортсмены проявляют более выраженную доверчивость и конформность в отношениях, гиперответственны и приносят в жертву свои интересы, доброжелательны по отношению к окружающим. А представители групповых видов спорта не имеют столь выраженных социально-психологических свойств. Можно полагать, что в ходе спортивных игр у них вырабатываются качества, которые определяют результативность, успешность в условиях совместной деятельности. По-видимому, зависимость, альтруистичности и высокая доброжелательность игроков могут препятствовать достижению успеха в командных видах спорта. Полученные нами данные согласуются с результатами исследований других психологов. Так, например, И. П. Волков и В. А. Васильев установили, что сыгранность баскетболистов выше в тех командах, игроки которых более контрастно и категорично разграничивали в своих оценках предпочитаемого партнера [3].

Меньшая зависимость, альтруистичность и доброжелательность представителей групповых видов спорта, возможно, связаны и с тем, что у них по сравнению с представителями индивидуальных видов спорта есть мотив выделиться среди членов своей команды, проявить себя в ней, получить соответствующий статус.

Для изучения коммуникативной активности в структуре интегральной индивидуальности представителей индивидуальных и групповых видов спорта был проведен факторный анализ показателей активности и свойств инди-

видуальности. В результате факторного анализа в выборке представителей групповых видов спорта получено 5 факторов с долей объяснимой дисперсии (ДОД = 68,12%) (табл. 2).

Первый фактор был обозначен нами как «предметный компонент коммуникативной активности». Следует отметить, что в первый фактор со значимыми весами вошли только показатели коммуникативной активности.

В структуру этого фактора (ДОД = 17,27%) вошли: предметность (0,903), осмысленность (0,893), осведомленность (0,861), социоцентричность (0,831), субъектность (0,731), эгоцентричность (0,619), интернальность (0,591). Таким образом, в первый фактор с наибольшим весом вошел показатель предметности, что свидетельствует о проявлении спортсменами, занимающимися групповыми видами спорта, коммуникативной активности в предметно-деятельностной сфере, т.е. по поводу спортивных игр и подготовки к ним. Их представления о своей общительности характеризуются в большей степени осмысленностью, чем осведомленностью. Для них характерен смешанный тип мотивации коммуникативной активности с преобладанием социоцентрической мотивации. Коммуникативную активность они проявляют и в субъектно-личностном аспекте, самовыражаясь, самореализуясь, самосовершенствуясь благодаря общению. У представителей командных видов спорта выражена интернальная регуляция коммуникативной активности, т.е. они считают, что их успехи и неудачи в общении прежде всего зависят от собственных усилий.

Второй фактор назван нами «трудности реализации коммуникативной активности». Его составили показатели коммуникативной активности и свойств интегральной индивидуальности. В структуру фактора (ДОД = 15,86%) вошли личностные трудности реализации коммуникативной активности (0,898), астеничность (0,862), эргичность (0,434), эгоцентричность (0,404), а также показатель психодинамического уровня интегральной индивидуальности — эргичность коммуникативная (-0,515).

Как видно из состава показателей, вошедших во второй фактор, личностные трудности реализации коммуникативной активности сочетаются с эмоциональной составляющей активности — астеничностью, т.е. представители групповых видов спорта проявляют страх, тревогу, волнение в ходе общения. Трудности на психодинамическом уровне усиливаются эргичностью и низкой эргичностью коммуникативной, что проявляется в стремлении спортсмена побыть одному, в отсутствии желания контактировать с людьми. У спортсменов проявляется также эгоцентрическая мотивация коммуникативной активности.

Третий фактор был обозначен нами как «доброжелательность». В него вошли социально-психологические свойства индивидуальности: сотрудничающе-конвенциональный тип межличностных отношений (0,886), ответственно-вели-

Таблица 2

Результаты факторного анализа показателей коммуникативной активности и свойств индивидуальности у представителей групповых видов спорта

Показатели коммуникативной активности и свойств индивидуальности	Факторы				
	1	2	3	4	5
1. Эргичность коммуникативная		-0,515			-0,437
2. Пластичность коммуникативная					
3. Скорость коммуникативная					
4. Эмоциональность коммуникативная					0,847
5. Эргичность				0,667	
6. Социоцентричность	0,831				
7. Осмысленность	0,893				
8. Предметность	0,903				
9. Стеничность					
10. Интернальность	0,591				
11. Операциональные трудности		0,830			
12. Аэргичность		0,434			
13. Эгоцентричность	0,619	0,404			
14. Осведомленность	0,861				
15. Субъектность	0,731				
16. Астеничность		0,862			
17. Экстернальность		0,890			
18. Личностные трудности		0,898			
19. Властно-лидирующий тип				0,839	
20. Независимо-доминирующий тип					
21. Прямолинейно-агрессивный тип					0,622
22. Недоверчиво-скептический тип					0,826
23. Покорно-застенчивый тип				-0,679	
24. Зависимо-послушный тип			0,726		
25. Сотрудничающе-конвенциальный тип			0,886		
26. Ответственно-великодушный тип			0,852		
27. Доминирование				0,867	
28. Доброжелательность			0,759		-0,429
Доля объяснимой дисперсии, %	17,27	15,86	12,44	11,7	10,85

кодушный тип (0,852), дружелюбие (0,759), зависимо-послушный тип межличностных отношений (0,726). Показатели, входящие в состав третьего фактора, хорошо согласуются между собой и свидетельствуют о такой преобладающей

линии поведения спортсменов в межличностных отношениях, как дружелюбие.

Четвертый фактор (ДОД = 11,7%) обозначен как «доминирование», в него вошли показатели коммуникативной активности и социально-психологических свойств индивидуальности. Из показателей коммуникативной активности в него вошла эргичность (0,667), из показателей социально-психологического уровня индивидуальности — доминирование (0,867), властно-лидирующий тип межличностных отношений (0,839), покорно-застенчивый тип (-0,679). Таким образом, показатели, вошедшие в состав четвертого фактора, свидетельствуют о том, что эргичность спортсменов (т.е. широта контактов и инициативность в завязывании знакомств) сочетается с доминированием в отношениях, проявлениями уверенности в себе и потребностью командовать другими людьми.

Пятый фактор (ДОД = 10,85%) обозначен нами как «эмоциональность коммуникативная». Его составили показатели свойств психодинамического и социально-психологического уровней индивидуальности. В него с наибольшими весами вошли эмоциональность коммуникативная (0,847), недоверчиво-скептический тип межличностных отношений (0,826), прямолинейно-агрессивный тип (0,622), эргичность коммуникативная (-0,437), доброжелательность (-0,429). Таким образом, показатели образуют симптомокомплекс, проявляющийся в общении и межличностных отношениях в виде высокой чувствительности к расхождению ожидаемого и реального результата общения, низкой потребности в общении, подозрительности, склонности к критицизму, недовольства окружающими, недружелюбия и вспыльчивости.

Результаты факторного анализа показателей коммуникативной активности и свойств индивидуальности у представителей индивидуальных видов спорта отражены в табл. 3.

Суммарная доля объяснимой дисперсии трех факторов составляет 50,78%. Первый фактор (ДОД = 24,49%) обозначен как «трудности реализации коммуникативной активности». В него вошли показатели коммуникативной активности и свойств психодинамического и социально-психологического уровней индивидуальности. Из показателей активности фактор составили личностные трудности (0,857), операциональные трудности (0,797), астеничность (0,754), экстернальность (0,621), эргичность (-0,557), субъектность (-0,498), интернальность (-0,492). Из свойств индивидуальности в него вошли покорно-застенчивый тип межличностных отношений (0,838), недоверчиво-скептический тип (0,623), зависимо-послушный тип (0,616), прямолинейно-агрессивный тип (0,604), эргичность коммуникативная (-0,474). Таким образом, показатели, входящие в состав первого фактора характеризуют комплекс затруднений в общении, который на социально-психологическом уровне проявляется в противоречивых отношениях, с одной стороны, в покорности и за-

Таблица 3

Результаты факторного анализа показателей коммуникативной активности и свойств индивидуальности у представителей индивидуальных видов спорта

Показатели коммуникативной активности и свойств индивидуальности	Факторы		
	1	2	3
1. Эргичность коммуникативная	-0,474	0,443	
2. Пластичность коммуникативная			
3. Скорость коммуникативная			
4. Эмоциональность коммуникативная			
5. Эргичность	-0,557		
6. Социоцентричность		0,632	
7. Осмысленность		0,872	
8. Предметность	-0,488	0,620	
9. Стеничность		0,761	
10. Интернальность	-0,492	0,565	
11. Операциональные трудности	0,797		
12. Аэргичность			
13. Эгоцентричность		0,450	
14. Осведомленность		0,906	
15. Субъектность	-0,498	0,686	
16. Астеничность	0,754		
17. Экстернальность	0,621		
18. Личностные трудности	0,857		
19. Властно-лидирующий тип	-0,507		
20. Независимо-доминирующий тип			
21. Прямолинейно-агрессивный тип	0,604		
22. Недоверчиво-скептический тип	0,623		
23. Покорно-застенчивый тип	0,838		
24. Зависимо-послушный тип	0,616		0,621
25. Сотрудничающий-конвенциальный тип			0,826
26. Ответственно-великодушный тип			0,882
27. Доминирование	-0,904		
28. Доброжелательность			0,783
Доля объяснимой дисперсии, %	24,49	15,55	10,74

висимости, с другой — в неуступчивости и агрессивности. Показатели коммуникативной активности, вошедшие в состав этого фактора, позволяют говорить о том, что для спортсменов, занимающихся индивидуальными видами

спорта, характерны доминирование астенических эмоций в общении, а также пассивный тип саморегуляции общительности. Таким образом, их активность в общении больше зависит от внешних условий и обстоятельств или от везения, а не от собственных целей в налаживании контактов. Спортсмены считают бесполезным прилагать усилия для завязывания знакомств и поддержания контактов между людьми. Полученные данные согласуются с результатами исследования В. И. Гринь, согласно которым высокий уровень эмоционально-физического истощения более свойственен представителям индивидуальных, чем групповых видов спорта (достоверность различий $p < 0,05$) [5, с. 47].

Кроме того, показатели коммуникативной активности вошли в этот фактор с разными знаками, это позволяет полагать, что для них характерен такой тип функциональных отношений, как антагонизм. Чем выше стремление к общению, предметная и субъектная направленность коммуникативной активности, внутренняя регуляция активности, тем ниже операциональные и личностные трудности ее реализации, астеничность и внешняя регуляция активности и наоборот.

Во второй фактор (ДОД = 15,55%) вошли показатели коммуникативной активности и психодинамических свойств. Этот фактор назван «когнитивный компонент коммуникативной активности». Его составили: осведомленность (0,906), осмысленность (0,872), стеничность (0,761), субъектность (0,686), социоцентричность (0,632), предметность (0,620), интернальность (0,565), эгоцентричность (0,450), а также эргичность коммуникативная (0,443). Показатели, отнесенные к данному фактору, свидетельствуют о том, что представители индивидуальных видов спорта, обладая осведомленностью, имеют поверхностные суждения об общительности, не умеют разграничивать общительность и другие свойства личности. Тем не менее они понимают роль общительности в своей жизнедеятельности, о чем свидетельствует показатель осмысленности, вошедший в данный фактор. Коммуникативная активность спортсменов проявляется в субъектно-личностном плане как способ самовыражения, самореализации в общении и в предметно-деятельностной сфере. Социоцентрическая и эгоцентрическая мотивации активности спортсменов связаны между собой. Кроме того, комплекс показателей коммуникативной активности на психодинамическом уровне связан с эргичностью коммуникативной, т. е. выраженной потребностью в общении.

Третий фактор (ДОД = 10,74) составили показатели социально-психологического уровня индивидуальности. В структуру фактора с наибольшими весами вошли: ответственно-великодушный тип (0,882), сотрудничающе-конвенциональный тип (0,826), дружелюбие (0,783), зависимо-послушный тип межличностных отношений (0,621). Исходя из показателей, входящих в данный фактор, он был обозначен нами как «доброжелательность, зависимость».

Итак, в результате факторного анализа показателей коммуникативной активности в двух группах спортсменов (занимающихся групповыми и индивидуальными видами спорта) установлено своеобразие коммуникативной активности в структуре интегральной индивидуальности. Сходство можно констатировать в том, что такие показатели, как пластичность коммуникативная и скорость коммуникативная, не представлены в факторах, поскольку имеют небольшой вес. Наблюдается некоторое сходство и в комплексах трудностей реализации коммуникативной активности, в которых личностные трудности имеют больший вес, чем операциональные. Это свидетельствует о том, то у спортсменов независимо от того, каким видом спорта они занимаются, серьезным препятствием в реализации коммуникативной активности являются личностные особенности — неадекватная самооценка, тревожность и др. Полученные в исследовании данные позволяют сделать ряд выводов.

1. Структуры коммуникативной активности спортсменов — представителей индивидуальных и групповых видов спорта различны.

2. Коммуникативная активность по-разному представлена в системе интегральной индивидуальности спортсменов разных групп. Можно говорить о своеобразных стилевых характеристиках коммуникативной активности спортсменов, занимающихся индивидуальными и командными видами спорта.

3. У представителей групповых видов спорта первый симптомокомплекс (первый фактор) «предметный компонент коммуникативной активности» отличается обособленностью показателей активности от изучаемых нами свойств психодинамического и социально-психологического уровней индивидуальности. Возможно, этот симптомокомплекс определяется личностными или другими свойствами интегральной индивидуальности. Второй симптомокомплекс (фактор) «трудности реализации коммуникативной активности» усиливается низкой коммуникативной эргичностью, т.е. определяется психодинамикой. В третий и пятый факторы показатели активности не вошли. Четвертый симптомокомплекс (фактор) «доминирование» свидетельствует о связи эргичности с социально-психологическими свойствами — доминированием, властностью. У спортсменов-индивидуалистов можно выделить две стилевые характеристики коммуникативной активности, так как в третий фактор показатели активности не вошли. Первый симптомокомплекс (фактор) «трудности реализации коммуникативной активности» подтверждает, что активность обусловлена свойствами психодинамического и социально-психологического уровней индивидуальности спортсменов. Значительную роль в детерминации трудностей реализации коммуникативной активности играют социально-психологические свойства — застенчивость, покорность. Показатели коммуникативной активности, составляющие этот стилевой комплекс, находятся в функциональных отношениях антагонизма. Второй стилевой комплекс «ког-

нитивный компонент коммуникативной активности» определяется психодинамическим уровнем индивидуальности.

4. Трудности в реализации коммуникативной активности более интегрированы в структуру индивидуальности представителей индивидуальных видов спорта, чем представителей командных видов спорта. Об этом свидетельствует состав показателей, вошедших в соответствующие факторы в каждой группе спортсменов. На этом основании можно полагать, что для снижения или устранения трудностей реализации коммуникативной активности у представителей индивидуальных видов спорта нужно приложить больше усилий для воздействия на их индивидуально-психологические особенности. Выявленные нами стилевые характеристики коммуникативной активности спортсменов, по-видимому, складываются под влиянием специфики спортивной деятельности, в частности, под влиянием частоты и характера общения с другими спортсменами и тренером, однако эти характеристики имеют и природную обусловленность. Спортивные психологи и тренеры могут учитывать стилевые характеристики активности в работе со спортсменами.

Библиографический список

1. *Васюра С.А.* Особенности коммуникативной активности юношей и девушек (на примере студентов факультета физической культуры) // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер.: Физкультура и спорт. 2001. № 1.
2. *Васюра С.А.* Психология коммуникативной активности человека: монография. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2006.
3. *Волков И.П., Васильев В.А.* Групповая продуктивность в зависимости от характера восприятия и оценки партнеров // Психология личности и малых групп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
4. *Вяткин Б.А.* Системное исследование индивидуальности человека в спорте // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер.: Физкультура и спорт. 2001. № 1.
5. *Гринь Е.И.* Влияние пола, квалификации, вида спорта на психическое выгорание спортсменов // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 3.
6. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
7. *Ханин Ю.А.* Психология общения в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1980.
8. *Юдина Р.Н.* Стиль общения тренера и эффективность соревновательной деятельности спортсменов в художественной гимнастике // Интегральное исследование индивидуальности: стиль деятельности и общения: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1992.

ФЕНОМЕН ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

.....

А. Ш. Гусейнов¹

В статье в рамках междисциплинарного подхода и на основе структурного анализа представлена попытка охарактеризовать основные психологические факторы протестного поведения. Предлагается авторская модель структурных компонентов личности, позволяющая рассматривать протест в разном контексте, учитывая его разнообразные и специфические проявления.

Ключевые слова: протест, формы поведения, социальность, самореализация, масштаб личности, модель структурных компонентов.

In the article within the limits of interdisciplinary approach and on the basis of the structural analysis the attempt to characterize major psychological factors of protest behavior is presented. The article offers the author's model of structural components of personality, allowing to examine protest in different context, taking into account its various and specific displays.

Key words: protest, behavior forms, sociality, self-actualization, potential of personality, model of structural components.

В настоящее время современное общество правомерно называют обществом риска [4]. И это не случайно — в современном глобализированном транснациональном мире наблюдаются нарушения политической стабильности, рост напряженности в социальных, этнических, межконфессиональных отношениях, которые часто становятся предикторами протестной активности и отдельных субъектов, и многочисленных групп [9; 14]. Общество все чаще сталкивается с деструктивным сценарием протеста и его трансформацией в экстремизм, создающим угрозу безопасности, как отдельной личности, так и социуму. Необходимо отметить, что сама политическая и социальная система того или иного общества не в последнюю очередь детерминирована отношением его членов к политическим протестам. Проведем историческую аналогию. В период античности философы, не согласные с политикой, обычно выбирали самоубийство, о чем свидетельствуют суициды стоиков [23, с. 273]. С конца XIX в. ситуация изменяется — протесты и бунты приобретают массо-

¹ Гусейнов Александр Шамильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Краснодарского государственного университета физической культуры, сервиса и туризма. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

вый характер и сопровождаются террористическими актами с большим числом жертв [29].

Протест как феномен выступает предметом анализа многих социально-гуманитарных наук. Вместе с тем нельзя не отметить, что в психологии исследование протеста носит фрагментарный характер, по данной проблематике практически нет монографических исследований, как нет и строгих определений, отраженных в словарях и энциклопедиях.

Прежде чем говорить о каком-либо явлении, его свойствах, параметрах, способах измерения и влияния на него, целесообразно ограничить терминологическое поле рассматриваемого феномена. В русскоязычной литературе для его обозначения используются обычно два термина — «протест» и «оппозиция». Возможно также использование терминов «негативизм», «отрицание», «бунт» «сопротивление», «неповиновение», «опровержение», «неприятие» и др. Согласно С. И. Ожегову, «протест» — это «решительное возражение против чего-нибудь» [28, с. 555]. В англоязычной литературе термин *protest* применяется и используется для обозначения широкого круга явлений — от сопротивления лечению или нововведениям до мятежного порыва, приводящего к политическому протесту и революционности [30; 32; 34; 35; 36].

Принимая во внимание междисциплинарный характер проблематики, считаем важным и актуальным рассматривать феномен протеста с позиций разных наук.

В философии протест рассматривается в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах как полное отрицание, негативность (лат. *Nego* — отрицаю) или в свете категорий противоречий и борьбы. А. П. Назаретян отмечает, что до XX в. разные культуры, признавая и используя социальное насилие, одновременно стремились его упорядочивать и препятствовать его хаотизации посредством деления людей на своих и чужих, а также путем создания образов героев, служивших подпиткой в этой непрекращающейся борьбе [26, с. 140–146]. Уже в период античности протестные настроения канализировались и находили выражение в творчестве и философии. Например, греческий драматург и философ Эсхил отразил протест в пьесе «Прикованный Прометей», в которой ярко представлен образ титана-богоборца. У Эсхила образ Прометея наделен чертами не только протестности, но и социальности: в более поздней версии мифа Прометей научил людей общественной жизни, изобрел разные науки [22]. Этот и другие бунтарские образы впоследствии неоднократно использовались в литературе и искусстве (И. Гете, Байрон, Ф. Гойя, Л. Бетховен, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, М. Ф. Достоевский, Л. Н. Толстой, М. Горький и др.) как символы «метафизического бунта» и социальной революции.

Античные философы относили бунт к универсальной человеческой природе. Аристотель одним из факторов, провоцирующих людей к мятежу, счи-

тал неравенство, которое рассматривал в контексте несовместимости политического и экономического статусов внутри социального класса. Он полагал, что стремление к превосходству провоцирует мятеж олигархов, поскольку они считают, что, несмотря на наличие неравенства, их доля не больше, чем у других, а равна ей или даже меньше [23]. В философии Томаса Гоббса неприятие связано с недостатками человеческого характера — эгоизмом, завистью, ленью. В работе «К читателю. О теле» Т. Гоббс, рассуждая о причинах гражданской войны, приходит к выводу, что война обусловлена не желанием людей воевать, поскольку воля человека всегда стремится к благу, а непониманием причин войны и мира [25, с. 22].

В экзистенциальной философии (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, А. Камю) протесту придается бытийный смысл, он рассматривается как один из видов экзистенции и как необходимое условие обретения подлинной экзистенции. Ж.П. Сартр революционизирует протест, который приобретает силу критического противостояния миру реактивных смыслов и служит синонимом человеческой свободы. Ж.П. Сартр видел в этой революционности способность говорить «нет» всему существующему, а его революционные лозунги выглядели как манифесты, в которых отрицалось все то, что когда-либо кем-то утверждалось [1; 12].

М. Шелер в работе «Человек озлобленный» называет причину протеста — мстительную злобу отверженного, он заранее упивается муками, которые хотел бы причинить своему объекту, однако озлобленность обращается против ее носителя. Злопамятство, по Шелеру, является главным источником социальных движений, ставящих своей целью достижение равенства, где гуманизм переворачивает традиционные ценности с ног на голову, подчиняет высшее низшему. Протест в этом смысле — бунт рабов в морали и универсализация рабских ценностей. А. Камю, полемизируя с Шелером, выявил в протесте ценностно-смысловые контексты, уровень личностно-смысловых образований. Он отмечает, что бунтарь, защищая целостность своей личности, принципиально ограничивается протестом против унижений и посягательств на себя. Порыв к бунту, согласно его мнению, обусловлен двумя факторами: протестом против посягательства на личностные границы, которое субъективно оценивается как недопустимое, и убежденностью бунтаря в своей правоте. А. Камю тонко подметил, что «вместе с отталкиванием чужеродного в любом бунте сразу происходит полное отождествление человека с определенной стороной его существа. Здесь скрытым образом вступает в игру ценностное суждение, и притом столь основательное, что оно помогает бунтарю выстоять среди опасностей» [15, с. 3].

А. Камю приходит к выводу, что вместе с бунтом возникает самосознание, поскольку бунтовщик готов умереть, только бы не лишиться защищаемого им права, и действует во имя пока еще неопределенной ценности, которая объеди-

няет его со всеми людьми. Философ доказывает, что бунтарский порыв, хотя и может быть вызван эгоистическими причинами, по своей сути не является эгоизмом, поскольку бунтовщиком становится не только сам угнетенный, но и тот, кто потрясен зрелищем угнетения, жертвой которого стал другой. В результате отождествления с угнетенным человек не в состоянии вынести оскорбления, которые сам терпел бы, не протестуя. А. Камю приводит пример самоубийств из протеста, на которые решались русские террористы на каторге, когда секли их товарищей, причем протестные суициды были обусловлены ценностью человека, а не чувством общности интересов. Здесь человеческая солидарность приобретает метафизический характер, поскольку в таком зрелом протесте человек преодолевает свою ограниченность и сближается с другими людьми [15, с. 3].

Н. А. Бердяев, выявляя ценностно-идеологический аспект протеста, обращается к определению революционности, данному Г. Лукачем: «Революционность определяется совсем не радикализмом целей и даже не характером средств, применяемых в борьбе. Революционность есть тотальность, целостность в отношении ко всякому опыту жизни. Революционер тот, кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее... Тоталитарность во всем — основной признак революционного отношения к жизни... Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны. Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической стороной жизни. И должен был выработаться русский марксизм, соответствующий этому революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту» [5, с. 87–88]. Определение революционности как тоталитарности объясняет и аффективную «захваченность» личности протестным порывом, и фанатизм, доходящий до терроризма. Э. Карр отмечает, что «принцип террора входил в революционные традиции» [16, с. 137]. Парадокс тоталитарного протеста заключается в том, что если борьба за независимость, идеи и интересы становится единственно важной целью человека, то он может занижать представление о ценности интересов других людей.

Идея о том, что протест является показателем личностной зрелости и нравственности, находит свое отражение в работах протестанского теолога и философа А. Швейцера. Характеризуя индустриальное общество как бездуховное, лишенное свободы мышления, Швейцер приходит к выводу о ценности протеста и оппозиции для развития и обновления общества. В книге «Культура и этика», задаваясь вопросом, почему среди современников встречается так мало людей с верным нравственным чутьем, он заключает: «...мы беспрестанно приносим свою личную нравственность на алтарь отечества, вместо того, чтобы оставаться в оппозиции к обществу и быть силой, побуждающей его стремиться к совершенству» (цит. по: [32, с. 167]).

В концепции К. Поппера, напротив, протест и бунт не всегда связаны с развитым самосознанием личности. Исходя из теории возрастания богатства одних и нищеты других, он приходит к выводу, что взрывы протеста в этом случае хотя и неизбежны, однако не всегда приводят к революции, поскольку ни классовое единство, ни развитое классовое сознание не гарантированы в среде рабочих [30].

В работах Т. Адорно и других представителей франкфуртской философской школы дается критика революций как факторов, резко меняющих общественные системы, и самих общественных систем — капиталистической и социалистической, поскольку обе системы, используя особые механизмы контроля и управления людьми, по-своему, негативно влияют на личность. По Т. Адорно, протест — это порыв к свободе, которую можно познать только через определенное отрицание, соотнося с конкретной формой несвободы. Согласно его мнению, протест и победы «общего» не приводят ни к какому снятию напряженности, ни к какому преодолению противоречий; отрицание остается столь же непродуктивным, сколь и отрицание отрицания [2].

В философии XXI в. феномен протеста остается в фокусе внимания исследователей. Д. Э. Гаспарян, доказывая связь протеста не только с социальностью, но и негативностью, отмечает, что в самом негативном присутствует и очаговый расизм, и локальный терроризм — одни из самых опасных проявлений деструктивного протеста [11].

Надо признать, что среди теорий, описывающих протестную активность, наиболее разработаны социологические [7; 8; 10; 18; 19; 36]. Уже с середины XIX в. социологи заметили, что протест обусловлен причинами социетального характера, нездоровым состоянием экономики. Э. Дюркгейм одним из первых обратил внимание на феномен аномии, когда в обществе наблюдается разрушение социальных стандартов, управляющих социальным поведением, вплоть до полного нормативного вакуума. Аномия служит основной причиной роста недовольства, протеста, насилия, включая аутодеструктивное поведение [12].

XX век оказался самым мятежным и протестным, в связи с чем, в социально-гуманитарных науках складывается конфликтологическая парадигма, в свете которой делаются попытки объяснить протест (Г. Спенсер, У. Самнер, В. Парето, Г. Моска, Г. Зиммель). Т. Шанин, интерпретируя события массовых восстаний, демонстраций, революций в рамках парадигмы конфликта, заострил внимание на закономерностях и механизмах смены общественных и политических систем. Причины протеста он видел в конфликте между индивидуумами и группами, в недовольстве экономическими условиями жизни, приводящими к изменению как политических, так и экономических отношений [33].

Однако молодежные волнения и акции протеста против расовой дискриминации, идеи контркультуры, захватившие Америку 1960-х гг., привели к пониманию ограниченности конфликта как объяснительного принципа

протестной активности и социального развития в целом. Более того, опыт жестких тоталитарных режимов, отвечавших на протесты насилием, показал, что устранение из диалога класса, политической оппозиции, этнической группы лишь усиливает недовольство и обуславливает массовые акции протеста. Поэтому социологические исследования второй половины XX в. сконцентрировались не только на выявлении факторов социального недовольства, но и на изучении возможности лидеров выражать интересы недовольных групп, выявлении баланса насилия как со стороны государства, так и со стороны недовольных (диссидентов, оппозиции), которые позволили построить теоретические модели потенциала репрессий и политического насилия. В работах И. Валлерстайна, П. Бурдье, М. Вебера политический протест начинает рассматриваться как один из видов протестного поведения [7; 8]. В рамках «культуры политического протеста» отмечается его значимость как фактора, оказывающего воздействие на происходящие изменения в культуре общества и отдельной личности [19].

Весьма информативно рассмотрение феномена протеста в контексте теории относительной депривации, тем более что два базовых концепта теории — фрустрация и депривация, заимствованы социологией из психологии. Еще в 1950-е гг. С. А. Стоуффер и Р. К. Мертон предположили, что люди испытывают чувство депривации, когда считают свое положение неблагоприятным в сравнении с положением других индивидов или групп; при этом имеет значение, какую референтную группу личность или группа выбирает в качестве сравнения. Спустя десять лет Дж. Дэвис в свете этой теории предложил рассматривать условия социального протеста и революций с точки зрения динамики — роста недовольства, вызванного ухудшением условий жизни. Если длительный период повышения материального благополучия резко сменяется ухудшением условий жизни, то это воспринимается большинством людей как несоответствие их ожиданий реальному положению вещей (относительная депривация потребностей). Отметим, что абсолютная депривация, т. е. плохие условия, сами по себе не вызывают протеста. Т. Гарр полагает, что относительная депривация и последующий протест усиливаются в результате сравнения возможностей своей статусной группы с другими группами, которые быстрее перемещаются на более высокие позиции в социальной структуре и имеют больше возможностей. Т. Гарр среди ключевых моментов теории относительной депривации выделяет риски, которые могут взять на себя участники протеста, и способность власти к репрессиям (коерсивному контролю) [10, с. 15].

Создатели теории относительной депривации отмечали, что участники протеста — это не маргиналы, а нормальные социально активные люди; протест — это не стихийные возмущения толпы, а рациональная борьба за восстановление социальной справедливости. Вместе с тем модель относительной депривации не объясняла, как индивидуальная неудовлетворенность перехо-

дит в коллективный протест. Некоторые авторы отмечали, что чувство недовольства не всегда связано с протестом [18].

Ч. Тилли, С. Тэрроу, Н. Смелзер, пытаясь разрешить эти противоречия, предложили теорию мобилизации ресурсов и попытались объяснить механизм протеста в рамках парадигмы коллективного действия, где протест определяется как совместное действие людей, объединенных общими интересами, направленное против власти или ее представителей. Исходя из наличия в обществе возможностей для перераспределения ресурсов (статус, привилегии), исследователи отмечали, что условием протеста сужат не факторы напряженности или недовольства, а социально-экономические и политические возможности. Вследствие репрессий со стороны власти или невозможности легитимного выражения своего мнения мобилизуются групповые ресурсы, выступающие в форме протеста [18].

В политологии феномен протеста анализируется с разных позиций: как реализация убеждений личности, ее политического выбора на индивидуальном уровне (А. Кэмпбелл, Д. Истон, П. Лазарсфельд, Ф. Конверс), как коллективное действие в условиях формирования современного общества и демократической политической системы (А. Турен, Т. Парсонс), в контексте политической стратификации (Ф. Гогель) [9].

В историографии феномен протеста обсуждается в свете проблем социального протеста, контркультуры, деструктивных культов (кришнаизма, неохристианских течений и сект). К социальному протесту исследователи относят негативность — оспаривание, отрицание всей социальной деятельности, самих принципов общественно-политической жизни, действия против системы, выступления лишь против определенных тенденций в политике, а также возмущение существующими порядками и институтами власти в целом [17; 33].

Американский историк Э. Фройденберг, рассуждая о внутренних причинах молодежного протеста, приходит к выводу, что главная причина конфликта лежит в моральной плоскости, так как убеждения молодежи расходятся с убеждениями старших. Ключевая идеология отцов, согласно Э. Фройденбергу, заключается в рационализме их моральной позиции и базируется на политике консенсуса как в государстве, так и в малой группе. Поведение молодежи, напротив, руководствуется своей моральной идеологией, которая зиждется на чувствах и жизненных импульсах (цит. по: [17]).

О.В. Колбасина, исследуя причины молодежного протестного движения в США, отмечает следующие предпосылки бунта: контраст материального благополучия общества изобилия и психологической напряженности первых десятилетий холодной войны (которая сопутствовала процессу взросления молодежи); послевоенный бум рождаемости; тотальную технологизацию, ведущую к обезличиванию человека в рамках системы, массовое распространение телевидения, огромный поток информации. Автор выделяет два течения

протестного движения — политическое и аполитичное, общими для которых служили основные категории идеологии: отчуждение, апатия, «одномерное» общество, репрессивная система (цит. по: [17]).

Как правило, неоднозначно оцениваются и последствия протеста. Например, П. Коллиер и Д. Горовиц в работе «Поколение разрушителей» акцентировали внимание на деструктивных следствиях протеста 1960-х гг., уподобляя эпоху бунта открытому ящику Пандоры, явившему миру трагическую сторону жизни: современную преступность, повальное увлечение наркотиками среди подростков, детскую проституцию, СПИД, сектанство [35].

Наряду с негативными тенденциями отмечаются позитивные изменения в результате молодежного протестного движения: отмена сегрегации, прекращение войны во Вьетнаме, расширение функций и полномочий студенческого самоуправления в вузах страны, развертывание движения женщин, национальных меньшинств, появление новых направлений в искусстве [22].

Необходимо отметить, что практически во всех основных психологических направлениях встречаются упоминания о протесте и делаются попытки раскрыть его сущность. З. Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии» указал на глубинные источники протеста: «...человечеству, так же как и отдельному человеку, всегда было трудно переносить жизнь: долю лишений с одной стороны накладывала культура, страдания исходили также от других людей. Кроме того, необузданная природа постоянно причиняла примитивному человеку некоторые ущербы, вследствие чего развивается состояние боязливого ожидания и тяжкое ущемление природного нарциссизма...» [31, с. 491–492]. Развивая эту идею, Фрейд указывает на то, что в ответ на ущемление индивид развивает сопротивление.

В концепции З. Фрейда протест анализируется еще и в контексте непродуктивной формы поведения — сопротивления пациентов лечению. Отказываясь подчиняться, пациенты используют то же оружие, что и в детстве, когда сопротивлялись родителям, пытавшимся их социализировать: негативизм, доминирование, беспомощность, враждебность и отчаяние. З. Фрейд вскрывает механизм, запускающий негативизм, — какое-либо переживание или болезнь, которую эти пациенты расценивали как несправедливое нанесение ущерба их личности. В связи с этим они стали думать, что эта несправедливость дает им право на особые привилегии, и у них выработалось желание ничему не подчиняться [31, с. 157–158].

Курт Левин нашел связь протеста с низким статусом группы. Он обнаружил, что в группе с низким социальным статусом есть люди, стыдящиеся своей принадлежности к этой группе, — те, кто хотел бы уйти из группы, но вынужден оставаться в ней. К. Левин пишет: «Подобная ситуация усугубляется еще одним фактом: человек, чей баланс сил негативен, будет стараться удалиться от центра ... настолько далеко, насколько это будет позволено внешним боль-

шинством. Он остановится у определенного барьера и будет постоянно пребывать в состоянии фрустрации. Причем он будет более фрустрирован, чем те представители меньшинства, которые чувствуют психологический комфорт, находясь внутри этой группы...подобная фрустрация приводит к состоянию тотального высокого напряжения, обуславливающего высокую агрессивность личности...при подобных обстоятельствах агрессия, скорее всего, обернется против той группы, к которой человек принадлежит, либо против него самого» [20, с. 355]. К. Левин полагает, что родителям не стоит бояться так называемой двойной лояльности. Принадлежность к нескольким группам естественна и необходима для любого человека. Реальная же угроза возникает тогда, когда человек находится «нигде», когда он — «маргинальный человек», «вечный подросток» [20, с. 356].

В отечественной психологии феноменология протеста чаще исследуется в психологии девиантного поведения (А. Ю. Егоров, С. А. Игумнов, А. Е. Личко, В. Д. Менделевич, В. В. Ковалев и др.), где обычно отмечается деструктивный характер протестной активности подростков, в результате чего протест может выступать движущей силой асоциального и антисоциального поведения [13; 21; 24; 27].

А. Е. Личко среди значимых реакций на события выделяет паттерны, имеющие связь с протестностью личности: реакции отказа, оппозиции, эмансипации, приводящие к социальной дезадаптации. Эти реакции имеют общие характеристики: склонность к генерализации, приобретению свойства патологического стереотипа и превышению верхнего уровня нарушения поведения, который никогда не превышает группа, к которой принадлежит субъект [27].

А. Ю. Егоров и С. А. Игумнов полагают, что реакция эмансипации с выраженным протестом против установленных правил и порядков свойственна преимущественно подросткам. Авторы высвечивают ее негативные проявления — непереносимость возражений и критики в свой адрес, нетерпимое отношение к опеке, плохую адаптацию к существующим порядкам, законам, традициям [13, с. 60]. Однако они отмечают и ее позитивные аспекты, поскольку в основе эмансипации лежат характерные для подростков потребность в освобождении от контроля и опеки взрослых, стремление к независимости, самостоятельности и самоутверждению себя как личности.

В. Д. Менделевич, подчеркивая связь протестного поведения с эскапизмом, утверждает, что уход от реальности осознанно или неосознанно выбирают люди, которые расценивают реальность негативно и оппозиционно, считая себя неспособными адаптироваться к ней. Характеризуя коммуникативные девиации, автор указывает на крусадерство — идеологический авантюризм (термин С. Мадди). Такие индивиды хватаются за любой повод для того, чтобы протестовать, выйти на улицу с лозунгами, становиться сторонником какого-нибудь социального движения, активно участвовать в деятельности

общественных организаций. Крусадерство основывается на обостренном чувстве бессмысленности существования, которое заполняется погружением человека в деятельность (по Д. Пайку, ложное центрирование) [24, с. 140]. В этом случае речь идет о внешнем инфантильном протесте.

Удовлетворяя потребность в индивидуализации, желая выделиться, добиться уважения и признания своей ценности, подросток часто включается в различные неформальные объединения (эмо, готы, скинхеды). А. Г. Самохвалова обнаружила, что эмо-подростки склонны к пассивно-протестному поведению; специфика их негативизма в том, что в ситуациях коммуникативных затруднений они отстраняются от сверстников, замыкаются в себе, игнорируют любые просьбы и предложения, демонстрируют уход от травмирующей ситуации. Эмо-подростки с заниженной самооценкой отличаются стремлением к оппозиции — активной форме протеста против социальных норм и требований, которые им пытаются навязать, против негативного отношения взрослых и их сверстников к их стилю одежды, ценностям, мировоззренческим позициям, их интересам. Противоречие между непосильной психологической нагрузкой, обусловленной негативными оценками в их адрес, подчеркнутым превосходством, немотивированными претензиями и недостаточностью и несоизмеримостью реальных возможностей подростка порождает внутреннее напряжение, недовольство собой, самоунижение. Все это обуславливает негативизм и бунт по отношению к требованиям взрослых. А. Г. Самохвалова раскрывает динамику негативизма, когда в результате интериоризации негативных внешних оценок, подросток не только проявляет негативизм по отношению к другим, но и постепенно формирует негативное отношение к себе, что обуславливает внутренний конфликт [27, с. 256–257].

Протестное поведение, характерное для подростков, не исчезает и в юношеском возрасте. Социальный протест молодежи — это попытка построить собственную систему ценностей, найти новые цели и принципы, которые придадут смысл и направленность их жизни. Согласие и сотрудничество с другими ощущается как угроза своей идентичности. В этом контексте протест обусловлен логикой реализации собственных жизненных задач, ценностями и внутренними смыслами личности. В концепции Э. Эриксона протест и негативизм анализируются с двух сторон — позитивной, связанной с построением собственной системы ценностей, смыслом жизни, и деструктивной стороной, ограничивающей личность на всех уровнях. По мнению Э. Эриксона, к завершению периода юности человек, как правило, ясно осознает свою личную идентичность. Если этого не происходит, то развивается либо расплывчатость собственного Я, либо даже расщепление его. Неспособность самоидентифицироваться проявляется в социально-психологической дезадаптации: деструктивном протесте, тревожности, неуверенности, растерянности. Формирование негативной идентичности приводит к отказу от самоопределения и выбору

отрицательных образцов для подражания, что обуславливает деструктивные формы протеста [34].

В социальной психологии протест трактуют с разных позиций: как неприятие групповых норм, сопротивление нововведениям. При анализе межгруппового общения Г. М. Андреева отмечает появление у некоторых людей негативного отношения к группе, выраженное и постоянное сопротивление и противопоставление себя группе, которое, она считает частным проявлением зависимости от группы [3].

В последнее время протест все чаще рассматривается в связи с конструктом интолерантности. С. К. Бондырева, обнаружив связь зависти и негативизма, тонко подметила, что стремление многих индивидов к «равенству» и вызываемое ими стремление все поделить поровну связано не только с желанием обладать вещью, но и с желанием устранить интенсивный раздражитель [6, с. 127].

Анализ феномена протеста с разных научных позиций позволяет выделить несколько важнейших параметров, по которым может характеризоваться протестное поведение, а также прийти к собственному определению феномена.

Протест как психологический феномен — это паттерн поведения, направленный против реальной или воображаемой угрозы безопасности, потери благ, нарушения личностных границ, а также ограничения свободы, самореализации и масштаба личности. Протест может быть ситуативной реакцией и устойчивой личностной характеристикой (протестность) и сопровождаться субъективным переживанием несправедливости, унижения, угрозы потери благ, свободы, достоинства и ценностей. Протест может иметь как конструктивные, так и деструктивные проявления. Деструктивный протест, проявляясь в гипертрофированном виде как жесткое отстаивание своих позиций в ущерб интересам других, провоцирует конфликты и насилие, создает угрозу безопасности как для субъекта, так и для социума в целом. Он может протекать в латентном виде (скрытое недовольство) и наряду с внутриличностным конфликтом приводить к выраженной дезадаптации и сопротивлению к освоению социально полезных навыков. Чаще всего деструктивный протест имеет высокую аффективную заряженность, которая препятствует объективной оценке ситуации. Причиной аффекта, провоцирующего деструктивный протест, являются глубинные драйвы, влечения, побуждающие личность к деструктивным протестным действиям, вплоть до насилия. Конструктивный протест имеет ценностную основу и содействует распространению гуманистических ценностей, развитию общества, а также реализации личностного масштаба и потенциала. Необходимо отметить, что к протесту склонны не только фрустрированные низкостатусные личности (маргиналы), протест которых обусловлен неудовлетворенностью основных витальных потребностей, но и люди со средним и даже высоким статусом, которые оценивают невозможность реализации их амбиций и масштаба личности как несправедливость.

Феноменология протестной активности, награждаемой эпитетами «бунт», «взрыв», выходит далеко за рамки традиционных моделей личности. Поэтому для исследования и понимания механизмов протеста обычные нормативные теории личности, например факторные, малопримемлемы. Отсутствие в литературе психологических моделей и механизмов протеста потребовало создания модели личностных структур, объясняющей протестное поведение.

Наш подход опирается на фрустрационные структурные модели З. Фрейда, К. Юнга, Т. Гарра, У. Бронфенбреннера и на концепции стремления к самореализации А. Адлера, Л. С. Выготского, А. Маслоу, А. Камю и др. В психологии есть представления о границах и пределах личности, однако следует ввести понятие «масштаб личности». В данном смысле протест — это способ самореализации, проекция личности на социум, экспансия собственного масштаба. Протестующий не замыкается в рамках роли, статуса, позиции, напротив, при ограничении свобод он выходит за пределы личности в надежде обрести свою сущность, трансцендентность. Однако эта экспансия собственного масштаба на социум, обеспечивающая реализацию собственной личности, может находиться в противоречии с общечеловеческими гуманистическими ценностями.

Личность целостна, но структурные компоненты личности могут быть обращены к разным сторонам ее активности. Поскольку протест имеет разные проявления — от примитивных архаичных форм до высоких трансцендентных выражений, то мы предположили, что в структуре личности существуют латентные компоненты, актуализирующие разные формы и уровни протеста. Для объяснения различных уровней протеста предлагаем ввести соответствующие им структурные компоненты личности.

Протест может проявляться на различных личностных уровнях: Прото-Я, Эндо-Я, Я, Экзо-Я и Транс-Я.

Прото-Я — это примитивный, природный, архаический уровень организации личности. Выделяя этот структурный компонент личности, мы опирались на представления З. Фрейда, Г. Лебона, Т. Адорно, С. Московичи о наличии архаичного и примитивного в поведении личности.

Эндо-Я — структурный компонент, отвечающий за удовлетворение простых социальных потребностей. На уровне Эндо-Я протест выступает как форма эгоистичного протеста, направленного на удовлетворение первичных социальных потребностей, получение выгоды.

Собственно Я — структурный компонент, который в норме играет роль регулятора и координатора в сохранении и достижении жизненных благ и личностных свобод. В протесте Я может не всегда успешно справляться с данной ролью регулятора и координатора, поскольку перегружено проблемами внутренних конфликтов и внешних ограничений, включая депривацию.

Экзо-Я — структурный компонент, отвечающий за влияние, масштаб и самореализацию личности. Специфика этого компонента состоит не только в его актуализации при внешних угрозах свободы, но и в использовании других людей для его экспансии и реализации собственного потенциала и масштаба.

Транс-Я — самый высший, надличностный экзистенциальный компонент, проявляющийся в редких случаях, характеризующий в позитивном аспекте защиту, сохранение и приумножение общечеловеческих гуманистических ценностей, в том числе ценностей культуры. В негативном аспекте проявления Транс-Я — идеология фашизма, терроризма.

Итак, в основе предлагаемой модели личностных структур лежит представление о том, что протест возникает при депривации потребностей или дефиците индивидуальных достижений, к которым человек стремится.

Слабо выраженный протест (фрустрационный уровень) возникает как реакция на фрустрацию обычных потребностей: от неудовлетворенности, несогласия до неприятия. На этом уровне протеста задействованы только три компонента личности: Эндо-Я, Я и Экзо-Я.

Более выраженный протест (дефицитарный уровень) возникает как реакция на угрозу потери благ, ценностей, свобод. Неудовлетворенность требует включения латентных структурных компонентов — Прото-Я и Транс-Я. Но недовольство временно и охватывает отдельные структурные компоненты личности, например Прото-Я и Эндо-Я, или Экзо-Я и Транс-Я. Проявления недовольства на уровне Прото-Я (агрессия фанатов, вандалы, граффити) отражают показатели невключенности, негативной идентичности, незрелости личности. Негативизм и недовольство на уровне Экзо-Я (негативная самореализация) проявляются в интеллектуальных уловках и махинациях, хакерстве, экстремизме и т. п.

Самый сильный протест возникает в результате угрозы целостности личности. Депривационный уровень протеста охватывает все структурные компоненты личности: Прото-Я, Эндо-Я, Я, Экзо-Я и Транс-Я. В сильно выраженном протесте ядро личности (Я), Экзо-Я и Эндо-Я оказываются захваченными Прото-Я и Транс-Я настолько, что перестают продуктивно работать на личность. Человек становится фрагментом массы, толпы, группы, секты, политики, идеологии. Он движим одновременно как глубочайшими аффектами, исходящими от Прото-Я (например, религиозный экстаз, агрессия фанатов, толпы), так и сверхценностями, исходящими от Транс-Я, — такими как идеи справедливости, свободы, долга, веры. Его критическое Я максимально удалено и устранено от рационального анализа событий, понимания источников угроз, оценки союзников и противников. Эндо-Я может быть репрессировано настолько, что протестующий может отказывать себе в удовлетворении витальных потребностей (голодовки). В глубоком протесте все подчинено единой идее и действию. Примитивное массовидное Прото-Я и трансцендент-

ное идеологическое Транс-Я могут сливаться в единое целое и обуславливать аффективно-действенное движение за справедливое изменение.

Таким образом, в выраженном виде протест — это не только борьба за существование, но и выход на трансцендентный уровень, попытка реализации ценностных амбиций. Предложенная модель позволяет рассматривать протест в разном контексте, учитывая его разнообразные и специфические проявления.

Библиографический список

1. *Аббаньяно Н.* Введение в экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 1998.
2. *Адорно Т.В.* Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
6. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Толерантность (введение в проблему). М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
7. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
8. *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
9. *Гаранин О.Ю.* Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России: дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2010.
10. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
11. *Гаспарян Д.Э.* Социальность как негативность. М.: КДУ, 2007.
12. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
13. *Егоров А.Ю., Изумнов С.А.* Расстройство поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. СПб.: Речь, 2005.
14. *Зинченко Ю.П.* Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6).
15. *Камю А.* Бунтующий человек // А. Камю. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.
16. *Карр Э.* История Советской России. М.: Прогресс, 1990. Кн. 1, т. 1, 2: Большевицкая революция. 1917–1923.
17. *Колбасина О.В.* Молодежное протестное движение в США: вторая половина 1950-х – первая половина 1970-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006.
18. *Костюшев В.* Общественные движения и коллективные действия в условиях запаздывающей модернизации // Образ мыслей и образ жизни. М.: Институт социологии РАН, 1996.
19. *Кутыгина Е.Н.* Культура политического протеста: дис... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005.
20. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
21. *Личко А.Е.* Подростковая психиатрия. Л.: Медицина, 1985.
22. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.

23. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
24. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. М.: МЕДпресс, 2001.
25. Мир философии: книга для чтения: в 2 ч. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1: Исходные философские проблемы, понятия и принципы.
26. Назаретян А. П. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» // Общественные науки и современность. 1994. № 6.
27. На пороге взросления. М.: МГППУ, 2011.
28. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.
29. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002.
30. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы.
31. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: ООО «Попурри», 1996.
32. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
33. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М.: Весь Мир, 1997.
34. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
35. Collier P., Horowitz D. Destructive Generation: second thoughts about the sixties. New York: Summit Books; Paris: Editions Parigramme, 1996.
36. Gurr R. Peoples Against States: Etnopolitical Conflict and the Changing World System // International Studies Quarterly. 1994. Vol. 38, № 3.

РОССИЙСКИЕ ВЫБОРЫ И ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТНОЙ КАМПАНИИ ПРОТИВ ИТОГОВ ВЫБОРОВ МЭРА Г. АСТРАХАНИ 11 ОКТЯБРЯ 2009 Г.)

.....

А. В. Соколов, А. И. Веревкин¹

В статье приводится анализ одной из наиболее заметных протестных кампаний, организованных в России за последние 10 лет — кампании в связи с подозрением массовых нарушений на выборах мэра г. Астрахани 11 октября 2009 г. Представлены временные рамки конфликта, причины протестной кампании, основные субъекты, характеристика ресурсов сторон конфликта, этапы протестной кампании, характер освещения в СМИ, выводы и последствия протестной кампании.

Ключевые слова: протест, выборы, гражданская активность, политический процесс.

This article provides an analysis of one of the most notable protest campaigns, organized in Russia over the last 10 years — campaign in connection with suspected massive violations of election for Mayor of Astrakhan October 11, 2009. The paper presents: the time frame of the conflict, the reasons for the protest campaign, the main actors, the characteristic resources of the actors of the conflict, stages of the protest campaign, the nature of media coverage, results and implications of the protest campaign.

Key words: protest, election, civic engagement, the political process.

На современном этапе развития российской государственности и становления демократических институтов наиболее остро актуализирована задача научного осмысления особенностей проявления протестной активности и пред-

¹ Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Эл. почта: alex8119@mail.ru

Веревкин Антон Игоревич – ассистент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета. Эл. почта: verevkin.anton@gmail.com

Исследование проводилось в рамках проекта (руководитель – А.В. Соколов), реализованного при государственной поддержке в виде гранта Института общественного проектирования в соответствии с распоряжением Президента РФ от 8 мая 2010 г. №300-рп «Об обеспечении в 2009 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества».

шествующих ей протестных настроений социальных групп и слоев на фоне дефицита опыта функционирования оппозиционных партий и гражданских движений.

Серьезные трансформации института российских выборов, непрерывно происходящие с начала 2000-х гг, принципиальным образом повлияли на всю политическую систему и многообразные политические процессы, протекающие в ней. После выборов депутатов Государственной Думы РФ 2003 г., когда большинство в нижней палате парламента получила партия «Единая Россия», электоральная инженерия стала одним из основных инструментов решения стратегических задач политического управления, связанных в первую очередь с необходимостью стабилизации политической ситуации и централизации системы управления. Высокая политическая неопределенность, имевшая место в начале 2000-х гг., не могла стать основой для достижения поставленных целей. Неустойчивое положение политических партий в российском политическом процессе, высокий уровень электоральной подвижности и, как следствие, высокие риски потерпеть неудачу при реализации долгосрочных стратегий, заставили правящую элитную группу предпринять ряд мер по стабилизации политической системы страны и снижению уровня политической неопределенности. Эти меры коснулись прежде всего избирательной системы. Были предприняты усилия по сокращению количества субъектов, участвующих в избирательном процессе и влияющих на его конечный результат. Для этого была введена полностью пропорциональная избирательная система на выборах депутатов Государственной Думы РФ и обязанность избирать не менее половины депутатов региональных парламентов по пропорциональной системе. При этом общественные организации были лишены права участвовать в выборах, а блокирование партий было запрещено. Реформа партийного законодательства также была направлена на укрупнение политических партий и усиление их роли в избирательном процессе. В итоге на сегодняшний день официальную регистрацию в Минюсте имеют 7 политических партий.

Повышение управляемости за счет укрупнения субъектов избирательного процесса отрицательно сказалось на уровне репрезентации общественных интересов [4]. Так или иначе в современной России человек при реализации как активного, так и пассивного избирательного права сталкивается с ограниченным предложением, заключенным в рамки семи политических партий. При этом наличие в политической системе «партии власти» «Единой России» со всеми вытекающими из этого последствиями делает предвыборную гонку далекой от принципов свободной конкуренции. Следствием указанных проблем становится ситуация, когда в регионах в ходе избирательных кампаний возникают острые конфликты, характеризующиеся масштабным использованием технологий административного давления и контроля. Чаще всего это межэлитные конфликты, однако в некоторых ситуациях в них могут вовле-

каться обычные избиратели. Ситуация усугубляется еще и тем, что реформа избирательного законодательства коснулась не только политических партий и кандидатов, но и простых граждан. Отмена графы «против всех» и порога явки избирателей в условиях резкого сокращения политического предложения существенно уменьшила возможность выражения избирателями собственной позиции институциональными способами. Закономерным результатом стал рост неудовлетворенности граждан.

В то же время в данном контексте становится актуальным вопрос о стратегиях политических партий в подобных конфликтах и в протестной активности, вызванной ими. Проведенный ранее анализ показал, что по ряду критериев российские парламентские партии демонстрируют признаки картельных партий, что дает основания говорить о стоящей перед ними необходимости выживания [5]. В связи с этим разумно было бы предположить, что они не будут заинтересованы в изменении существующего статуса кво и, следовательно, не будут принимать активного участия в качестве субъектов в протестной активности.

В данной статье проводится анализ протестной кампании, связанной с подозрениями в фальсификации результатов выборов мэра г. Астрахани, прошедших 11 октября 2009 г. Используя целый комплекс научных методов авторы раскрывают причины, этапы протестной кампании, ее субъектов и их стратегии.

Методика проведения исследования

Для изучения протестной кампании был применен целый комплекс методов.

1. Методом кейс-стади изучались базовые характеристики и особенности данных протестных кампаний, выявлялись их субъекты, тенденции.

2. Метод ивент-анализ использовался в первую очередь для анализа протестных кампаний по материалам [1], размещенным в базе данных «Интегрум». Было обработано 1055 сообщений в СМИ по специальным кодировочным матрицам.

3. Интервьюирование экспертов [2, 3] проводилось по топик-гайду, состоящему из 8 тематических блоков, характеризующих составляющие протестной активности:

- действующие лица (акторы);
- проблемная ситуация (причина протестной активности);
- масштаб протестной кампании;
- этапы и периоды в протестной кампании;
- ресурсы, возможности, ограничения участников протестной кампании;

- методы и формы взаимодействия противоборствующих сторон;
- характер взаимоотношений между противоборствующими субъектами (акторами);
- состояние дел на сегодняшний день и перспективы развития протестной активности.

Всего было собрано 15 интервью.

4. Эксперт-опрос [2, 3] проводился в экспертной группе, куда вошли представители территориально-административных органов власти, члены НКО и политических партий, сотрудники профильных академических учреждений, представители СМИ, представители бизнеса.

В опросе приняли участие 12 экспертов.

Опрос проходил по полуформализованной анкете. Это позволило получить как количественные, так и качественные оценки экспертов о протестных настроениях, протестных действиях, механизмах управления ими.

Временные рамки конфликта

Протестная активность появляется с момента назначения выборов мэра г. Астрахани (август 2009 г.). Уже в ходе предвыборной кампании наблюдались протестные акции, связанные с подозрением нарушений законодательства России в отношении О. Шеина и сотрудников его избирательного штаба. Зимой-весной 2010 г. суд не удовлетворил требование О. Шеина об отмене результатов голосования, и данная тема ушла на периферию протестной активности в Астрахани.

Причины протестной кампании

Формальным поводом для начала активных протестных действий послужили подозрения массовых нарушений и фальсификаций в ходе избирательной кампании по выборам мэра Астрахани и, как следствие, несогласие О. Шеина, главного оппонента действующего мэра Астрахани С. Боженова, с результатами голосования. Помимо подозрений нарушений в день голосования, протестный потенциал накапливался и в ходе предвыборной гонки, когда, по мнению О. Шеина, совершались противоправные действия в отношении его и сотрудников его избирательного штаба.

В основе протестной активности лежал острый политический конфликт мэра г. Астрахань С. Боженова и депутата Государственной Думы РФ О. Шеина. При этом некоторые эксперты указывают на существование личного конфликта между двумя кандидатами на пост мэра, причиной которого были выборы депутатов Государственной Думы РФ, когда О. Шеин обошел в одномандатном округе С. Боженова. Интересно мнение по этому поводу одного из экспертов: «Когда-то Баженов был кандидатом «Яблока» в Государственную Думу

Российской Федерации по Астраханской области. А в 1999 г. Шеин выиграл у Баженова по одномандатному округу. Причем, Баженов вложил в эту кампанию очень много денег. Так что, там давняя борьба»².

Пост мэра административного центра области — один из значимых в политической системе любого региона, поскольку обеспечивает доступ к ключевым административным, политическим, финансовым, организационным ресурсам, вхождение в региональную политическую элиту. Поэтому конфликт О. Шеина и С. Баженова можно охарактеризовать как борьбу за политическое влияние в регионе.

Однако сам по себе конфликт не мог стать причиной протестных акций. Реальные причины протестных акций лежали в плоскости острых методов и форм борьбы, которые использовались в данном конфликте. Исходя из этого, можно выделить конкретные проблемы, которые оспаривались в ходе протестной активности:

- подозрения в применении незаконных методов ведения предвыборной борьбы со стороны кандидата С. Баженова;
- подозрения в массовой фальсификации в день голосования (нарушении процедур голосования, прямом давлении на сотрудников избирательного штаба кандидата О. Шеина);
- подозрения в давлении на представителей СМИ и журналистов.

Впоследствии эти требования обобщались и в центре протестного движения стала проблема борьбы, основанной на мнении о незаконном характере действий городской администрации в лице С. Баженова.

Субъективным поводом для начала протестных действий послужила возникшая перед О. Шеиным необходимость сгладить поражение на выборах, поскольку согласие проигравшего кандидата с результатами выборов означало бы его моральный проигрыш, признание отсутствия поддержки со стороны жителей города. Такая ситуация была недопустима ввиду долгосрочных планов работы О. Шеина в регионе. Это подтверждают эксперты: «Мне кажется, что акции оппозиционеров после выборов — это были мероприятия материально заинтересованных людей. Они шли не с огоньком в глазах, а для галочки. Баженов свой электорат имеет»³. Таким образом, вне зависимости от реалистичности поставленных целей (отмена результатов голосования, привлечение к уголовной ответственности лиц, грубо нарушавших законодательство России) протестная кампания была необходимостью для О. Шеина.

Инициирование крупных протестных акций невозможно без наличия объективных предпосылок в виде уверенности многих людей в грубых нарушениях закона в ходе избирательной кампании. В связи с этим основным становит-

² Интервью из архива А.В. Соколова.

³ Интервью из архива А.В. Соколова.

ся вопрос не о причинах возникновения протестной активности, а о факторах, обусловивших массовый характер протеста, включение в него большого количества жителей города.

Основные субъекты протестной кампании

Специфика конфликта заключается в том, что есть возможность точно очертить круг субъектов, принимавших участие в противоборстве.

С одной стороны выступали:

- О. Шеин (кандидат на пост мэра, депутат Государственной Думы РФ);
- партия «Справедливая Россия»;
- молодежное движение «Точка отсчета»;
- ЛДПР (присоединилась впоследствии).

Им противостояли:

- С. Боженов (кандидат на пост мэра, действующий мэр Астрахани);
- администрация г. Астрахани;
- Р. Шабанов (депутат Думы Астраханской области).

В качестве внешних субъектов в конфликте выступали С. Миронов (на тот момент Председатель Совета Федерации РФ, лидер партии «Справедливая Россия»), Г. Гудков (заместитель руководителя фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе РФ), которые на федеральном уровне пытались повлиять на исход борьбы. Также косвенно внешними субъектами выступали лидеры парламентских партий, покинувшие заседание Государственной Думы РФ в знак протеста против присутствовавших, по их мнению, массовых нарушений на региональных выборах 11 октября 2009 г. Председатель Государственной Думы РФ Борис Грызлов в своем выступлении заявил о массовых нарушениях на региональных выборах со стороны представителей оппозиционных партий. В этом контексте он наряду с другими лидерами партий являлся внешним субъектом данного конфликта.

Безрезультатность действий субъектов федерального уровня показала, что федеральная власть не была заинтересована в расширении конфликта и выходе его за пределы региона. Субъекты конфликта были поставлены в условия, в которых решать проблемы они были вынуждены в рамках региона и исключительно за счет имевшихся у них ресурсов и возможностей.

Особое место в конфликте занимал губернатор области А. Жилкин, который не был заинтересован в усилении С. Боженова и при этом не имел конфликта с О. Шеиным. В связи с этим в избирательной кампании не был задействован областной административный ресурс. Это вынудило С. Боженова использовать все имеющиеся в его распоряжении средства. Относительно нейтральная позиция А. Жилкина, с одной стороны, лишила С. Боженова централизован-

ного административного ресурса, что само по себе является положительным фактом, с другой стороны, как отмечали эксперты, вынудила последнего использовать все имеющиеся у него ресурсы для борьбы за пост мэра.

Специфическую роль в конфликте сыграла Центральная избирательная комиссия, проверка которой не выявила серьезных нарушений избирательного законодательства и соответственно не увидела оснований для отмены результатов выборов. Поскольку изначально конфликт носил локальный характер и являлся следствием противоборства двух кандидатов на муниципальных выборах, постольку вмешательство в процесс субъекта федерального уровня в лице ЦИК РФ ставило перед О. Шеиным проблему выбора дальнейшей стратегии. В результате проверки, проведенной комиссией ЦИК РФ, информация о грубых нарушениях избирательного законодательства не подтвердилась. Такое решение выбивало почву из под ног О. Шеина, которому в такой ситуации нужно было либо согласиться и признать необоснованность своих претензий, либо обвинить ЦИК РФ в предвзятости и тем самым перевести конфликт с локального на федеральный уровень. Вторая стратегия была отвергнута, следствием чего стало значительное снижение градуса протеста.

Безусловным лидером протестного движения был О. Шеин. Как проигравший кандидат, он по объективным причинам стоял в центре протестной кампании. Эксперты следующим образом описали ситуацию в области: «Астраханский регион отличается от остальных субъектов тем, что достаточно активно себя проявляет «Справедливая Россия». Причина — большой вес политического лидера Шеина»⁴. В публичном пространстве О. Шеин был единственным лидером протеста. Именно он выступал в роли инициатора или координатора всех протестных акций, связанных с оспариванием итогов голосования 11 октября 2009 г. В связи с этим можно сказать, что кампания носила персонифицированный характер, который проявлялся либо в опротестовании проигрыша О. Шеина, либо в протесте против криминализации власти, в качестве примера которой приводили кампанию против О. Шеина на выборах мэра Астрахани.

Характер взаимодействия основных субъектов протеста представлял собой синтез иерархических и сетевых взаимоотношений. Иерархические отношения проявлялись во внутрипартийном взаимодействии О. Шеина и партии «Справедливая Россия», ее на тот момент молодежной организации «Точка отсчета». Сетевые связи присутствовали во взаимоотношениях О. Шеина с различными общественными организациями и инициативными группами граждан, в том числе с другими партиями.

С точки зрения социального состава, по мнению экспертов, основное место среди протестовавших занимали пенсионеры и представители молодежи,

⁴ Интервью из архива А.В. Соколова.

которые традиционно являются в Астрахани политически активными социальными группами. Заметную роль в организации и проведении акций протеста сыграли активисты молодежной организации «Точка отчета», ставшие, по сути, частью политического актива О. Шеина.

Характеристика ресурсов сторон конфликта

Анализ протестной кампании показал, что оппоненты использовали в конфликте в первую очередь внутренние ресурсы.

Ввиду скоротечности кампании, ее ограниченности рамками одного города (за исключением нескольких акций), совпадением по времени с окончанием избирательной кампании, которая значительно истощила стороны конфликта, можно говорить о том, что ресурсная база сторон конфликта была незначительна по объему.

О. Шеин и его сторонники обладали в первую очередь партийным и, как следствие, организационным ресурсом. По мнению экспертов, этот ресурс и стал основным в протестной кампании. Поддержка партии сыграла важную роль в конфликте. Партийный актив, сторонники О. Шеина, голосовавшие за него на выборах мэра Астрахани, стали ядром протестного движения.

Традиционно особое внимание в рамках протестной кампании было уделено использованию информационного ресурса. Донесение до избирателей информации о нарушениях в ходе кампании было ключевой задачей штаба О. Шеина.

Основным ресурсом оппонентов О. Шеина стал административный ресурс. Подобные методы ведения борьбы добавили активности конфликту, который с особой остротой разворачивался в ходе избирательной кампании. Использование силового ресурса в таком формате предопределило включение в протестную повестку дня проблемы взаимодействия власти и криминалита, что послужило полноценным фактором расширения круга протестовавших.

Несмотря на то что основной упор был сделан на внутренние ресурсы, сторонники О. Шеина имели в своем распоряжении и определенные возможности, данные им извне. Внешним ресурсом можно считать федеральные структуры партии «Справедливая Россия». Их роль заключалась в освещении конфликта на федеральном уровне. Кроме того, официальный статус С. Миронова и депутатов Государственной Думы РФ от партии «Справедливая Россия» давали им ряд возможностей в плане публичного контроля за соблюдением законности различных процедур.

Имевшиеся у сторон конфликта возможности предполагали использование конкретных методов и форм борьбы. В распоряжении протестных групп были стандартные инструменты противостояния органам власти:

- митинги, пикеты, шествия;

- обращения в суд;
- открытые письма;
- обращения в органы власти;
- голодовка;
- акции протеста в других регионах;
- публикация материалов в СМИ.

Особенностью протестной кампании стало использование О. Шеиным метода, типичного по форме, но нетипичного по содержанию для современных российских протестных практик. Речь идет об апелляции к политикам федерального уровня. Однако заслуживает особого внимания то, какому именно политику было адресовано обращение. Свое открытое письмо О. Шеин направил В. Суркову, первому заместителю руководителя Администрации Президента РФ. В. Сурков считается одной из ключевых фигур в современной политической системе РФ. Однако до данного конфликта не было случаев направления публичных обращений в его адрес. Такое действие можно расценить как попытку обратиться напрямую к субъекту принятия решений без посредничества публичных акторов. Можно также предположить, что целью обращения к В. Суркову было напугать своих оппонентов демонстрацией возможности выхода на политика федерального уровня.

Острота конфликта стала причиной того, что стороны исключали возможность переговоров и поиска компромисса. Протестные группы выдвигали ультимативные требования пересмотра результатов выборов и привлечения виновных в давлении на журналистов и сотрудников штаба О. Шеина к уголовной ответственности. В некоторых ситуациях противоборство принимало насильственные формы.

Оппозиция транслировала в средства массовой информации и населению образ своих оппонентов как связку власти и криминалитета, использующих для достижения поставленной цели незаконные и аморальные методы. С. Боженков и его сторонники последовательно продвигали образ протестных групп как людей, преследующих сугубо политические цели, стремящихся сделать себе пиар на конфликте, «раскрутиться».

Этапы протестной кампании

Несмотря на ограниченность во времени, протестную кампанию можно разделить на определенные этапы:

Первый этап: август — 11 октября 2009 г. — избирательная кампания по выборам мэра Астрахани. На данном этапе происходит постепенное обострение конфликта за счет формирования подозрений грубых нарушений закона и давления на избирательный штаб О. Шеина.

Второй этап: 11 октября — начало ноября 2009 г. — кульминация конфликта, острое противоборство, ознаменовавшееся проведением массовых уличных акций протеста против фальсификаций на выборах и бандитского произвола. В Государственной Думе происходит демарш оппозиционных партий в знак протеста против нарушений на региональных выборах 11 октября. О. Шеиным инициируются судебные дела. Конфликт выходит на федеральный уровень.

Третий этап: ноябрь 2009 г. — февраль-март 2010 г. — уличные акции протеста сходят на нет, конфликт переходит в стадию судебных разбирательств и проверок различными ведомствами. Комиссия ЦИКа не выявляет грубых нарушений избирательного законодательства в ходе кампании. Суд отказывает О. Шеину в удовлетворении иска о признании выборов незаконными.

Освещение протестной кампании в СМИ

Для анализа сообщений в СМИ по данной протестной кампании были определены временные рамки: с 1 июля 2009 по 31 декабря 2010 г. Всего за указанный период в базе «Интегрум» было обнаружено 1049 сообщений по данной теме. В среднем каждый день в базу поступало по 5 сообщений о протестной кампании.

Основными источниками, в которых появлялись материалы о конфликте, были центральные интернет-издания (21% от общего количества сообщений — 224), региональная пресса (22% — 226 сообщений) и центральная пресса (20% — 208 сообщений). Практически полностью отсутствовали сообщения в зарубежной прессе и прессе СНГ. Примечательно, что за всю протестную кампанию на Центральном телевидении и радио появилось только 4 сообщения о конфликте. На уровне гипотезы можно предположить, что в данном случае имела место стандартная для всех регионов политика игнорирования федеральными теле- и радиоканалами сообщений о нарушениях на выборах.

Наибольшая интенсивность сообщений была отмечена в период с 14 по 20 октября 2009 г. — 347 сообщений, что составило 33% от общего количества. В этот период проводится ряд крупных акций протеста. Именно 14 октября 2009 г. произошел демарш фракций КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» в Государственной Думе РФ, когда они покинули зал заседаний в знак протеста против массовых нарушений на региональных выборах. За весь период (27 недель) наиболее часто освещали проблему такие источники, как региональная пресса (в течение 26 недель), центральная пресса (в течение 25 недель), центральные интернет-издания (в течение 23 недель).

В средствах массовой информации с 1 июля 2009 г. по 31 декабря 2010 г. были найдены упоминания о 23 акциях протеста. По сообщениям СМИ, наиболее распространенной формой протестной активности являлись митинги (15 митингов). Помимо этого в СМИ освещались пикеты, шествия, голодовки, палаточный лагерь, автопробеги, флэшмобы.

За указанный период в СМИ сообщалось о 5800 чел., принявших участие в акциях протеста. Среднее количество участников одной акции — 252 чел.

Если говорить об отражении в СМИ информации об организациях — участниках протестных акций, то наиболее часто встречаемыми были сообщения о «Справедливой России», КПРФ, «Точке отсчета», ЛДПР.

В целом можно сделать вывод, что внимание СМИ в первую очередь было обращено на ряд уличных акций, которые пришлось на кульминацию конфликта. Ситуация до середины октября и после ноября освещалась в СМИ гораздо меньше.

Общие выводы

Протестная кампания не достигла своей цели — результаты выборов отменены не были, С. Боженков сохранил свои полномочия мэра Астрахани. Тем не менее О. Шеин усилил свои позиции в регионе. В общественном сознании прочно закрепился образ О. Шеина как оппозиционера, борца за справедливость и соблюдение закона. Практически все эксперты отметили активность партии «Справедливая Россия» и лично О. Шеина в региональном политическом процессе. В преддверии федеральной избирательной кампании это стало серьезным ресурсом, значительно повышающим шансы на успех «Справедливой России» в Астрахани на выборах депутатов Государственной Думы РФ.

В то же время протестная кампания нанесла ощутимый имиджевый урон С. Баженову как политику и как мэру Астрахани. Конфликт не повысил легитимность действующей городской власти, что отражают данные экспертного опроса, в котором отмечается положительная динамика роста протестных выступлений за последние 2 года (1,7 по шкале от –5 до 5).

Протестная кампания послужила клапаном, через который жители города выпустили пар. Этим можно объяснить резкий спад протестной активности по истечении нескольких недель после дня голосования. На сегодняшний день эксперты из Астраханской области оценивают ситуацию в области как умеренную — показатель протестной активности не превышает среднего показателя по регионам в целом (3,9 по шкале от 0 до 10 баллов). Накопившееся в ходе предвыборной гонки недовольство вылилось в итоге в массовые акции протеста. Однако подобное массовое движение не было готово к длительному противостоянию и поддержанию протестной активности на постоянно высоком уровне. Во многом это объясняется тем, что конфликт практически не задевал интересов каких-либо социальных групп или жителей города в целом. Это было противостояние двух политиков, одного из которых поддержала часть горожан. Отсутствовал острый конфликт между обществом в целом и властью. В такой ситуации представляется затруднительным сохранение в течение длительного времени высокого уровня протеста. Нескольких массовых акций ока-

залось достаточно, чтобы снять напряженность в обществе и минимизировать протестную активность до уровня протестных настроений без каких-либо активных действий. Вот как оценивают эту ситуацию эксперты: «Были акции после выборов мэра по фактам фальсификации. Это были отдельные протестные акции. Но оппозиции не удалось создать единое движение по разработке этих нарушений. Некоторые нарушения разбирали правоохранительные органы, были найдены действительно нарушения. Но это были мелкие нарушения, которые не имеют того широкого эффекта. Они не могли повлиять на общий результат или отменить выборы. Это было направлено скорее на поднятие «волны» и на оправдание своего проигрыша»⁵.

Конфликт имел серьезные последствия. Во-первых, тяжелая избирательная кампания и последовавшие после нее массовые акции протеста вылились в серьезную апатию у жителей города к политической жизни, в очередной раз убедили в торжестве грязных технологий. Значимая часть экспертов из Астраханской области в качестве основной особенности региона отмечают отсутствие протестной активности при наличии высокого уровня протестных настроений и считают, что протестная активность в регионе имеет глубоко экономическую основу (по 50% соответственно). Впоследствии это будет иметь серьезные последствия в плане активности избирателей на выборах. Во-вторых, серьезный урон был нанесен доверию населения к власти как таковой. Если смотреть на ситуацию с точки зрения стабилизации обстановки, то протестная кампания имела, безусловно, положительный эффект в виде «выпуска пара». Показательно, что эксперты из Астраханской области склонны оценивать рост протестной активности в ближайшей перспективе как умеренный (показатель близок к средним оценкам по регионам — 1,7 по шкале от -5 до 5 баллов).

Негативным последствием стало преследование журналистов, активно освещавших избирательную кампанию. Весной 2011 г. суд признал О. Теплицева, корреспондента газеты «Житель», виновным в избиении депутата областной Думы Р. Шабанова.

Конфликт и протестная кампания показали, что в случае, когда общий результат выборов устраивает федеральный уровень власти, она не вмешивается в региональный политический процесс. В такой ситуации, когда имеет место противостояние двух политических субъектов, исход борьбы напрямую зависит от возможностей и ресурсов сторон конфликта, от конфигурации политических акторов в региональном политическом пространстве.

⁵ Интервью из архива А.В. Соколова.

Библиографический список

1. *Ахременко А. С.* Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006.
2. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Прикладная социология: методология и методы. М.: АЛЬФА-М/ИНФРА-М, 2011.
3. *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Методы социологического исследования: учебник. М.: ИНФРА-М, 2004.
4. *Сморгунов Л. В.* «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. 2010. №4.
5. *Веревкин А. И.* Электоральный процесс в современной России: неопределенность vs «управляемость» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4, декабрь.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КОРПОРАЦИИ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

.....

В. В. Ермоленко, Е. Д. Попова¹

В статье анализируется эволюция содержания понятия «интеллектуальный капитал», его структуры и стратегии развития. Интеллектуальный капитал исследуется как система. Предлагается рабочее определение интеллектуального капитала, базовые стратегии развития в соответствии с выделенными императивами экономики знаний. Рассматривается модель управления интеллектуальным капиталом.
Ключевые слова: интеллектуальный капитал, модель управления, базовые стратегии, экономика знаний

The article analyses the evolution of the notion of «intellectual capital», its structure and strategy development. Intellectual capital is considered a system. A working definition of intellectual capital and the basic development strategy in compliance with the selected imperatives knowledge economy is discussed in the article. Model of intellectual capital management is considered.

Key words: intellectual capital, management model, the basic strategy, knowledge economy

Эффективность функционирования корпоративного предприятия в значительной степени определяется его инновационным уровнем, который напрямую связан с качеством интеллектуального капитала как одного из важных стратегических факторов экономического роста. Основной проблемой в любой корпорации является формирование точек роста и развития на факторах иного, нематериального, порядка. К таким точкам В.С. Катькало [7] относит создание и развитие собственных, трудно копируемых другими фирмами организационных компетенций и ресурсов (интеллектуального капитала), особенно способности генерировать новые знания, а также развитие уникальности

¹ Ермоленко Владимир Валентинович, заведующий кафедрой общего, стратегического, информационного менеджмента и бизнес-процессов Кубанского государственного университета, кандидат технических наук, доцент. Эл. почта: Oleda93@gmail.com

Попова Екатерина Дмитриевна, студентка магистерской программы «Стратегический и оперативный контроллинг в менеджменте организации». Эл. почта: Ekaterina-KGU@mail.ru.

компании как основы предложения ею потребителям неповторимых товаров и услуг. Поэтому чрезвычайно актуальна разработка не только механизмов и институтов воспроизводства интеллектуального капитала на уровне предприятия, но и механизмов его включения в процесс создания стоимости и новой ценности.

В настоящее время исследователи уделяют большое внимание анализу сущности понятия «интеллектуальный капитал». Это объясняется тем, что интеллектуальный капитал – качественно новая форма капитала, необходимая для создания конкретных полезностей (интеллектуального продукта, услуг) и требуемого дохода [12].

В связи с этим сложилось достаточно большое количество трактовок понятия интеллектуального капитала. Определения сущности интеллектуального капитала, сформулированные исследователями в разное время, представлены в таблице.

Анализ показывает, что данное понятие многогранно и многоаспектно. Многие отечественные и зарубежные исследователи и практики дают лишь общую формулировку. Это сохраняет неопределенность и делает проблему управления интеллектуальным капиталом в корпорации неразрешимой. Формирование базовых стратегий развития и модели управления интеллектуальным капиталом в корпорации актуализирует более строгое определение не только его сущности, но и структуры.

Поэтому авторами предлагается принять в качестве рабочего следующее определение с возможностью его последующего уточнения.

Интеллектуальный капитал — это взаимосвязь знаний, опыта и ключевых компетенций персонала корпорации, отношений корпорации с партнерами и клиентами, которая обеспечивает создание добавочной стоимости и уникальных конкурентных преимуществ корпорации на выбранном сегменте рынка.

Отметим, что ценность интеллектуального капитала возрастает, если он воплощается в товарах, услугах и бизнес-процессах. Сам по себе интеллектуальный капитал, не соединённый с другими капиталами (финансовым, материальным), не дает того важного результата, который возможен в инновационной экономике. Доля интеллектуального капитала в изделиях больше по сравнению с финансовым и материальным. Его особенность состоит в том, что он дает значимый результат, только соединяясь и оплодотворяя другие капиталы новыми знаниями, компетенциями, ноу-хау. Важнейшее свойство интеллектуального капитала состоит в его активности, в его «энергетике», в способности соединять все возможности, все ресурсы (капиталы). Активность интеллектуального капитала проявляется в задающей и генерирующей роли. Поэтому реализованный в корпоративном предприятии интеллектуальный капитал —

Подходы к трактовке понятия «интеллектуальный капитал»

Автор, год публикации	Формулировка понятия
1	2
Дж. К. Гэлбрейт, 1969 [19]	Интеллектуальная деятельность
В. Л. Иноземцев, 1995 [6]	«Коллективный мозг», аккумулирующий научные и обыденные знания работников, интеллектуальную собственность и накопленный опыт, общение и информационную структуру, информационные сети, имидж фирмы
С. Алберт, К. Бредли, 1996 [18]	Процесс превращения знаний и неосязаемых активов в полезные ресурсы, которые дают конкурентные преимущества индивидуумам, фирмам и нациям
Г. Сент-Ондрж, 1996 [21]	Человеческий капитал, потребительский капитал и структурный капитал
В. Титков, 2001 [16]	Знания, имеющие потенциальную ценность, т. е. идеи, и люди — специалисты, которые их создают. Интеллектуальный капитал не имеет реальной ценности, пока он соответствующим образом не учтен и не защищен в правовом отношении
Э. Брукинг, 2001 [2]	Совокупность нематериальных активов, которые могут быть использованы для создания стоимости и без которых компания не может существовать и развивать конкурентные преимущества
Дж. Даум, 2002 [20]	Основанные на связях структурированные знания и способности, обладающие потенциалом развития и создания стоимости
Б. Б. Леонтьев, 2002 [9]	Стоимость совокупности имеющихся в организационно-интеллектуальных активов, включая интеллектуальную собственность, его природные и приобретенные интеллектуальные способности и навыки персонала, а также накопленные базы знаний и полезные отношения с другими субъектами
А. Н. Козырев, В. Л. Макаров, 2003 [8]	Понятие интеллектуального капитала шире, чем более привычные понятия нематериальных активов и интеллектуальной собственности, и нигде в мире не регламентируется законодательными актами
Л. Мельник, 2004 [10]	Умственные способности людей в совокупности с созданными ими материальными и нематериальными средствами, которые используются в процессе интеллектуальной работы
И. И. Просвирина, 2004 [13]	Активы компании, которые представляют собой совокупность знаний ее персонала и результат воплощения этих знаний в других неосязаемых активах: внутрифирменных структурах, клиентском капитале и др.

Автор, год публикации	Формулировка понятия
1	2
А. Эдвинссон, 2005 [17]	Особое соединение человеческого капитала (реальные и потенциальные интеллектуальные способности, а также соответствующие практические навыки работников компании) и структурного капитала (составляющие капитала компании, задаваемые такими специфическими факторами, как: связи с потребителями, бизнес-процессы, БД, бренды и ИТ-системы). Это способность трансформировать знания и нематериальные активы в факторы (ресурсы), которые создают богатство (и соответствующую стоимость) за счёт особого эффекта от «умножения» человеческого капитала на структурный
В. Н. Голубкин, 2005 [5]	Нематериальные (или неосязаемые) активы, которые не указываются в финансовых документах компании, но могут быть кодифицированы, оценены и управляются компанией
В. В. Багов, Е. Н. Селезнев, В. С. Ступаков, 2006 [1]	Обозначение творческих возможностей организации по созданию и реализации интеллектуальной и инновационной продукции
Й. Руус, С. Пайк, А. Фернстрём, 2007 [14]	Интеллектуальный инструментарий организации, определяющий ее творческие возможности по созданию и реализации интеллектуальной и инновационной продукции, который имеет три составляющие: кадровый капитал; интеллектуальную собственность; маркетинговые активы
Т. Стюарт, 2007 [15]	Интеллектуальный материал, включающий в себя знания, опыт, информацию, интеллектуальную собственность и участвующий в создании ценностей. Это коллективная умственная энергия
А. А. Гапоненко, Т. М. Орлова, 2008 [3]	Совокупность знаний, информации, опыта, квалификации и мотивации персонала, организационных возможностей, каналов и технологий коммуникации, способная создавать добавленную стоимость и обеспечивающая конкурентные преимущества коммерческой организации на рынке
Б. З. Мильнер, 2009 [11]	Явные и неявные знания, навыки, принадлежащие как компании, так и отдельным лицам, а также структурные и культурные элементы организации

это накопленный рыночный, структурный, социальный, процессный и другие капиталы. Последние указанные капиталы — результат включения интеллектуального капитала в корпоративный управленческий и бизнес-процессы. Данные типы капиталов остаются недоразвитыми без участия интеллектуального капитала в их формировании.

Носителем интеллектуального капитала может быть только человеческий капитал, или, по меткому выражению С. Супрун, интеллектуальный человеческий капитал. Сегодня интеллектуальный капитал сосредоточен только в человеке. А потом уже при участии человека может храниться в базах данных, базах знаний, или в интеллектуальных информационных системах. Но это продукт прежде всего интеллектуального человеческого капитала.

Структуру интеллектуального капитала можно рассматривать с различных точек зрения.

В конце 1980-х гг. К. Свейби разработал развернутую структуру интеллектуального капитала, отождествляя его с нематериальными активами. Он различает три основных компонента интеллектуального капитала:

1) индивидуальную компетентность — способность людей действовать в различных ситуациях, включающую умения, образование, опыт, ценностные установки, социальные навыки;

2) внутреннюю структуру предприятия — то, что создано работниками предприятия и является его собственностью: технологии, управленческую и информационную системы, а также организационную культуру;

3) внешнюю структуру предприятия, которая состоит из связей с заказчиками, поставщиками и конкурентами, включая торговые марки и имидж предприятия [22].

К. Свейби предложил использовать систему количественных показателей для оценки каждого компонента интеллектуального капитала, однако такой подход тоже столкнулся с рядом трудностей. Проблема в том, что смысл показателей должен отражать специфику деятельности корпорации, иначе интеллектуальный капитал нельзя раскрыть. Поэтому полная стандартизация в данном случае невозможна. В интеллектуальном капитале можно выделить общую часть и особенную.

В работе Л. Эдвинссона [17] описана следующая структура интеллектуального капитала, включающая в себя два компонента:

1) человеческий капитал — компетенции и опыт сотрудников компании, которые утрачиваются с уходом сотрудника;

2) структурный капитал, принадлежащий всей компании, хотя является продуктом деятельности ее сотрудников: ценность отношений с клиентами (клиентский капитал), ценность продуктов интеллектуальной собственности (идеи, патенты, лицензии и т. п.) (инновационный капитал), а также ценность инфраструктуры компании (процессный капитал).

Значимость данного подхода состоит в достаточно четком разделении понятий человеческого и структурного капитала и развернутом определении их содержания. В представленной модели наиболее важен эффект умножения

данных компонентов, который Л. Эдвинссон называет «критически важным элементом перспективы» [17, с. 121].

Вместе с тем необходимо учитывать взаимодействие элементов между собой и их неодинаковую роль в создании стоимости компании. Л. Эдвинссон в своей трактовке структурного капитала объединяет две разнородные его составляющие: внутренние элементы — структуру организации, торговые марки, патенты; элементы связанные с внешней средой — отношения с клиентами. При этом ученый особо выделяет организационный капитал как важный компонент структурного капитала, однако клиентский капитал, по мнению автора, учтён недостаточно. Одним из недостатков данного подхода также можно считать отсутствие учёта синергетических эффектов, возникающих при действенном взаимодействии компонентов интеллектуального капитала.

Т. Стюарт выделил три составляющих интеллектуального капитала: человеческий, структурный, потребительский.

Стюарт подчеркивает важность оптимального баланса между всеми элементами интеллектуального капитала, поскольку чрезмерное развитие отдельных компонентов может привести не к росту производительности, а, напротив, к ее снижению.

Подход Т. Стюарта представляется более подробным и в большей степени адекватным условиям рыночной экономики по сравнению с предыдущим подходом.

Британский исследователь интеллектуального капитала Э. Брукинг выделяет в нем четыре составные части:

- 1) рыночные активы — это тот потенциал, который обеспечивается нематериальными активами, связанными с рыночными операциями (марки товаров, покупательская приверженность, корпоративное имя, портфель заказов и т. д.);
- 2) интеллектуальную собственность как актив — узаконенный инструмент для защиты различных корпоративных активов (ноу-хау, патенты, авторские права, производственные и торговые секреты и т. п.);
- 3) человеческие активы — совокупность коллективных знаний сотрудников предприятия, их творческих способностей, управленческих, руководящих и предпринимательских качеств, поведения в различных ситуациях;
- 4) инфраструктурные активы — технологии, методы и процессы, делающие возможной работу предприятия (корпоративная культура, методы оценки риска, финансовая структура, базы данных и пр.) [2].

Приведенная классификация интеллектуального капитала несколько отличается от первых трёх подходов, что проявляется в следующем:

– во-первых, чётко разделены активы, имеющие ярко выраженную рыночную ориентацию (марки товаров, каналы распределения и т. п.), и активы, яв-

ляющиеся результатом высококвалифицированного интеллектуального труда (интеллектуальная собственность);

– во-вторых, дается более полный перечень элементов интеллектуального капитала.

– в-третьих, сдвиг акцента с человека как производителя знаний на обобщенный их учёт в рамках категории «нематериальные активы».

Подобная классификация хорошо подходит для корпорации, производящей сложную продукцию на конкурентном рынке.

В. П. Багов, Э. Н. Селезнев, В. С. Ступаков выделяют две тесно взаимодействующие части интеллектуального капитала: кадровый капитал и интеллектуальную собственность [1].

Й. Руус, С. Пайк и Л. Фернстрем рассматривают интеллектуальный капитал как часть ресурсного портфеля компании [14]. Они представили взаимодействие компонентов интеллектуального капитала в виде ресурсного дерева, представленного на рис. 1.

Под отношенческим капиталом понимаются отношения, которые существуют у компании с организациями вне её самой и влияют на способность создавать ценность.

Организационный капитал — это ресурсы, которые организация создала или приобрела и которыми владеет на законных основаниях, но эти ресурсы не являются по своей природе материальными.

Человеческий капитал — ресурсы, воплощенные в конкретных людях, работающих в организации или связанных с ней таким образом, что организация получает возможность использовать эти ресурсы.

Можно сделать вывод, что различные модели интеллектуального капитала представляют собой обобщение практики управления факторами стоимости на конкретных предприятиях. Однако между рассмотренными подходами не существует принципиальных отличий, поскольку в большинстве случаев рассматриваются идентичные составляющие интеллектуального капитала: человеческий, организационный и клиентский, независимо от того, как они трактуются, группируются и детализируются авторами.

Суммируя существующие подходы к определению структуры интеллектуального капитала, можно дать характеристику его элементов, представленных на рис. 2.

Человеческий капитал представляет собой знания, опыт и способности конкретных физических лиц как единую экономическую ценность данного объекта бизнеса. Этот капитал неотчуждаем от его обладателей. Для того чтобы человеческий капитал заработал, необходимо не только движение знаний, но и управление ими, коллективная работа и, следовательно, соответствующая

Рис. 1. Декомпозиция интеллектуальных ресурсов [14]

организация, структура которой включала бы исследовательские лаборатории, базы знаний и базы данных, маркетинг и товаропроводящие сети, центры доведения исследований и разработок до конкретных ноу-хау широкого применения.

Структурный капитал — все, что остается в корпорации, связанное с интеллектуальным потенциалом, после ухода персонала с работы домой. Это интеллектуальная собственность, информационные системы, инструкции, положения, стандарты, награды, грамоты, призы, которые получила корпорация. Также сюда относятся стратегия и культура корпорации, структуры и системы, организационные процедуры и т. п.

Клиентский капитал — система капитальных, надежных долгосрочных доверительных и взаимовыгодных отношений корпорации со своими клиентами, покупателями. Сюда относятся бренды, фирменное наименование, каналы сбыта, лицензионные и другие договоры, наличие своих людей (insiders) в ор-

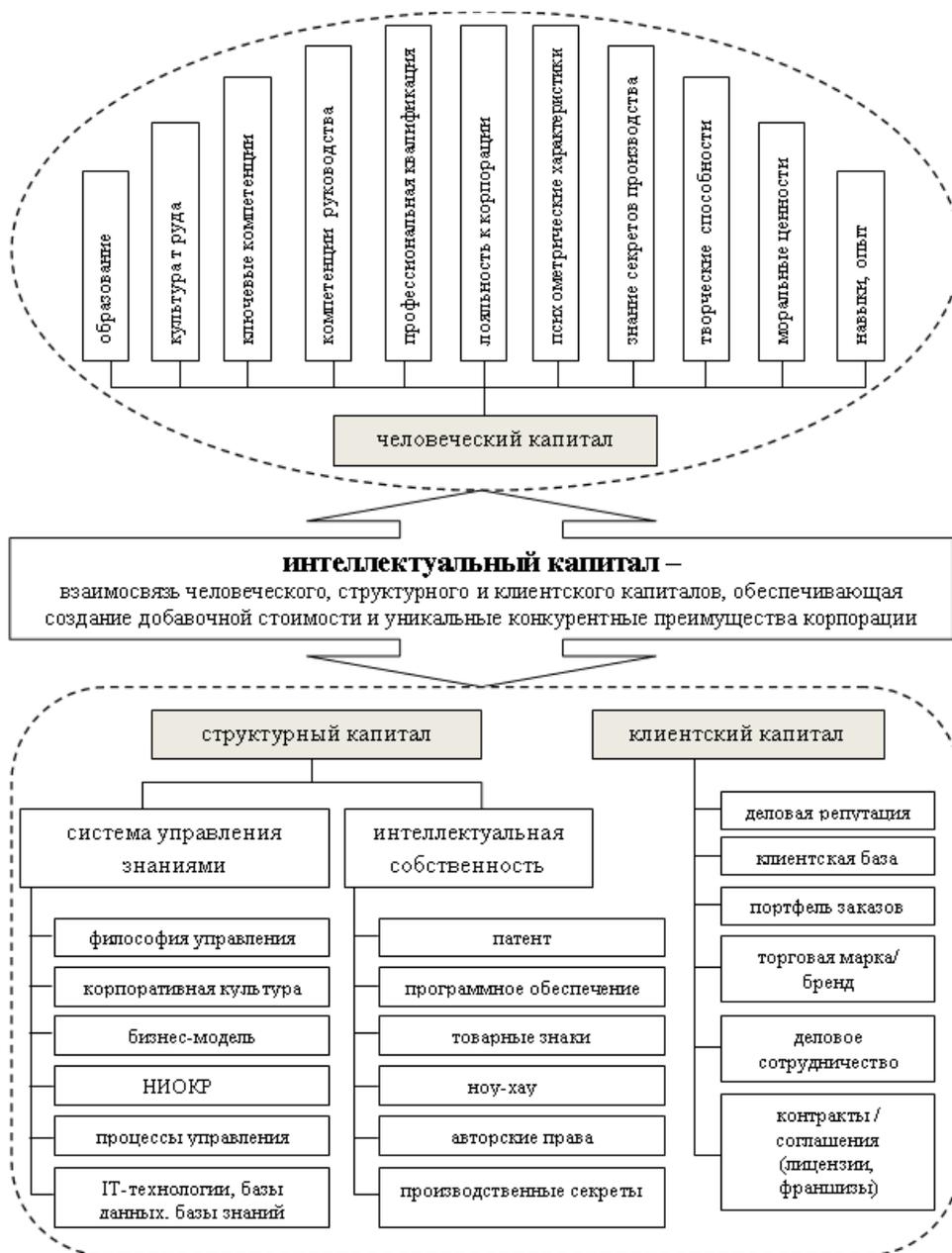

Рис. 2. Структура интеллектуального капитала корпорации

ганизациях-партнерах/клиентах, наличие постоянных покупателей, повторные контракты с клиентами.

Нужно отметить, что интеллектуальный капитал не складывается из отдельных частей: человеческого, структурного и клиентского, он создается в результате их взаимодействия. Знания и способности работников корпорации (человеческий капитал) воплощаются в организационные процессы и связи с партнерами (структурный капитал), которые, в свою очередь, создают базу для устойчивых и продолжительных отношений с клиентами (клиентский капитал). Сотрудничество с клиентами и партнерами помогает накапливать опыт, развивать знания и способности работников, создавать базы данных и т.д. Таким образом, в корпорации происходит круговое движение частей интеллектуального капитала: от человеческого до клиентского и наоборот. Однако в процессе взаимодействия составляющих интеллектуального капитала можно получить положительный эффект, не соответствующий приложенным усилиям. Поэтому для успешного формирования интеллектуального капитала корпорации необходимо эффективное взаимодействие, взаимопроникновение различных видов интеллектуального капитала, создание при этом синергетического эффекта. В частности, только при перекрестном влиянии одних частей интеллектуального капитала на другие осуществляется перенос и закрепление знаний из сферы взаимодействия с внешними контрагентами во внутрикорпоративные системы с целью дальнейшего использования сотрудниками.

Важно иметь в виду, что эффективность и ценность интеллектуального капитала определяются и самовозрастают только в *контексте конкретной стратегии развития корпорации*. Наиболее успешно интеллектуальный капитал может развиваться в русле целенаправленной деятельности по созданию новой продукции или услуги и организационно-структурных мероприятий для освоения новых ниш на товарных рынках. Развитие зависит от того, насколько масштабно корпорация способна для этого организовать исследования и разработки, сконцентрировать необходимые интеллектуальные, материальные и финансовые ресурсы.

В соответствии со структурой интеллектуального капитала корпорации, включающей в себя человеческий, организационный и клиентский капитал, А. Л. Гапоненко выделил семь стратегий управления интеллектуальным капиталом [4]. Интерес представляет предложенная им седьмая стратегия движения знаний одновременно между всеми видами интеллектуального капитала: человеческого, структурного и клиентского.

По мнению авторов статьи, главная задача при формировании стратегии управления интеллектуальным капиталом состоит не просто в его накоплении, а в превращении его в уникальные и трудно копируемые на рынке активы корпорации. Всё чаще уникальные знания и компетенции сотрудников, брен-

ды, технологические ноу-хау, создание новой модели бизнеса и другие нематериальные активы корпорации оказываются залогом отличительных преимуществ в соперничестве с многочисленными конкурентами.

В соответствии с императивами экономики знаний предлагаются следующие базовые модели стратегий управления интеллектуальным капиталом корпоративного предприятия:

- стратегия концентрации клиентского капитала, ориентированная на монополизацию внешней среды и расширенное воспроизводство механизмов вертикальной интеграции и вертикали власти корпоративного предприятия;
- стратегия трансформации структурного капитала, нацеленная на реорганизацию внутренней среды в соответствии с императивами развития рынков; стратегия предполагает проведение мониторинга и выявление господствующих тенденций на целевом сегменте, а также формирование способности улавливать слабые сигналы среды и различных механизмов адаптации корпорации к рынку;
- стратегия социальной диверсификации, направленная на расширение базы социальных коммуникаций и использование их ресурсов в целях деюрократизации процесса управления корпоративным предприятием; эта стратегия может возобладать в двух крайних случаях, когда социальная подсистема обладает значительным невостребованным человеческим и социальным потенциалом.

К. Свейби обосновал важность для предприятия при разработке и реализации стратегии управления знаниями считать центром сосредоточения внимания и усилий не информационные технологии, а людей, иначе под конец проекта не останется никакой стратегии.. Данное уточнение соответствует классическому пониманию сути стратегического управления, в основе которого лежит человек.

Перечисленные стратегии учитывают все составляющие интеллектуального капитала, их взаимодействия и взаимопроникновения друг в друга.

Для эффективного управления интеллектуальным капиталом корпорации необходим комплексный подход, связанный с управлением всеми видами нематериальных активов. Современный высокотехнологичный бизнес эффективен, если его менеджмент управляет всеми тремя капиталами: материальным, финансовым и интеллектуальным. Поэтому необходима интеграция управления интеллектуальным капиталом в общую систему управления корпорации. Только построение полнофункциональной системы оценки и управления интеллектуальным капиталом приведет к максимизации ценности и жизнеспособности корпорации. Поскольку все корпорации имеют бизнес-модели, значительно отличающиеся друг от друга, не существует единой системы управления интеллектуальным капиталом.

В заключение отметим, что специфика интеллектуального капитала корпорации определяет вектор её успешного стратегического развития. Сложившаяся структура интеллектуального капитала, состоящая из трех основных элементов — человеческого, структурного и клиентского капитала, постоянно требует новых подходов и более точного учета нематериальных факторов роста стоимости. Следует подчеркнуть, что только в совокупности и во взаимодействии компоненты интеллектуального капитала могут способствовать созданию системы устойчивых конкурентных преимуществ компании.

В целях повышения стоимости и достижения устойчивых конкурентных преимуществ корпорация должна быть ориентирована на эффективное управление своими уникальными ключевыми компетенциями и динамическими способностями.

Библиографический список

1. *Багов В.П., Селезнев Е.Н., Ступаков В.С.* Управление интеллектуальным капиталом: учебное пособие. М.: ВБ «Камерон», 2006.
2. *Брукинг Э.* Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии. СПб.: Питер, 2001.
3. *Гапоненко А.А., Орлова Т.М.* Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М.: Эксмо, 2008.
4. *Гапоненко А.А.* Управление знаниями. М.: ИПК госслужбы, 2001.
5. *Голубкин В.Н., Клеева А.П., Патока А.В.* Интеллектуальный капитал в эпоху глобализации мировой экономики. URL: http://www.ou-link.ru/pub/business_obraz_1_18.htm
6. *Иноземцев В.А.* К теории постэкономической общественной формации. М.: Academia, 1995.
7. *Катькало В.С.* Организационные факторы конкурентных преимуществ фирм // Персонал-Микс. 2003. № 11.
8. *Козырев А.Н., Макаров В.А.* Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003.
9. *Леонтьев Б.Б.* Цена интеллекта. Интеллектуальный капитал в российском бизнесе. М.: Акционер, 2002.
10. *Мельник Л.Г., Ильяшенко С.Н., Касьяненко В.А.* Экономика информации и информационные системы предприятия: учеб. пособие. Сумы: Университетская книга, 2004.
11. *Мильнер Б.З.* Управление знаниями в инновационной экономике: учебник. М.: Экономика, 2009.
12. *Пронина И.В.* Интеллектуальный капитал: сущность, структура, функции. URL: http://www.analiculturolog.ru/archive/item/487-article_20.html
13. *Просвирина И.И.* Интеллектуальный капитал: новый взгляд на нематериальные активы // Финансовый менеджмент. 2004. № 4.

14. Руус Й., Пайк С., Фернстрем Л. Интеллектуальный капитал: практика управления. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2008.
15. Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М.: Поколение, 2007.
16. Титков В. Человеческий капитал малого бизнеса // Бизнес для всех. 2001. 6 июня.
17. Эдвинссон Л. Корпоративная долгота: Навигация в экономике, основанная на знаниях. М.: ИНФРА-М, 2005.
18. Albert S., Bradley K. The Impact of Intellectual Capital // Open University Business School Working Paper. 1996. № 15.
19. Bontis N. Intellectual capital: an exploratory study that develops measures and models? // Paper presented at ASAC, 17th Annual McMaster Business Conference, Managing Intellectual Capital and Innovation. Hamilton, Canada, 1996.
20. Daum J.H. Intangible Assets. Bonn: Galileo Press GmbH, 2002.
21. Saint-Onge H. Tacit knowledge: the key to the strategic alignment of intellectual capital? // Strategy and Leadership. March-April, 1996.
22. Sveiby K.-E. The Intangible Assets Monitor. 1996, 1997, 2001. URL: <http://www.sveiby.com/articles/CompanyMonitor.html>

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ GR-КОММУНИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКО- КОММУНИКАТИВНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

.....

К. А. Крайнова¹

Статья посвящена анализу понятия GR-коммуникаций в политическом пространстве. Появившись в западной политологии, GR-коммуникации активно применяются в российской политической практике. Тем временем вопрос о политологическом понимании GR в отечественной науке остается открытым.

Ключевые слова: GR-коммуникации, PR-коммуникации, лоббизм, управление, публичная политика.

The goal of the article is analysis of concept of GR-communications in politics. GR-communications are appeared in the western political science and are actively applied in the Russian political practice. Meanwhile the question on politological understanding GR in a domestic science remains opened.

Key words: GR-communications, PR-communications, lobbying, administration, public policy.

Рассмотрение политики как способа самоорганизации общества посредством власти формирует ряд проблемных вопросов, среди которых актуален характер взаимодействия структур власти и гражданского общества. Значение информации и коммуникации трудно переоценить: информационные каналы, пронизывая все структуры общества, определенным образом организуют его, соединяют разные уровни политической системы, позволяют выполнять политическим институтам свои специфические функции. Эффективное управление политико-коммуникативными процессами упорядочивает политическую структуру и обеспечивает поддержание государственного режима.

Политические коммуникации функционируют в определенных условиях, которые обусловлены особенностями сложившихся политических отношений. Анализ политической ситуации в современной России показывает, что многие вопросы переведены из публичной практики в область теневых

¹ Крайнова Кира Анатольевна – соискатель кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Эл. почта: kira_krainova@mail.ru

коммуникаций, что позволяет решать многие вопросы политической жизни без учета мнения общества. На публичный суд общественности выносятся уже готовые решения, принятые властью наверху. Разрыв между действительностью и искусственно создаваемой политической картиной реальности рождает имитационность, театральность современного политического процесса. Параллельно в политологии, сначала в области практического применения, а затем и в теории, для характеристики взаимодействия власти и общества стало активно использоваться понятие GR-коммуникаций. Понятие «коммуникации» в широком смысле означает обмен информацией (от лат. связывать, объединять, сообщать). GR (англ. *government relations*) дословно переводится «связи с органами власти» или «правительственные связи».

Актуальность управления политико-коммуникативными процессами в современной России требует более подробного изучения данного феномена. Проникновение термина «коммуникация» в политическую науку обусловлено демократизацией политических процессов в мире во второй половине XX в., возникновением и возрастанием роли новых информационных технологий, а также развитием кибернетической теории. Во многом благодаря кибернетике термин «коммуникация», прежде употреблявшийся в точных науках, приобрел междисциплинарный характер, получив широкое распространение в различных областях знания, в том числе и в политической науке. Постепенно стало формироваться новое направление политических исследований, которое в России определило различные варианты наименований дисциплины: политической коммуникативистики (А. И. Соловьев, Л. Н. Тимофеева) [13, с. 272; 14, с. 46], коммуникологии (И. П. Яковлев) [16, с. 8], теории коммуникации (М. А. Василик, Г. Г. Почепцов, В. П. Конечная) [8, с. 9; 11 с. 61–93].

Как отмечает доктор политических наук, профессор Л. Н. Тимофеева, предмет политической коммуникативистики являются политические коммуникации или деятельность по созданию и обмену политическими текстами как вербального, так и невербального свойства на различных уровнях общения. Политические коммуникации означают управленческие политические коммуникации, избирательные политические коммуникации, политические PR-коммуникации, политические маркетинговые коммуникации, конфликтные и переговорные политические коммуникации, журналистские политические коммуникации и др.

Можно выделить три основных способа политической коммуникации. Во-первых, коммуникации реализуются с помощью средств массовой информации, в том числе печатных (пресса, книги, афиши) и электронных (радио, телевидение). Во-вторых, коммуникации актуализируются при участии политических организаций, в частности, политических партий. Третий способ политической коммуникации происходит путем неформальных контактов. Кроме трех названных способов можно выделить коммуникации, возникающие в связи с политическими событиями (выборами, референдумами) [6, с. 69–71].

Укрепление властной вертикали в России утвердило государственную и муниципальную власти самыми активными акторами публичной политики. Соответственно управление политическими коммуникациями исходит из приоритета интересов властных структур. С одной стороны, взаимодействие с органами власти осуществляется на открытых коммуникативных площадках — на публичных встречах, в средствах массовой информации и пр. С другой стороны, число участников диалога с властью ограничено, а повестка дня и характер взаимодействия модерируются самой властью.

Политические коммуникации так или иначе затрагивают область взаимодействия с властью — GR-коммуникаций. Данный термин пришел в отечественную науку из западной политологии, на русский язык его часто переводят как связи с правительством, буквально подразумевая отношения с федеральным исполнительным органом власти. Однако GR — это связи не только с правительством, но и с Законодательным собранием — федеральным и региональными, с районным Советом депутатов, главой региона и города, а также с руководством областной организации правящей партии. Понятие «government» в указанном контексте следует переводить не как «правительство», а как «государственная (властная) система управления» в целом, которая включает все ветви государственной и муниципальной власти. Понимание «government» в данном ключе исходит из традиции понимания под правительством всей системы государственного управления.

Понятие «government relations» (GR) возникло по аналогии с «public relations» (PR) — связи с общественностью. В отличие от PR, имеющего более широкую область применения в практике общественных коммуникаций, GR имеет более узкое назначение — выстраивание взаимодействия с властью.

В западной политологии GR рассматривается как технология реализации структурами гражданского общества публичной политики (public policy) и публичного управления (public administration). В отечественной литературе можно выделить два основных подхода к определению природы GR-коммуникаций. Первая точка зрения исходит из определения GR как функции отношений с органами государственной власти. Такой позиции придерживаются И. В. Алешина, Э. В. Кондратьев, Р. Н. Абрамов [2, с. 274; 7 с. 338]. И. В. Алешина, рассматривая основные направления PR-деятельности, отдельно выделяет отношения с государством и местной общественностью, а также акцентирует внимание на том, что государство использует методы и технологии PR в своей деятельности [2, с. 266–278].

Второй подход, напротив, рассматривает GR как область взаимодействия власти с сегментами общества. И. И. Боброва, В. А. Зимин [4, с. 211] актором GR считают орган государственной власти или местного самоуправления, а адресатом — население и отдельные общности. Авторы рассматривают government relations как неотъемлемый элемент целостной системы государственного и муниципального управления. Государственная и муниципальная власть,

обязанная обеспечивать конституционное право граждан на объективную информацию, опирается на службы связей с общественностью, призванные, в свою очередь, обеспечивать систему политического влияния и реализацию в государственной политике принципов свободы и справедливости, формирование цивилизованной GR-платформы в информационной открытости государственных органов [4, с. 211].

Существенная разница данных подходов состоит в различном понимании того, кто является субъектом и объектом GR-коммуникаций. По мнению автора, для решения данной дилеммы закономерно развести оба значения и выделить отдельно GR-коммуникации как связи с органами власти и государственный PR (или управление коммуникациями, информационная политика органов власти). Инициатива GR-коммуникаций исходит от коммерческих и некоммерческих организаций, общественных объединений, движений и ассоциаций как составляющих элементов гражданского общества. Объектом воздействия в данном случае становятся органы государственной и муниципальной властей. Государственный PR, напротив, исходит от органов власти и нацелен на воздействие на общество в целом и отдельного гражданина в частности. Таким образом, под GR-коммуникациями подразумевается политическая деятельность, инициированная коммерческими и некоммерческими организациями, группами давления и другими субъектами политических отношений и направленная на принятие определенных решений органами власти.

Область воздействия субъектов политики на органы власти называют лоббистской деятельностью, поэтому GR часто отождествляют с лоббизмом. В широком (обывательском) смысле под лоббизмом понимают любую деятельность граждан, ассоциаций бизнеса, партий и других организованных групп давления (в том числе и политических) по отстаиванию своих интересов. В рамках этого подхода лоббизм — это не только давление бизнеса, общественных организаций на органы власти, но и деятельность самих субъектов власти, направленная на продвижение своих корпоративных интересов, получение особых властных преференций и т. п. Странники широкого понимания термина считают, что вполне допустимо говорить о лоббизме Президента, Правительства, депутатском лоббизме и т. д. [5, с. 1].

Странники другого подхода полагают, что расширение состава участников лоббистской деятельности лишает понятие присущей ему специфики, делая возможным его применение при описании любого взаимодействия, одной из сторон которого выступает представитель органа государственной власти. Российский ученый А. Автономов предлагает не путать понятия и четко определить термин «лоббизм» как «действие представителей негосударственных организаций в ходе контактов с представителями государственных органов и органов местного самоуправления с целью добиться принятия (или неприятия) органами власти решений в соответствии с интересами специальных

групп, выражаемыми указанными организациями» [1, с. 69–75]. Ученый считает ошибочным зачислять в лоббисты партийные фракции, депутатские группы, государственных должностных лиц и пр.

В любом случае, говоря о лоббизме, в преобладающем большинстве случаев имеют в виду продвижение интересов в органах законодательной, исполнительной власти, а также в Администрации президента, органах власти региона и местного самоуправления. Крайне незначительное число специалистов понимают различия между ними, многие полагают, что эти понятия идентичны (Е. Н. Минченко) [15], по мнению некоторых, одно включает в себя другое (А. Ольшевский, К. Блэк) [3, с. 42; 10, с. 11–23].

Ключевую функцию GR и его отличие от лоббизма определил сопредседатель комитета по Government Relations РАСО И. Минтусов: «Специалисты в области GR — это люди, которые строят мост между властью и бизнесом, для того чтобы по этому мосту могли свободно идти лоббисты с «интересными» предложениями для власти» [15].

Из приведенных определений следует, что GR — это специфический вид политических отношений, связанный с взаимодействием власти и общества в целом и отдельных его сегментов.

Выделим ряд специфических характеристик GR в системе управления политико-коммуникативными процессами.

1. *Взаимодействие предмета и объекта GR-коммуникаций.* Ранее мы разграничили GR от политических коммуникаций органов власти. Между тем в политико-коммуникативном пространстве происходит взаимодействие названных коммуникаций.

Деятельность органов государственной власти затрагивает все стороны жизни общества и потому зависит от работы с общественностью. Специфика работы государственных структур состоит в том, что они призваны отражать интересы страны в целом, всех граждан или значительной их части. Актуальная задача государственного аппарата любой страны — обеспечение вовлеченности граждан в решение проблем общества: обеспечение экономической стабильности, снижение преступности, безработицы, рост уровня жизни населения. Технологии управления политическими коммуникациями органами власти, с одной стороны, служат одним из средств преодоления отчужденности власти и общества, с другой стороны, позволяют создавать позитивный образ действующей власти. В данном случае GR-коммуникации и государственный PR преследуют одну цель: выстроить максимально прозрачные и эффективные отношения власти и НКО, партий, профсоюзов, СМИ, социальных групп.

В России сегодня практически каждый орган государственного управления федерального и регионального уровня, а также местного самоуправления имеет свою службу связей с общественностью, пресс-службу, пресс-секретаря

или ответственного за эту функцию. Данные службы информируют общественность о работе органов государственного управления, представляя новости в СМИ, готовят публичные выступления официальных лиц, организуют проведение круглых столов, форумов, ведут работу с целевыми группами общественности: бизнесом, общественными организациями, лидерами мнений. Для своевременного обнаружения социальных проблем властью создаются консультативные общественные советы, в состав которых входят представители органов власти и общественно-политических организаций.

2. *Каналы коммуникации.* Для влияния на власть структуры гражданского общества используют спектр коммуникаций, которые условно можно подразделить на публичные (посредством СМИ, общественной экспертизы) и непубличные (от коммуникаций с членами исполнительной и представительной власти, лоббирования вплоть до подкупа и шантажа).

GR-коммуникации в большей степени отличает сочетание публичности, открытости и вместе с тем кулуарности и завуалированности. Провести четкую грань между публичностью и кулуарностью зачастую не представляется возможным. Теневая сторона политических коммуникаций — это одновременно и продолжение публичной политики, и самостоятельная сфера, где происходит принятие политических решений. Кроме того, обе составляющие политического процесса взаимно влияют друг на друга. Так, массовая общественная поддержка политического проекта способна повлиять на статус его руководителя среди властной элиты, а объектом коммуникации может стать как публика, так и элитарные группы.

И наконец, в местных сообществах могут существовать структуры неформальной власти, лидеры общественного мнения. Их субъекты имеют влияние на общественное мнение, часто порождают протестное поведение, что чревато непредсказуемыми последствиями. Задача GR по отношению к местному сообществу — поддержание диалога, режима консультаций, в ходе которых должно происходить разъяснение деятельности и планов субъекта коммуникации.

3. *Управление GR-коммуникациями часто граничит и дополняется политическим администрированием.* Одна из технологий GR — наличие в органах власти «опорных» чиновников и депутатов. В GR также используется практика административного воздействия на мнение общественности, СМИ и другие субъекты политики.

4. *Government relations как технология используется в российской практике и имеет свои отличительные характеристики.* Особенность GR-коммуникаций в России заключается в их направленности в сторону органов исполнительной власти. Лидирующие позиции в системе представительства интересов занимает крупное предпринимательство. Другая характеристика — остающаяся исключительно высокой в области GR роль первых лиц — руководителей предприятий и компаний. Это связано как с важностью дан-

ного направления работ, так и с отсутствием квалифицированных кадров топ-менеджеров в области GR.

Таким образом, GR можно рассматривать как специфическую систему политических коммуникаций, с помощью которой осуществляется взаимодействие государства и общества, используются каналы горизонтальной и вертикальной коммуникации, обеспечивается баланс интересов участников политического процесса. Вместе с тем двойственность публичного и теневого в GR-коммуникациях позволяет сравнить GR с айсбергом, где видимая часть — это результат теневого взаимодействия субъектов политики.

Библиографический список

1. Автономов А. С. Лоббизм и политические партии // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1995. № 3.
2. Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров: учебник. М.: ИКФ «Экмос», 2002.
3. Блэк К. Конкретный и конкурентный PR. М.: Эксмо, 2004.
4. Боброва И. И. Зимин В. А. Черный PR? Белый GR! Цветной AR: менеджмент информационной культуры. М.: Вершина, 2006.
5. Бятец М. В. Лоббизм в правотворческой деятельности // Правоведение. 1998. № 1.
6. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004.
7. Кондратьев Э. В., Абрамов Р. Н. Связи с общественностью: учеб. пособие для высшей школы. М.: Академический Проект, 2005.
8. Конецкая В. П. Социология коммуникаций. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.
9. Малинова О. Ю. Трансформация публичной сферы и перспективы гражданского общества в постсоветской России (1980–2000) // В поисках гражданского общества. Новгород: НовГУ, 2008.
10. Ольшевский А. С. Антикризисный PR и консалтинг. СПб.: Питер, 2003.
11. Основы теории коммуникаций/под ред. проф. М. А. Василика. М.: Гардарики, 2006.
12. Пономарев Н. Ф. Связи с общественностью: социально-психологические аспекты. СПб.: Питер, 2008.
13. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000.
14. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5.
15. Толстых П. А. Лоббизм, Government Relations (GR) и Public Affairs (PA): к истокам понятий. URL: <http://www.raso.ru/>
16. Яковлев И. П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб.: Аквалон, Азбука-классика, 2006.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

Е. С. Мурзаева¹

Дается является институциональный анализ системы органов, содействующих занятости молодежи на федеральном, региональном и местном уровнях. Обосновывается необходимость функционирования системы органов, содействующих трудоустройству молодежи и выступающих в качестве посредников, а также своевременной и полной информированности молодежи о состоянии рынка труда, новых востребованных профессиях, вариантах трудоустройства на постоянную и временную работу. Важная роль отводится эффективным способам поиска работы, грамотного составления резюме, успешного прохождения собеседования с работодателем.

Ключевые слова: новый институционализм, центры занятости населения, органы местного самоуправления.

The institutional analysis of system of the bodies promoting employment of youth at federal, regional and local levels is given. Need of functioning of system of the bodies which are promoting employment of youth and representing itself as intermediaries, and also timely and full knowledge of youth of a condition of the labor market, new demanded professions, employment options for continuous and temporary job locates. The important role is allocated for effective ways of job search, competent drawing up of the summary, successful passing of interview with the employer.

Key words: new institutionalism, employment centres, local selfgovernment bodies.

Конституция РФ провозгласила право каждого на защиту от безработицы. Закон о занятости населения определил правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения. Граждане вправе выбирать место работы путем прямого обращения к работодателю, путем бесплатного посредничества органов службы занятости или с помощью других организаций по содействию в трудоустройстве населения. Государством создана система органов, содействующих занятости моло-

¹ Мурзаева Елена Сергеевна – соискатель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: 53256@mail.ru

дежи и призванных сократить молодежную безработицу. Они имеют свою иерархию, функционируют согласно целям их создания и деятельности. Именно они отвечают за реализацию программ содействия занятости и сокращения молодежной безработицы. Цель данной работы — исследование государственной политики в области обеспечения занятости молодежи с позиций старого и нового институционализма (основанного на предпосылках теории рационального выбора, социального конструктивизма, исследующего роль институтов как посредников в конфликто-разрешении). Изучать политические институты в сфере государственной политики необходимо в связи с тем, что им принадлежит приоритетная роль в политической жизни страны. Политические институты служат инструментами реализации власти. Набор методов исследования ограничен его целями и задачами. За основу были взяты описательно-индуктивный и формально-легальный методы, позволяющие наиболее полно и всесторонне охарактеризовать институты государства, созданные для реализации государственной политики в сфере занятости молодежи.

Институциональный подход к анализу политических процессов широко использовали Т. Веблен, У.К. Митчелл, Дж.М. Кларк и Дж. Коммонс для исследования причин возникновения и последствий деятельности политических институтов, изучения правил, процедур и формальных организаций правительства. Таким образом, в данном подходе первостепенное значение придается политическим институтам. Т. Веблен под институтом понимал привычный образ мышления, который имеет тенденцию продлевать свое существование очень долго. Институционалисты не только рассматривали формальные институты, но и уделяли внимание привычкам и традициям. Однако поведение индивида полностью предопределено институциональными рамками. Изучаемые институты должны быть конкретными. Кроме институтов институционалисты анализировали формально-правовые аспекты государственного управления.

К основным методам институционального подхода относятся описательно-индуктивный, формально-легальный, историко-компаративистский.

При помощи описательно-индуктивного метода описываются и анализируются феномены, случившиеся в прошлом, но объясняющие современность. Формально-легальный подход состоит из двух элементов. Легальным он является потому, что исследует публичное право, а формальным — так как изучает официальные правительственные документы. Историко-компаративистский подход исходит из исторического взгляда на изучаемые явления при их сравнительном исследовании [1, с. 111].

Достоинство институциональной теории состоит в пристальном внимании к незначительным деталям, которые очень часто оказывают сильное влияние на поведение институтов и индивидов. Кроме того, институционалисты одними из первых выступили за самостоятельность политической науки.

К недостаткам институционализма следует отнести ограничение предмета анализа, формальный подход к изучению политических институтов, невнимание к неполитическим основам политического поведения людей, отсутствие формулировок общих закономерностей развития.

Институциональный подход имеет несколько течений.

К одному из них относится конституционализм, представители которого недовольны существующими конституциями и говорят о необходимости их реформирования.

Еще одно течение в институционализме — общественное управление (public administration). Представители данного подхода основное внимание уделяют изучению институциональных условий для государственной службы. Они исследуют деятельность власти, участвующей в общественном управлении, анализируют ее историю, структуру, функции, прерогативы, проделанную работу и степень эффективности.

В рамках институционального подхода можно также выделить теорию организации, для которой характерен интерес к формальной организации. Теория организаций вне общественного управления имеет небольшое влияние в политической науке, так как игнорирует институты, называя их тривиальными организациями.

Широкое признание в институционализме получил новый институционализм. Впервые термин «новая институциональная концепция» был применен О. Уильямсоном в работе «Рынки и иерархии». К представителям комплексного неинституционального подхода можно отнести П. Ди Маджио, У. Паулла, П. Холла и Р. Тэйлора. Новый институционализм отличается от традиционного тем, что он воспринял ряд принципов других методологических подходов: неоклассической экономики и традиционного институционализма. Особое внимание уделено теории развития и количественным методам анализа. Неинституционалисты не ограничиваются простым описанием институтов. Они также исследуют неформальную структуру политических институтов и применяют поведенческий подход.

П. Ди Маджио различает в неинституционализме три направления: подход, основанный на теории рационального выбора; подход, базирующийся на социальном конструктивизме; неинституциональный подход, актуализирующий функцию институтов как посредников в разрешении конфликтов. В основе их различий лежат: актуализация формальных или неформальных норм и правил, представление об акторе и причины институциональных изменений.

Неинституциональный подход, базирующийся на предпосылках теории рационального выбора, рассматривает институты как правила игры, исследует формальные законодательные акты, описывающие эти правила.

Неоинституциональный подход к исследованию роли институтов как посредников в конфликтообразовании акцентирует внимание на посреднических функциях государства и других институтов в разрешении конфликтов.

Неоинституциональный подход, основанный на предпосылках социального конструктивизма, исследует преимущественно неформальные институты (традиции, привычки).

Институциональные изменения представляют собой процесс распространения поведенческих сценариев, возникающих в процессах обучения и социальной практики.

Среди направлений новой институциональной теории можно также назвать теорию конвергенции, теорию постэкономического общества, экономику глобальных перемен и теорию согласований.

Беркли Нил Флигстин выделил отличительные черты новой институциональной теории, присущие всем направлениям и подходам: общую направленность на анализ конструирования локальных социальных порядков; актуализацию роли институтов как условий, обеспечивающих возможность социального взаимодействия и делающих возможным развитие различных стратегий такого взаимодействия. Институты в трактовке нового институционального подхода понимаются как правила и разделяемые участниками взаимодействия смыслы, подразумевающие, что люди знают об их существовании или что они могут быть осознаны.

Основные причины широкого интереса к новой институциональной теории заключаются в возможности по-другому взглянуть на природу государства, некоторые процессы и элементы государственной политики и управления. Новая институциональная теория расширяет исследовательские возможности за счет существования множества точек равновесия, разработки интерпретативной концепции рациональности, учета нестабильности и разнообразия предпочтений в процессе принятия решений, а также актуализации проблемы трансакционных издержек [2, с. 228].

Рассматривая проблемы занятости молодежи с позиции старого институционализма, следует выявить причины создания органов, занимающихся трудоустройством. Так, в СССР благодаря всеобъемлющему планированию и распределению специалистов безработица отсутствовала. Включение молодежи СССР после обучения в общеобразовательных школах, профтехучилищах или вузах в трудовую деятельность происходило стандартно. Большинство молодых людей начинали трудовую деятельность на государственных предприятиях или в учреждениях. Сложное положение молодого поколения 1990-х гг. заключалось в том, что они первыми за многие десятилетия входили в самостоятельную жизнь. Необходимо было строить трудовые отношения в период утверждения рыночных связей со своими законами.

Постановлением Правительства РФ № 42 в 1993 г. была создана Федеральная служба занятости России. Она должна была осуществлять руководство работой по обеспечению государственной политики занятости всего населения в Российской Федерации.

В условиях развала ВЛКСМ важное значение имело создание государственных исполнительных структур (комитетов, управлений, отделов) по делам молодёжи в администрациях субъектов Российской Федерации, которое началось с весны 1990 г. вслед за прекращением деятельности комсомольских органов и формированием постоянных молодёжных комиссий в Советах народных депутатов всех уровней [4, с. 141]. Основные направления деятельности этих органов — решение проблем занятости молодёжи, в том числе выпускников учебных заведений и демобилизованных военнослужащих; включение молодёжи в производственные формы деятельности, в том числе предпринимательство и фермерство.

Если исходить из неинституционального подхода, основанного на предпосылках теории рационального выбора, то необходимо провести анализ нормативных актов, устанавливающих структуру органов занятости, а также регулирующих деятельность по содействию занятости в Российской Федерации и ее субъектах. Среди федеральных нормативных актов основным является Закон РФ «О занятости населения в РФ». Согласно ст. 7, 7.1, 7.2 данного закона органы занятости подразделяются на три группы:

- 1) федеральные органы государственной власти;
- 2) органы государственной власти субъектов Федерации, которым Российской Федерацией переданы полномочия в области содействия занятости населения;
- 3) органы местного самоуправления.

К федеральным органам государственной власти относятся Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) и Федеральная служба по труду и занятости (Роструда). Оба они представляют собой органы исполнительной власти. При этом Роструда находится в ведении Минздравсоцразвития России. Роструда осуществляет контроль и надзор в сфере труда и занятости (как непосредственно, так и через свои территориальные органы). В структуре центрального аппарата Роструда функционирует Управление надзора и контроля за предоставлением государственных услуг в сфере занятости населения. Территориальным органом Роструда в Краснодарском крае является Государственная инспекция труда [14].

Минздравсоцразвития России вырабатывает государственную политику и осуществляет нормативно-правовое регулирование в сфере занятости населения и безработицы [13].

В соответствии с Законом Краснодарского края «Об органах труда и занятости населения Краснодарского края» к органам государственной власти края, осуществляющим переданные Российской Федерацией полномочия в области занятости населения, относятся Департамент труда и занятости населения Краснодарского края и государственные учреждения края — центры занятости населения в муниципальных образованиях [12].

Департамент труда и занятости населения, будучи органом исполнительной власти Краснодарского края, возглавляет систему органов труда и занятости населения в Краснодарском крае. Департамент подконтролен главе администрации (губернатору) Краснодарского края, заместителю главы администрации Краснодарского края, курирующему вопросы социального развития, Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Федеральной службе по труду и занятости. Департамент решает следующие основные задачи: обеспечение реализации мер государственной политики в области занятости населения и защиты от безработицы на территории края; организация контроля за обеспечением государственных гарантий в области занятости населения; разработка краевых целевых программ содействия занятости населения; участие в определении основных направлений развития и совершенствования системы профессиональной ориентации и психологической поддержки, профессиональной подготовки, повышения квалификации, переподготовки безработных граждан и незанятого населения в Краснодарском крае; организация работы центров занятости населения, включая реализацию специальных программ для граждан, испытывающих трудности в поиске работы (в том числе для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет; граждан в возрасте от 18 до 20 лет из числа выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые); организация работы по обеспечению государственных гарантий и компенсаций безработным гражданам.

Центры занятости населения подчиняются в своей деятельности департаменту. К задачам центров занятости относятся: участие в реализации на территории муниципального образования государственной политики в области содействия занятости населения и защиты от безработицы; развитие трудовых ресурсов; поддержка трудовой и предпринимательской инициативы граждан; обеспечение государственных гарантий гражданам в области занятости и защиты от безработицы; осуществление мероприятий, способствующих занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы; предупреждение массовой и сокращение длительной (более одного года) безработицы; объединение усилий участников рынка труда и согласованность их действий при реализации мероприятий по содействию занятости населения.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает, что органы местного

самоуправления — это избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Закон РФ о занятости перечисляет полномочия органов местного самоуправления в сфере занятости. Это организация и финансирование оплачиваемых общественных работ; временное трудоустройство несовершеннолетних (от 14 до 18 лет) в свободное от учебы время, безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы, безработных граждан в возрасте от 18 до 20 лет из числа выпускников образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые; проведение ярмарок вакансий и учебных рабочих мест; содействие органам службы занятости в получении достоверной информации о занятости граждан.

Методические рекомендации по организации работы органов местного самоуправления с детьми и молодежью предусматривают осуществление работы с молодежью во всех муниципальных образованиях: поселении, муниципальном районе и городском округе. При этом рекомендуются следующие направления работы по обеспечению занятости и трудоустройству молодежи: создание выездных молодежных, студенческих трудовых отрядов, в том числе международных; организация смен лагерей труда и отдыха дневного пребывания (круглосуточного пребывания); организация временных рабочих мест для трудоустройства молодежи; организация занятости молодых людей с ограниченными возможностями [9].

Все три категории органов содействуют занятости населения разных возрастных групп, в том числе и молодежи. Однако созданы и функционируют органы, которые занимаются трудоустройством исключительно молодежи. Это два государственных бюджетных учреждения Краснодарского края — Молодежный центр инноваций и технологий «Инвентум» и Молодежный кадровый центр. Они находятся в подчинении Департамента молодежной политики Краснодарского края и реализуют такие направления его деятельности, как решение вопросов занятости, трудового воспитания молодежи, а также формирование условий для развития инновационной деятельности молодежи. Так, за 2010 г. к специалистам Молодежного кадрового центра и специалистам по трудоустройству в муниципальных образованиях Краснодарского края с целью трудоустройства обратилось 29770 молодых людей. Содействие в трудоустройстве было оказано 20629 чел., из них 1464 чел. трудоустроены на постоянную, 19165 чел. — на временную работу. В сравнении с 2009 г. в 2010 г. численность молодежи, обратившейся к специалистам по трудоустройству, увеличилась на 152 человека, а показатели трудоустройства и занятости молодежи возросли на 3939 чел. В 2009 г. коэффициент трудоустройства составил 56%, а в 2010 г. — 69% от общего числа обратившихся [3, с. 3].

Если исходить из неинституционального подхода, исследующего роль институтов как посредников в конфликто разрешении, то можно сделать вывод о том, что государство выступает в роли посредника по вопросам трудоустройства через систему создаваемых им органов. Так, согласно ст. 37 Конституции РФ труд свободен, принудительный труд запрещен, каждый имеет право на защиту от безработицы [5]. А ст. 5 Закона РФ о занятости закрепляет, что государство проводит политику содействия реализации права граждан на полную, продуктивную и свободно избранную занятость.

Взяв за основу неинституциональный подход, основанный на предпосылках социального конструктивизма, следует обратить внимание на мероприятия, реализуемые в целях информирования молодежи о возможностях трудоустройства по выбранной ими профессии.

Доведение информации до молодежи может осуществляться посредством различных каналов: публикация в СМИ отчетов о трудоустройстве, перечней профессий и специальностей с указанием перспектив трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования; проведение интернет-конференций по вопросам трудоустройства; организация форумов на сайтах образовательных учреждений профессионального образования, администраций субъектов Российской Федерации и служб занятости населения субъектов Российской Федерации; проведение профориентационного тестирования для учащихся и выпускников школ с целью определения их склонности к определенным профессиям; проведение специализированных выставок, ярмарок вакансий; привлечение специалистов служб занятости к проведению индивидуальных и групповых консультаций с целью содействия профессиональному самоопределению подростков с учетом их профессиональных интересов; организация работы временных и передвижных консультационных пунктов служб занятости в образовательных учреждениях общего и профессионального образования [10].

По данным опроса молодежи, проведенного Молодежным кадровым центром, основным источником информации о возможности трудоустройства служат печатные издания и телевидение. В 2010 г. большинство молодежи, обратившейся за помощью в трудоустройстве, отдали предпочтение профессиям менеджера, экономиста, бухгалтера и педагога, а также специалиста в сфере обслуживания и IT-технологий. В сравнении с 2009 г. в 2010 г. наблюдался рост популярности вакансий: педагога, IT-специалиста, повара, кондитера и рабочих специальностей. Анализ вакансий, поступающих в базу данных от работодателей к специалистам по трудоустройству в муниципальных образованиях края в 2010 г., свидетельствует о большом количестве заявок на рабочие специальности, на профессии водителей и торговых представителей, специалистов сферы обслуживания и торговли. Практически отсутствуют заявки на дизайнеров, юристов, инженеров. С целью широкомасштабного информирования

молодых людей о состоянии рынка труда Краснодарского края, новых востребованных профессиях, а также возможных вариантах трудоустройства на постоянную и временную работу специалисты Молодежного кадрового центра проводили семинары для студентов профессиональных учебных заведений. В тренингово-игровой форме студенты познакомились с эффективными способами поиска работы, правилами составления резюме, прохождения собеседования с работодателем, а также совместно со специалистами по трудоустройству рассматривали возможные варианты ответов на каверзные вопросы интервьюера при прохождении собеседования [3, с. 12].

Таким образом, государственная политика в области обеспечения занятости молодежи реализуется на федеральном, региональном и местном уровнях. Существует единая система органов исполнительной власти со строгой иерархией. Они призваны содействовать занятости всего населения страны. Органы местного самоуправления не входят в систему органов исполнительной власти, хотя на них тоже возложены отдельные вопросы содействия занятости. В Краснодарском крае функционируют органы, которые занимаются вопросами трудоустройства исключительно молодежи. Так, к направлениям деятельности Молодежного центра инноваций и технологий «Инвентум» относятся формирование условий для развития инновационной деятельности молодежи, а также вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность. Молодежный кадровый центр создан в целях организации трудоустройства молодежи на временную, сезонную и постоянную работу и изучения возможностей работодателей в обеспечении занятости молодежи. Кроме трудоустройства центр организывает и проводит универсальные или специализированные ярмарки вакансий, форумы, слеты, круглые столы и семинары по вопросам трудоустройства и занятости молодежи Кубани. Немаловажную роль играет информационная работа в целях предотвращения перенасыщения рынка труда невостребованными специалистами. Основным источником информации для молодежи служат СМИ.

Библиографический список

1. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2000.
2. Государственная политика и управление. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: РОССПЭН, 2006.
3. Занятость и безработица молодежи Кубани: Информационный бюллетень. Краснодар: Молодёжный кадровый центр, 2010.
4. *Касьянов В.В.* Государственная молодёжная политика в России: опыт, проблемы, перспективы. Краснодар: Периодика Кубани, 2010.
5. Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2009.
6. О Департаменте молодежной политики Краснодарского края: Постановление главы администрации Краснодарского края от 28.04.2007 № 406 // Кубанские новости. 2007. 10 мая.

7. О Департаменте труда и занятости населения Краснодарского края: Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 13.05.2010 № 362 // Кубанские новости. 2010. 22 мая.
8. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032–1 // Российская газета. № 84. 06.05.1996.
9. О методических рекомендациях по организации работы органов местного самоуправления в решении вопросов организации и осуществления мероприятий по работе с детьми и молодежью: Письмо Минобрнауки РФ от 30.05.2006 № АС-588/06 // Вестник образования. 2006. № 13–14. Июль.
10. О системе информирования абитуриентов о трудоустройстве: Письмо Минобрнауки РФ от 01.04.2011 № 12–538 // Вестник образования России. 2011. № 15. Август.
11. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
12. Об органах труда и занятости населения Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 28.06.2007 № 1258-КЗ // Кубанские новости. 2007. 3 июля.
13. Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения и социального развития Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 321 // Российская газета. 2004. 8 июля.
14. Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости: Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 324 // Российская газета. 2004. 8 июля.
15. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М.: ИНФРА-М, Весь мир, 2001.

ПОНЯТИЕ «МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» В СООТНОШЕНИИ СО СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

.....

М. А. Шебанова¹

Неоднозначность в определении научных понятий во все более комплексном и громоздком категориальном аппарате общественных наук препятствует дальнейшему развитию теории. В частности, в анализе мирового развития не достигнут консенсус среди исследователей по поводу соотношения категорий «мировая политика», «международные отношения», «транснациональная политика» и «глобальная политика». Задачей данной работы является обобщение существующих подходов к определению этих понятий, а также преодоление противоречий, заложенных в некоторых выводах теоретиков.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, транснациональная политика, глобальная политика, глобализация.

The ambiguity in the definition of scientific notions in the categorical apparatus of social science, which is becoming more and more complicated and voluminous, is an obstacle in the way of the further development of theory. In particular, in the analysis of world development there is not yet achieved the consensus between scientists regarding the definition and correlation of the notions «world politics», «international relations», «transnational politics» and «global politics». The target of this article is to generalize the existing approaches to defining these categories, and to overcome the contradictions of some theoretical findings.

Key words: world politics, international relations, transnational politics, global politics, globalization.

Задача данной статьи — уточнение и соотнесение понятий «мировая политика», «международные отношения», «транснациональная политика» и «глобальная политика». Сегодня эта задача не имеет однозначного и непротиворечивого решения. Хотя все перечисленные категории предполагают обращение к схожей проблематике и соответствующие научные дисциплины имеют общие объекты анализа (распределение власти и политическое управление на миро-

¹ Шебанова Мария Андреевна – аспирант кафедры политического анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Эл .почта: nowhere.now.here8@gmail.com

вом уровне, институциональные и неинституциональные субъекты власти и управления и их отношения, а также более широкий круг явлений, связанных с их взаимодействиями, среди которых важное место занимают новейшие тенденции мирового развития), они одновременно подразумевают различные, а иногда и противоположные подходы к идентификации предметной области исследования. Попытка соотнести эти понятия приводит к серьезным трудностям, поскольку в теории существует множество противоречащих друг другу трактовок. Проиллюстрируем это цитатой из утвержденной Министерством образования РФ учебной программы «Мировая политика»: мировая политика «выделяется то как более широкое понятие, чем международные отношения, то как часть международных отношений, включающая в себя только межгосударственное или, наоборот, лишь негосударственное взаимодействие на мировой арене» [6]. Такая же неоднозначность стоит за каждым из перечисленных терминов. В целом работа теоретиков в данной области несогласованна, так что довольно сложно говорить даже о некоем «мейнстриме» и полагаться на «общепринятые подходы».

Однако мы попытаемся выделить некую общность взглядов, совмещая аналитические призмы теоретиков, и рассмотрим подход к анализу мирового развития, который так или иначе устоялся на определенном этапе развития теории. В целом сложилось понимание, что международные отношения трансформировались в последние десятилетия в мировую политику (либо, что международные отношения — если этой категории условно присваивается наибольший объем — вступили в мирополитическую фазу [14], наступил постклассический этап их развития) [18]. То есть концепт мировой политики отражает новейшие тенденции мирового развития, в то время как концепт международных отношений соответствует более ранним его этапам, а в настоящее время утрачивает свою актуальность. Если международные отношения ассоциируются с вестфальской системой, то мировая политика названа поствестфальской, или постмеждународной. Наряду с перечисленными терминами используется также понятие «*новые* международные отношения», противопоставляемые *традиционным*.

Концепт новизны объединяет множество тенденций, на основе которых развивается мировая политика. Можно наблюдать довольно радикальный пересмотр принципов теории международных отношений. Ведущие российские политологи, полагаясь во многом и на концепции западных теоретиков, утверждают, что в контексте перемен последних десятилетий в теории возникла потребность разграничить предметные области исследования международных отношений (соответствующих вестфальскому порядку) и мировой политики (как области знаний, отражающей альтернативные направления его эволюции). Дискуссия по данной проблеме велась учеными в первой половине 2000-х гг. на страницах журналов «Полис» и «Международные процессы».

В основе качественного изменения мировой среды исследователи выделили два главных тренда.

Во-первых, это смена субъекта, когда в складывающейся системе принятия политических решений на мировом уровне на ведущих ролях выступают не только нации-государства, но и негосударственные участники, а также смешанные коалиции. Развиваются транснациональные отношения, выходящие за рамки и проницающие рамки межгосударственных взаимодействий. Дж. Розенау одним из первых в середине 1960-х гг. указывал на структурные изменения во взаимодействиях субъектов мировой политики в связи с ростом влияния негосударственных акторов [18]. Несколько позднее проблема субъектов отношений в поле мировой политики была рассмотрена в работе теоретиков неолиберальной школы международных отношений Дж. Ная и Р. Кохейна «Транснациональные отношения и мировая политика». Они описывали феномен транснациональной политики на основе многообразия участников отношений власти, включая ТНК, международные организации, НКО, финансовые группы и др. [17, с. 27]. Исследователи указывали на «связи, коалиции и взаимодействия, которые формируются вне зависимости от территориальных границ государства и находятся за пределами контроля со стороны центральных органов его внешней политики» [19, с. 147]. Они заявили о парадигмальном характере теории транснационализма, утверждая, что классическая государственно-центрическая парадигма международных отношений «была более полезна в прошлом», но «не отвечает требованиям современности» и еще меньше будет отвечать им в будущем [8, с. 165]. Согласно этой концепции, на которую ссылаются авторитетные российские теоретики в описании предмета мирополитического анализа, в мировой политике (т. е. на новой стадии мирового развития) важную роль играют транснациональные взаимодействия, в которых все больший вес приобретают неправительственные участники. Речь идет и о «возникновении автономных акторов с собственной внешней политикой, способных противостоять и даже посягать на политику государств» [8, с. 157]. По мнению российских политологов, «постинтернационализация политики», т. е. появление транснациональной политики, включающей отношения между различными транснациональными акторами, — это один из наиболее влиятельных векторов современного политического развития [16, с. 108]. В первую очередь ученые обращают внимание на роль ТНК. Как указывает А. Д. Богатоуров, «ТНК стали крупнейшими игроками международной политики еще в конце 60-х годов прошлого века, и по крайней мере с середины 80-х годов мысль эта для отечественных публикаций была почти банальной» [3]. М. М. Лебедева отмечает, что начиная с 1970-х гг. наблюдалось увеличение числа транснациональных акторов на мировой арене, расширение географии их деятельности. Она стала охватывать практически все сферы, включая информационную, что позволяет транснациональным сетевым СМИ, ориентированным на всемирную аудиторию, «формировать глобальную повестку дня», «включая сферу

безопасности, которая традиционно была государственной» [9]. В результате усиления нетрадиционных акторов безопасность как один из важных приоритетов, обозначенных в программах публичных политических институтов, перестает зависеть лишь от конфигурации международной системы реализма. М. М. Лебедева также указывает на «гибридизацию акторов, невозможность жесткого разделения на государственные и негосударственные акторы» в связи с «созданием различного типа партнерств государства и бизнеса, НПО и государства, бизнеса и НПО и т. п.» [9]. Аналогичный вывод делает Дж. С. Баркин в своей книге «Международные организации: теории и институты» [25].

Смена субъекта приводит также к изменению характера наднациональных структур. Термин «транснациональные», который нередко используется при их описании, означает, что они поддерживаются не только государствами, но и негосударственными участниками мирового политического процесса, возрастающая роль которых меняет принципы отношений в мировой политике. Помимо того, что негосударственные участники, и главным образом ТНК, аккумулируют значительные ресурсы, они в ряде случаев получают представительство в международных организациях. Некоторые правовые доктрины признают за ТНК статус субъектов международного права. Выдвигается концепция квазимеждународного права, или транснационального права (правовед В. М. Шумилов использует эти термины как синонимы), как системы соглашений между частными субъектами либо соглашений ТНК с государствами [23]. А. И. Неклесса указывает на упразднение межгосударственной системы к концу XX в. в связи с появлением «международных регулирующих органов нового поколения» — элитарных, а не эгалитарных. Принцип «одна страна — один голос» замещается альтернативными принципами либо неформальными процедурами принятия решений [12]. Иными словами, народы, или нации, перестают быть (и считаться) главными субъектами отношений в мировой политике.

В этом же ключе одновременно с усилением негосударственных акторов отмечается ослабление государств на мировой арене. Данная проблема широко обсуждается и российскими, и западными исследователями. Предполагается, что «государство... уже не играет столь доминирующую роль, как это было в прошлом: возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственным» [7, с. 442]. Это связывается с частичной утратой контроля со стороны государств над информационной, финансовой сферами, а также правового и политического контроля в связи с расширяющимся вмешательством международных организаций в вопросы внутреннего управления государств. Развиваются идеи о «глобальном гражданстве» и о необходимости «глобального управления» в связи с появлением общих для стран проблем — в сфере экономики, экологии, военной безопасности, в вопросах о правах человека и др. Международные суды рассматривают дела государств, а также от-

дельных граждан. Политологи подчеркивают такую международно-правовую новацию, как «практика судебного преследования со стороны международных и иностранных органов правосудия отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих высокие государственные посты» [12]. В результате «интенсивного размывания границ между внутренним и внешним в политической жизни» появляются возможности осуществления гуманитарных интервенций и вмешательства в дела других государств с точки зрения международного права [2]. Эти и другие процессы описываются концепцией «размягчения суверенитета» государств, которое рассматривается как нарастающий общемировой тренд [1].

Вторым ключевым фактором трансформаций признается «сжатие мира», которое усиливает возможности трансграничного влияния субъектов власти в мировом пространстве. Эта тенденция была отмечена как влекущая за собой коренные изменения в мире еще в середине XX в. [30], однако практически все ученые подчеркивают ее предельно интенсивное нарастание в современности. Данный процесс в совокупности с другими смежными процессами теории называют глобализацией.

Укажем, что сущность глобализации опять же понимается неодинаково, это понятие при углубленном анализе оказывается проблематичным и противоречивым. Если попытаться обобщить преобладающие подходы, феномен глобализации можно описать на стыке нескольких взаимосвязанных процессов последних десятилетий. Во-первых, это интенсификация интеграционных процессов, нарастание взаимосвязанности частей мирового целого, иначе говоря, уплотнение среды, или сжатие пространства-времени. Например, М. А. Чешков определяет глобализацию как «процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества» [20, с. 12]. Во-вторых, следствием взаимосвязанности зачастую становится и усиление взаимозависимости отдельных частей мирового целого и формирование всеобщего, глобального контекста, определяющего локальные события, которые также умозрительно включаются теоретиками в этот контекст. Так, по определению Р. Робертсона, которое широко цитируется, глобализация — это рост влияния факторов мирового значения на действительность отдельных стран [27, с. 8]. Таким образом, можно не просто констатировать цельность мира, но и говорить об обретении им «целостности». Понятие «глобализация», как правило, описывает именно модель целостного, т. е. связанного мира [20, с. 7].

На этом основании некоторые авторы идут дальше и говорят о формировании мировой системы. Р. Робертсон писал, что концепт глобализации как взаимосвязанности мира предполагает приложение модели социальной системы Т. Парсонса к мировому целому [27, с. 8]. Модель мира-системы (ее наиболее распространенную версию) еще в 1970-е гг. предложил И. Валлерстайн, и се-

годня его теория считается одной из основных теорий глобализации и одновременно предтечей глобализационных исследований [21; 29]. Для этого теоретика важно не только существование связей между обществами как элементами мира-системы, для него принципиальное значение имеет также характер этих связей, их способность влиять на структуру отдельных обществ [33, с. 3–11; 34, с. 4]. И. Валлерстайн и его последователи видят в качестве источника глобализации экономическую интеграцию. Согласно данной концепции, структура мира-системы — это структура капиталистической мир-экономики, когда отдельные общества становятся частью глобального предприятия и на основе международного разделения труда воспроизводятся отношения эксплуатации и неравенства в мировом масштабе. Некоторые другие теоретики меньше склонны к экономическому детерминизму и более обобщенно утверждают, что с наступлением глобализации «мир стал воистину единой социальной системой» [13], все большее распространение получает термин «глобальное общество» как сообщество всех людей мира. Становление глобальной системы исследователи также связывают со становлением институциональной структуры и эволюцией политических институтов, «ростом числа официальных организаций» [11]. Говорится о «глобальном переходе» как о «создании политической структуры мира... действительно во всемирном масштабе» [10, с. 101]. В целом, сторонники мир-системных теорий стоят на позиции «глобального детерминизма», объясняя частные ситуации не действиями внутренних сил стран, а внешними факторами — изменением всей мировой системы, или «системы взаимодействий между обществами» [32].

В качестве составляющей глобализационного тренда ученые также рассматривают культурную унификацию мира. Важно подчеркнуть, что культура здесь понимается предельно широко и включает все формы жизнедеятельности человека, в том числе политической организации обществ, экономического уклада, системы ценностей (которая, по сути, является основой социальных взаимодействий) и др. Унификация представляется как следствие усиления взаимосвязанности и взаимозависимости обществ, и одновременно как предпосылка интеграционных процессов. Как обобщенно отмечает А. Д. Богатуров, «в 90-х годах универсальным инструментом уплотнения среды стало нарастание ее финансово-экономико-информационной однородности» [3]. Описывая данную тенденцию, исследователи, как правило, не просто говорят об универсализации различных культурных образцов, но подчеркивают особый характер и направленность этого процесса. Например, Э. Гидденс подразумевает под глобализацией универсализацию национального государства современного типа как политической формы и универсализацию капиталистической системы производства как системы производства благ. Ученый считает глобализацию последствием распространения модернити и называет ее поздней современностью [26, с. 176]. Одной из наиболее популярных версий унификации

мира является американизация, или шире, вестернизация, т. е. продвижение культурных и ценностных стандартов Запада [см. 5].

В общем русле глобализационного тренда также рассматриваются транснациональные процессы. Исследователи выделяют группу транснациональных теорий глобализации, описывающих этот феномен как продукт резкого роста трансграничных социальных практик и связей [29]. Теоретики современного транснационализма утверждают, что глобализация и транснационализация — это взаимосвязанные процессы, которые формируют и подпитывают друг друга [28].

В целом все описанные процессы рассматриваются теоретиками как взаимосвязанные и взаимообусловленные. В частности, тенденция смены субъекта как признак формирования транснациональной политики одновременно описывается как составляющая процесса глобализации. Также отмечается, что прозрачность границ обуславливает взаимозависимость обществ, «побуждает государства все активнее реагировать на происходящие в других странах события», особенно если они связаны с конфликтами или проблемами [10, с. 102]. Кроме того, исследователи указывают, что распад «географических границ социальных и культурных систем» одновременно ведет к культурной унификации [35, с. 3] и т. д.

Итак, мировая политика описывается многими авторами как глобальная, а глобализация — как условие становления мировой политики. К примеру, П. А. Цыганков полагает, что исторически мировая политика «возникает позже международных отношений» и что «последние должны были пройти ряд этапов в развитии, достигнуть зрелости, приобрести характер системности». Усиление взаимозависимости автор считает важнейшей характеристикой новой модели мира, а кульминационным этапом этого процесса — глобализацию, которую он понимает как сжатие пространства и времени, ставшее возможным вследствие развития информационных технологий. Автор заключает, что «именно глобальное измерение лежит в основе тех процессов, которые принято называть мирополитическими». По его мнению, «термин «мировая политика» указывает на всеохватность обозначаемых им явлений и процессов... которые происходят на уровне глобального развития», говорит «о взаимном влиянии глобальных процессов и изменениях странового, локального и регионального характера» [18]. Другой теоретик, А. Д. Богатуров, высказывает схожее суждение о том, что «становление мировой политики связано с тенденцией к уплотнению международной среды и повышению ее проницаемости для импульсов влияния, которые участники международного общения посылают друг другу» [3]. Многие авторы сходятся в оценке, что в результате «интенсификации интеграционных процессов... возникли социальные отношения вселенского, всемирного масштаба, принципиально отличающиеся от «международных отношений»» [13]. Понимание глобализирующегося мира

как постмеждународного характеризует высказывание бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на «саммите тысячелетия» о том, что «послевоенные институты создавались под международный мир, а мы сейчас живем в мире глобальном» [цит. по 4]. Ученые же еще в первой половине 1990-х гг. противопоставляли международный порядок глобальному и рассматривали концепт глобального общества как более релевантный для понимания мировой политики, нежели модель международного общества [31].

Таким образом, в описанной символической системе мировая политика, которая является транснациональной и глобальной, вытесняет, замещает собой международные отношения либо характеризует новую стадию их эволюции. Становление мировой политики как новой фазы мирового развития на основе описанных тенденций смены субъекта, а также других процессов, объединяемых концептом глобализации, предполагает слияние «миров» внешних и внутренних политик разных стран в некой нерасчленяемой сфере «единого мирового политического» [3].

На основе анализа теорий глобализации можно заключить, что понятие «глобальная политика», если его употреблять в строго научном, а не переносном значении, должно подразумевать политику в едином, целостном мире-системе. (Хотя нередко из контекста понятно, что слово «глобальное» употребляется не как научный термин, не подразумевая всей сложности проблематики глобалистики, а лишь указывая на масштаб феноменов). Как было показано, перечисленные нами свойства глобальности, которые описывают ученые, переносятся ими и на понятие мировой политики. Однако это не вполне оправдано. Во-первых, такой подход, по сути, приводит к появлению дублирующих друг друга терминов. Во-вторых, концепт глобализации крайне проблематичен, чтобы опосредовать столь фундаментальные понятия (нет единства ни в идентификации ключевого процесса, определяющего сущность глобализации, ни в обозначении ее хронологических рамок). Кроме того, в ряде исследований сегодня говорится об «откате глобализации» [24]. Наблюдаются тенденции разобщения мира. Некоторые авторы утверждают, что отношения власти и управления в мире не только не имеют системного характера и не образуют единой глобальной структуры [1, с. 226], но и, напротив, «мир на глазах теряет былую устойчивость» [2], растет «уровень хаотизации мировых порядков», наблюдается несогласованность действий различных участников трансграничных процессов [15, с. 19]. Должно ли это свидетельствовать об «откате» мировой политики? Вряд ли кто-либо из теоретиков согласится с таким утверждением.

Науке требуется достаточно емкое понятие мировой политики, которое не будет сводиться лишь к актуальным тенденциям мирового развития, постоянно меняющим свои векторы. Как мы показали, оно вводится в научный оборот, чтобы обозначить явления, выходящие за рамки межгосударственной

системы, и во многом строится на оппозиции к классическим представлениям политического реализма. Использование этого концепта отражает понимание того, что политическая сфера не сводится к международным отношениям (содержание которых, по образному выражению Р. Арона, составляют отношения солдат и дипломатов), она гораздо шире и гораздо сложнее по своей структуре. Важную роль в ней играют транснациональные отношения с участием неправительственных субъектов управления и власти. Это стало особенно очевидно в контексте современных процессов, описанных в теориях глобализации. Однако транснациональные взаимодействия не замещают собой межгосударственные, а дополняют их. Поэтому политическим реалиям нашего мира в большей степени соответствует не представление о трансформации международных отношений в мировую политику, а модель, предложенная Дж. Розенау, которая описывает раздвоение мировой политики на сферу международных (межгосударственных) отношений и транснациональную, образуемую отношениями акторов вне суверенитета [18].

Более того, это раздвоение не является чем-то новым, что можно противопоставить традиционному — дихотомия «новое — традиционное» ошибочно рассматривается в основе соотношения мировой и международной либо транснациональной и международной политики. Историю мировой политики можно представить как эволюцию двойственного мира, описанного Дж. Розенау. Анализ прошлых эпох показывает, что в современных транснациональных структурах можно увидеть развитие тех форм социальной организации, которые существовали ранее [22]. Поэтому глобализацию следует рассматривать не как необходимое условие, а как фактор усиления транснационального доминирования, обретающего новые качества и новые масштабы. Таким образом, транснациональная политика, как и международные отношения, выступает отдельной сферой мировой политики, эволюционирует вместе с ней на протяжении всей истории человеческих обществ. На определенном этапе истории мировая политика может быть охарактеризована как глобальная — это будет зависеть от подхода исследователя к пониманию глобальности и глобализации.

Библиографический список

1. *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005.
2. *Баталов Э. Я.* Предмет философии международных отношений. URL: <http://www.intertrends.ru/four/001.htm>
3. *Богатуров А. Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе. URL: <http://intertrends.ru/four/002.htm>
4. *Дергачев В. А.* Глобалистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
5. *Иноземцев В. А.* Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4.

6. *Козлов Л.Е.* Мировая политика: учебная программа. URL: http://abc.vvsu.ru/Books/mirovaia_politika/page0001.asp
7. *Кохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
8. *Кохэн Р.О., Най Д.С.* Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: хрестоматия. М.: Гардарики, 2002.
9. *Лебедева М.М.* Мировая политика и предметное поле дисциплины // Мировая политика в условиях кризиса. М.: Аспект Пресс, 2010.
10. *Лебедева М.М.* Мировая политика: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2007.
11. *Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики (I) // Полис. 2005. № 3.
12. *Неклесса А.И.* Управляемый хаос, движение к нестационарной системе мировых связей. URL: <http://archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/universe/chaos/>
13. *Осипова Н.Г.* Социологическое осмысление феномена глобализации: основные теоретические подходы // Ломоносовские чтения, 2006. URL: <http://lib.socio.msu.ru>
14. Системная история международных отношений. 1918–2003. М.: НОФМО, 2003. Т. 3.
15. *Соловьев А.И.* Глобальная власть и глобальное управление // Глобальное управление. М.: ИНФРА-М, 2007.
16. *Торкунов А.В.* Современные международные отношения и мировая политика: учебник. М.: Просвещение, 2005.
17. *Цыганков П.А.* Международные отношения: учеб. пособие. М.: Новая школа, 1996.
18. *Цыганков П.А.* Мировая политика и ее содержание. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/005.htm>
19. *Цыганков П.А.* Политическая наука за рубежом. Транснационализм в науке о международных отношениях: вклад Джозефа С. Ная (мл.) и Роберта О. Кохейна // Теория международных отношений: хрестоматия. М.: Гардарики, 2002.
20. *Чешков М.А.* Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005.
21. *Чешков М.А.* Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы // Общественные науки и современность. 1998. № 2.
22. *Шебанова М.А.* Исторические формы транснациональной экономики и политики // Полития. 2011. № 4.
23. *Шумилов В.М.* Международное экономическое публичное право. М.: НИМП. 2001.
24. *Яковец Ю.В.* Откат глобализации и трансформация мировой экономики // Международная жизнь. 2009. № 8.
25. *Barkin S. J.* International Organization: Theories and Institutions. Palgrave Macmillan, 2006.
26. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
27. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. Thousand Oaks, CA: Sage, 1992.
28. *Robinson W. I.* Beyond the theory of imperialism: global capitalism and the transnational state. URL: http://www.soc.ucsb.edu/faculty/robinson/Assets/pdf/beyond_imperialism.pdf

29. *Robinson W.I.* Theories of Globalization // ed. Blackwell Companion to Globalization. George Ritzer. London: Blackwell, 2007.
30. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. New York: Harvester Wheatsheaf, 1990.
31. *Shaw M.* Global society and international relations: sociological concepts and political perspectives. Cambridge, UK: Polity Press, 1994.
32. *Terlouw K.* Is the World-System Approach Just a Global perspective? // Journal of World-Systems Research. 1995. Vol. 1, № 20.
33. *Wallerstein I.* The modern world-system: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. New York: Academic Press, 1974.
34. *Wallerstein I.* The capitalist world-economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
35. *Waters M.* Globalization. London; New York: Routledge, 1995.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru , journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

.....

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

« ____ » _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью